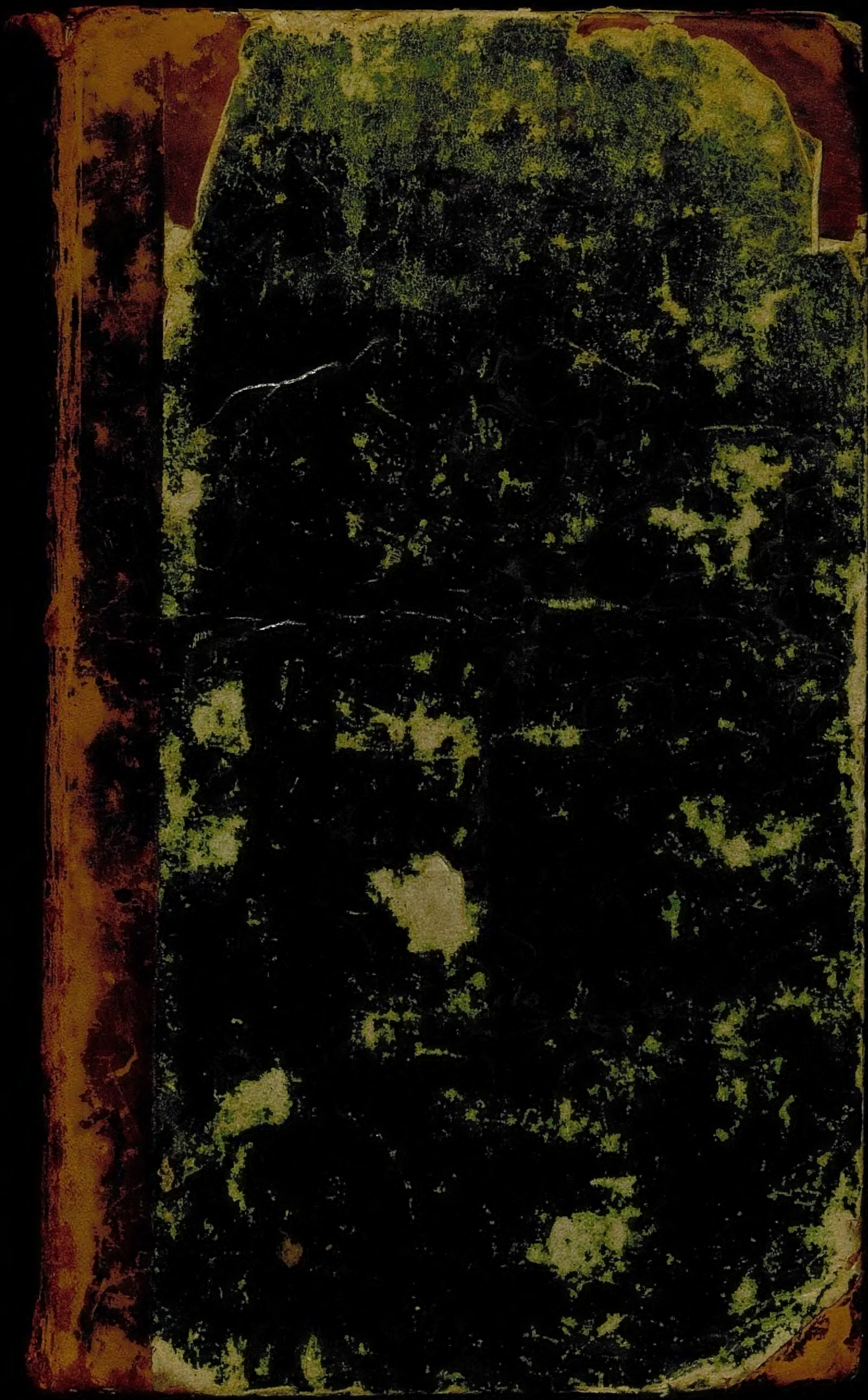

№ 1376 верхн

БЫТІЕ

СЕРДЦА МОЕГО.

БЫТІЕ
СЕРДЦА МОЕГО,
ИЛИ
СТИХОТВОРЕНІЯ
КНЯЗЯ
ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА
ДОЛГОРУКАГО.

Угодинъ — пустъ меня читаютъ,
Противенъ — пустъ въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не ищу.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СТИХОТВОРЕНІЯ ЗАБАВНЫЯ, ПѢСНИ И ВСЯКІЕ МѢЛКІЕ ОТРЫВКИ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1818.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. СПБ. Сентября 19 дня 1817 года. *Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Тимковской.*

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1530

Нѣчто для весельчаковъ.

Скажи пожалуй мнѣ, любезной мой пріятель,
Обрядовъ календарь и модъ образователь!
Кто выдумалъ законъ, которой всѣ такъ чтутъ
И пышнымъ шипломъ здѣсь *приличія* зовутъ?
Не читывалъ о немъ въ уставахъ я церковныхъ,
Ни въ Правахъ у Римлянъ, ни въ книгахъ баснословныхъ,
И думаю, что онъ уставленъ для людей,
Наскучившихъ другимъ свободою своей. —
Охотно дань платить готовъ связямъ сердечнымъ,
Обязанностямъ всѣхъ народовъ вѣковѣчнымъ,
Безъ коихъ намъ нельзя между собою жить,
Ни людямъ, ни властямъ, ни Небу угодить.
Позволь однако мнѣ обычаямъ смѣяться
И явно противъ тѣхъ изъ нихъ вооружаться,
Которые людей безъ пользы тяготятъ,
И часто старику мальчишкой быть велятъ!
Любить велѣлъ намъ Богъ отъ чиста сердца ближнихъ,
Покорствовать властямъ и миловати нижнихъ,
Сносить свою судьбу, какая намъ дана,
И совѣсть уберечь отъ всякаго пятна,
Простой душою чтить родства священны узы,
На чести основать житейскіе союзы,
Чужаго ничего себѣ не присвоять,

Убожество снабдить, нещастью сострадать,
И словомъ, такъ собой управить осторожно,
Чтобъ щастья въ тишинѣ достигнуть было можно.

Законъ сей сколько разъ и въ книгахъ я чипалъ,
И въ школахъ натвердилъ, отъ бапюшки слыхалъ;
Морали долгъ прямой я очень понимаю,
Совѣтъ ея цѣню, восторги ощущаю:
Но что съ обрядомъ въ ней есть общаго, скажи,
Коль можешь, располнуй, — коль мастеръ, докажи?

Я знаю тьму людей воспитанныхъ прекрасно,
Обширнаго ума, хваленыхъ всѣми гласно,
Которые проказъ своихъ теряютъ счетъ,
А весь обрядовъ листъ у нихъ на перечетъ;
Иные же совсѣмъ обычаевъ не знаютъ,
Различныхъ сихъ причудъ оковы низлагаютъ,
И чистое добро за правило принявъ,
По немъ кроятъ и мысль и образуютъ нравъ.

Приличіе въ глазахъ моихъ не что иное,
Какъ модныхъ сорванцевъ условіе пустое.
Шагни лишь чуть не такъ, какъ всѣ они хотятъ,
Не принято, бѣда — тотчасъ и закричатъ:
Не принято! — Да кѣмъ? — Господь ихъ право знаетъ, —

И этотъ деспотизмъ чрезмѣрно досаждаетъ.
Будь честенъ, добръ, уменъ, — но ежели не такъ
Живешь, какъ всѣ, — прощай — навѣки сталъ чудакъ.
Какъ будто, чтобъ имѣть отраду наслажденья,
Я мученикомъ быть сужденъ предубѣжденья.
Не смѣй надѣть кафтанъ такимъ покроемъ сшитъ,
Которой въ Декабрѣ отъ стужи защититъ;
Какъ мальчикъ въ двадцать лѣтъ издрогни на диванѣ,
И вѣтеръ пропусти сквозь десять дыръ въ кафтанѣ;
Не смѣй купить сукна, коль любишь яркой цвѣтъ, —
Чтобъ теменъ былъ твой фракъ, еще темнѣй жилетъ;
Чтобъ воротъ былъ похожъ на выкройку такова,
И будь одѣтъ на вкусъ совсѣмъ не свой — другова.
На балъ ли позовутъ, — не ѣзди въ семь часовъ;
Какая старина! — нашъ вѣкъ ужъ не таковъ:
Старайся трафить такъ, чтобъ около полночи,
Пріѣхавши торчать до бѣла дня сверхъ мочи;
А тамъ, какъ повалитъ къ заутренямъ народъ,
Ступай назадъ домой, — и спи хоть цѣлой годъ, —
Хворай, лежи, умри, знакомства не бывало,
Пріѣхать навѣстить не вздумаютъ ни мало.
Общественной законъ ни въ чемъ не проронит!

Обѣдать въ два часа — Владыко сохрани!
А голодъ коль пройметъ — ему вить нѣтъ уставу —
Съ бифштексомъ заказавъ хорошеньку приправу,
Тарелочку спроси, безъ лишнихъ прихотей
Пожуй минутъ пятокъ, да водочкой запей;
Потомъ, какъ позовутъ къ вечернямъ преподобныхъ,
Въ карету — и качай искать обѣдовъ здобныхъ;
Хоть кушай, хоть не ѣшь, да только не молчи;
Сентенціями плюй и въ горло хохочи. —
Такъ въ свѣтѣ жить большомъ уставщикъ превосходной
По конституціи приказываетъ модной;
И Боже упаси, опомнясь какъ нибудь,
Къ забавамъ захотѣть другой назначить путь.
Да только ли нарядъ, иль суточное время
Такое выносить обязываютъ бремя;
Нѣтъ, цѣлу жизнь хотятъ по своему вертѣть,
И дома не дадутъ спокойно усидѣть.
Ты какъ бы поскромнѣй подъ крышку запереться —
Двѣ трети года снѣгъ, вить надобно погрѣться —
А наши молодцы одно свое несутъ:
Не принято, не такъ — и весь догматъ ихъ тутъ;
Руби вѣнцы насквозь, тяни во всю палату

Гостинныхъ цѣлой рядъ, — что нужды до климату!
Рукъ сотню вдругъ заставь ударить въ поры,
Окошкамъ свѣту дай сажени полторы,
Чтобъ вѣтеръ въ Ноябрѣ взвывалъ какъ на паромѣ,
А баринъ бы не зналъ куда дѣваться въ домѣ:
Въ Италіи-де такъ вѣками введено.
Злодѣи! — тамъ печетъ — тамъ можетъ быть оно;
А здѣсь, когда мятель съ полей траву всю здернетъ,
Не только въ жилахъ кровь, — и ртуть на стѣнахъ мерзнетъ.
Пожалуй имъ толкуй; что Негру рожу мыть,
Такъ точно ихъ на ладъ другой переучить.
А болѣе всего мѣна визитъ замучитъ!
Кому сей площадной обычай не наскучитъ!
Изъ края въ край гоняй безъ пользы, безъ утѣхъ,
Чтобъ только показать пріязни видъ на смѣхъ.
Не ѣхать — зашумятъ: да жить онъ не умѣетъ,
Почтенья къ старикамъ и къ роду не имѣетъ!
Хоть вовсе не люби, да лишь въ завѣтной день
Толкнися къ нимъ присѣсть на полчаса, какъ пень.
Или, еще того забавнѣе затѣя,
Отправь по всѣмъ домамъ съ каретою лакея;

Онъ съ именемъ твоимъ колоду картъ возметъ,
Въ знакъ дружбы къ господамъ — швейцарамъ ихъ свезетъ.
За вздоръ готовы стать врагами человѣки!
Визиту на отдай — поссоришься навѣки;
При нуждѣ бросятъ всѣ, и бабушка и дѣдъ,
Травою зарастетъ къ твоимъ харомамъ слѣдъ.
Но смѣй объ Рождествѣ, и на Святой недѣли
Кататься на горахъ, явишься подъ качели,
А къ нимъ не завернуть — хоть не за чѣмъ, да такъ, —
Прощенія себѣ не ожидай никакъ;
На память приведутъ старинное знакомство,
И предковъ воскресятъ, и разродятъ потомство.
За что, скажи, всѣмъ тѣмъ пріязнью долженъ я,
Которы какъ-то мнѣ случилися родня? —
Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недругомъ,
Копѣйку раздѣлю; — а это кто сказалъ,
Чтобъ въ жизни часъ одинъ я попусту терялъ,
И столько-то разъ въ годъ оказывалъ бы ласки
Тому, о комъ слыхалъ отъ мамы вмѣсто сказки,
Что дѣдушку его, когда Петръ I жилъ,
Съ моимъ въ одну купель приходской попъ грузилъ?

Роднымъ зову того, кто мыслитъ благонравно,
Во щастьи твердой другъ, — въ нещастіи подавно;
А тѣмъ опнюдь не льзя въ душѣ согрѣть любовь,
Что пращуровъ однихъ смѣшалася въ насъ кровь.

Намедни на пиру, не помню гдѣ-то, знакомъ,
Нечаянно попалъ я съ моднымъ истуканомъ;
На этотъ же предметъ онъ много говорилъ,
Ѣлъ плотно ветчину, прилѣжно пиво пилъ,
Да хвастался еще, что можетъ по Французски
Свободнѣй говорить гораздо, чѣмъ по Руски;
Охотникъ всякой споръ пословицей рѣшить,
И тотчасъ отпустилъ: съ волками надо выть; —
Еще что? — въ монастырь чужой, какъ говорится,
Съ своимъ уставомъ вамъ мѣшаться негодится.
Конечно, — я и быть отнюдь не хлопочу
Уставщикомъ нигдѣ, не этаго хочу:
Весь свѣтъ перемудрить мечтаютъ лишь уроды;
Я только самому себѣ прошу свободы.
Не вамъ законъ пишу, а вы напротивъ мнѣ
Препятствуете жить съ разсудкомъ наровнѣ:
Хотите, чтобы я и ѣлъ, и спать ложился,
И нюхалъ, и дышалъ, и Богу бы молился

Такъ точно, какъ и вы, и въ тотъ же
самой часъ,
Когда нашлется мнѣ обычая указъ.
Нѣтъ, слишкомъ тяжело! Живите какъ у-
годно,
Да волю дайте жить другимъ, кому какъ
сходно!
Но ктожъ вамъ не велитъ, — ударилъ какъ
въ набатъ,
Подслушавъ нашу рѣчь, душистой отомантъ,
Ходячій косметикъ, простеганъ весь на
ватикѣ,
Мурашки не стрехнетъ безъ лайковой пер-
чатки,
Чинится день и ночь, напудренной шке-
летъ,
Поношенъ какъ Букварь и старъ какъ
этикетъ;
Лишь чуть пахнетъ зефиръ, перхота не
умолкнетъ,
И съ кашлемъ васъ въ глаза послѣднимъ зу-
бомъ щелкнетъ: —
Да кто же вамъ велитъ, твердитъ мой мо-
лодецъ,
Снимать съ другихъ для васъ противной об-
разецъ?
Какъ кто, сударь? какъ кто? Приличіе про-
клято,
Которое, Богъ вѣстъ, откуда въ жизни взято!
Насмѣшки попрыгушъ и страшной судъ
повѣсъ,
Въ которыхъ на бѣду вселился модной бѣсъ,
Такой-презрѣнъ дадутъ и фраку и жилету,

Что завтраѣъ попадешь какъ чучела въ газету.
Сидите дома. — Ахъ! душею бы я радъ;
Да хвостъ великъ, не льзя — ребята тормошатъ:
Имъ хочется вездѣ на праздникахъ болтаться,
И я за ними въ слѣдъ повиненъ тамъ шататься.
Сто разъ бы лучше звалъ къ себѣ гостей содомъ, —
По милости Творца большой имѣю домъ, —
Умѣлъ бы кое какъ еще пирушку сладить,
Разсохшій въ залѣ полъ велѣлъ бы стругомъ сгладить;
И были по зимѣ рога у насъ въ торгу:
Бѣда! такихъ потѣхъ сносить я не могу.
Попросишь въ семь часовъ, ждешь въ восемь, — ошибешься;
Устанешь, — отдохнешь, — задремлешь и проснешься,
А милые мои голубчики точь впочь,
Ни ранѣй, ни позднѣй, какъ въ самую полночь
Аравою къ тебѣ какъ шавочки нагрянутъ,
Поклонятся едва и по ранжиру станутъ.
Начнется толкотня — и не подстереги
Лихова слова врагъ — хоть со двора бѣги,
Хоть пресни параличъ, не жди себѣ покою,
Пока бурливой вальсъ не выпуститъ изъ строю;
И сколько прихотей приложится къ тому!
Посмѣшище за все, — не ради ни чему:

На что встрѣчать гостей, и требовать
поклона?
Учтивость такова худаго признакъ тона.
За чѣмъ горять свѣчи? — Сто кратъ ми-
лѣй кинкетъ;
Къ чему огроменъ столъ, — какъ свадебной
банкетъ;
Не лучше ли кругъ дамъ, взявъ вилку, на у-
дачу
Съ тарелокъ ихъ ловить пріятную подачу,
И въ страшныхъ торопяхъ, какъ будто
сводъ летитъ,
У стѣнки прислонясь, потѣшить аппетитъ?
Короче, естьли ихъ уважить предложенья,
Опкажешься ей, ей, отъ вотчинъ, отъ имѣнья,
Или за каждой балъ схлебнешь горячекъ пять;
И вся потѣха въ томъ, чтобъ нагло осмѣять.
Повѣрьте, имъ нейдетъ на разумъ веселиться,
Лишь толькобъ язычкомъ на щетъ другихъ
оскриться.
И такъ - то нынѣ всѣ въ народѣ егозя,
Мечтаютъ, что живутъ; а прямо жить
не льзя.
Въ отвѣтъ ко мнѣ тотчасъ на проповѣдь
жестоку
Пословица летитъ: — не всяко лыко въ
строку. —

Межъ тѣмъ одна изъ дамъ свой голосъ
вознесла,
Поступковъ прочихъ всѣхъ она превыше чла
Искуство на себя принять добра личину,
И грѣшниковъ щадя, любитъ грѣха причину,

Живой родня помочь не тронется ногой,
По мертвым то и знай, что править упокой,
Нижайшая раба, какъ скоро зазритъ ленты,
И даже на медаль особы комплименты, —
Помилуйте! рекла прихоливши сь она:
Не лѣвой ли ногой воздвиглись вы отъ сна,
Или какой-нибудь въ угодность Дульцинеи
Хотите расплодить Жан-Жаковы идеи? —
Когда изъ пустяковъ такъ желчь у васъ кипитъ,
За чѣмъ живете здѣсь? — Бѣгите лучше въ скитъ;
Съ медвѣдями вы тамъ попробуете силы,
Докажите имъ вѣсь чудесной Руской вилы;
А ель, береза, дубъ въ награду за труды
Листами зашумятъ, — бесѣда хоть куды! —

Насмѣшки слышать мнѣ, сударыня! не
въ диво,
Отвѣтствовалъ я ей довольно терпѣливо. —
Когда бы жить въ лѣсахъ съ дубинами хотѣлъ,
Товарищей такихъ и здѣсь бы я нашелъ.
Къ чему вы объ Руссо теперь напоминали?
Я самъ его читалъ, — вы можетъ быть
слыхали.
Вселенная надъ нимъ произнесла свой судъ;
Средину потерявъ, испортилъ онъ свой трудъ.
На четвереньках ползать нимало не забавно,
Да и за чѣмъ, — когда на двухъ ногахъ исправно
Иной такъ мастерски въ глазахъ у насъ
ползетъ,
Что самой гнусной червь того не переймет.
Мнѣ сходбища людей нимало не постылы;

Напротивъ, безъ вреда и сплетни даже милы.
Люблю ходить въ театръ, охотно я пляшу,
И чувство всѣхъ забавъ въ груди своей ношу;
Въ деревнѣ жить одинъ не чувствуя отваги,
Скрываться не привыкъ во мрачные овраги,
И паче всѣхъ твержу и въ прозѣ и въ стихахъ,
Что смерть сама красна бываетъ на людяхъ;
Веселью не злодѣй — кляну лишь принужденье:
Обряды ваши мнѣ Танталово мученье!
И сколько я люблю въ свободѣ суету,
Столь ненавижу модъ ужасну тяготу.

Послушайте меня, — Дельфина въ рѣчь
вступила;
Нашъ домъ она давно и искренно любила,
Дельфина, нѣжной другъ, любезная жена,
Которая на то, казалось, рождена,
Чтобъ твердости примѣръ, ума и сердца къ
славѣ
Предъ свѣтомъ развернуть въ чувствительнѣйшемъ нравѣ:
Свѣтъ созданъ не теперь, — онъ былъ всегда таковъ;
Вотще хотите вы громадою стиховъ
Исправить смертныхъ родъ, какъ школьника лозою:
Обычая никто не сломитъ головою.
Вамъ должно напередъ весь міръ переродить,
И заново потомъ вселенну сотворить;
Иначе, мой совѣтъ: съ приличьемъ соглашаться,
Чтобъ страннымъ чудакомъ въ собраньяхъ
не казаться;
Тѣмъ болѣе, что сколь неволя ни тяжка,

Не людямъ вить безъ васъ, — а вамъ безъ
нихъ тоска;
И что за похвальба при разумѣ немаломъ
Обычаю на зло прослыть оригиналомъ!
По чести, торжества не вижу вовсе тутъ;
Живите лучше такъ, какъ люди всѣ живутъ. —

Какъ люди! — я вскричалъ съ горяч-
ностью душевной;
Изъ устъ ли вашихъ ждалъ сей общій крикъ
вседневной?
И вы ли, отъ кого назадъ бѣжитъ порокъ,
Со всѣми сговорясь, даете сей урокъ? —
О! естьли перенять, что въ людяхъ-то
ведется,
То думаю, едваль и въ Африкѣ найдется
Такой ужасной звѣрь, какимъ въ нашъ му-
дрой вѣкъ
Состроенъ на показъ изящной человѣкъ.
Все въ свѣтѣ прощено намѣреньямъ постыд-
нымъ,
Лишь только ихъ прикрой предлогомъ благо-
виднымъ.
Оставя шутки всѣ, дадимъ уму просторъ,
Коль можетъ быть терпимъ безъ лести
разговоръ.
Взгляните на людей отличнѣйшаго свѣта!
Душа какъ уголекъ, — но щегольски одѣта.
Иной у всей родни имѣнье отобралъ,
Прекрасной человѣкъ! — онъ праздники да-
валъ;
Другой съ своихъ крестьянъ сдираетъ по
три кожи,

Не тронь его — смотри съ нимъ всѣ за
свой вельможи;
Мондоръ почасту пьетъ, да только по но-
чамъ,
А днемъ любезенъ всѣмъ за колкость эпиг-
рамъ;
Въ кругу большихъ господъ, разсыпавъ де-
негъ слитки,
Проигрывай шутя все, до послѣдней нитки;
Ты принятъ какъ родной, зовутъ тебя
вездѣ,
Лишь карты подадутъ — да гдѣ же онъ? да
гдѣ?

Невинность оболги поносной клеветою,
И добродушія ругаясь надъ слезою,
Безсовѣстнымъ лицемъ, — вдругъ рѣзкъ и
лобызай,
Мышенка бей съ плеча, а крысу не замай, —
Ты будешь слыть дѣльцомъ и станешь въ
рядъ чинами
Со всѣми лучшими отечества сынами;
Тихонько, безъ ножа, шпіонскою тропой,
Любова приколи, — да вслухъ молебны пой.
Вотъ что между людьми, кощунствуя безбо-
жно,
Временщики зовутъ жить въ свѣтѣ осторо-
жно!
Будь на это похожъ, и странным въ наши
дни,
Не бось, не прослывешь; — тѣ странны
лишь одни,
Кто правду говоритъ готовъ непринужденно,

Чтитъ доблесть въ нищетѣ и рубище смиренно;
Кто друга для того, чтобъ кстати припакнуть,
Въ компаніи не дастъ злорѣчію кольнуть.
Мы въ совѣсти своей хотя всю цѣну знаемъ
Сердечной правоты, но внѣ уничижаемъ;
Ревнивой злобы духъ геройской малитъ ростъ,
Подобно какъ лиса, подрѣзавши свой хвостъ,
Хотѣла, чтобъ у всѣхъ лисицъ его не стало.
Я часто примѣчалъ, на пиршествахъ бывало
Явится мужъ какъ лунь, и спросишь: кто таковъ?
Отвѣтъ: Мафусаилъ, педантъ, иль философъ,
И думаютъ, что тѣмъ возвысили отчизну,
Когда кому нибудь изволятъ въ укоризну
Такія имена безъ смысла придавать,
Какія древній міръ любилъ провозглашать.

Когда такую часть имѣютъ добры нравы,
Чего же могутъ ждать невинныя забавы,
Къ которымъ, признаюсь, не равнодушенъ я,
И кои рветъ изъ рукъ обычай у меня.
Еще бы иногда, по милости природы,
Я могъ забыть мои пятидесяты годы,
Одышки не страшась, я могъ бы танцовать
И въ обществѣ друзей комедіи играть;
Вреда нѣтъ никому, — да говорятъ, что стыдно,
Благопристойности, приличію противно.
Бесѣду бы завелъ, — да развѣ ты Вольтеръ,
Все хочешь жить на свой особенной манеръ?

Сберешься посмотрѣть въ деревнѣ хороводовъ,
Наскучивши толпой вертлявыхъ сумазбродовъ,
И тутъ всё не въ попадъ; наскажутъ тотчасъ всѣмъ:
Сосѣдей разогналъ, — не знается ни съ кѣмъ.
Пошутишь ли въ семьѣ, — пасквиль пресквернoй сложутъ
И къ сочиненіямъ твоимъ его приложутъ.
Отъ шуму не уйдешь, — вертись и такъ и сякъ.
Уменъ ли, — все ты плутъ! а скроменъ, — все дуракъ!
Вотъ такъ-то волю жмутъ въ желаніяхъ сердечныхъ
Законодатели обрядовъ безконечныхъ. —
Дельфина! можетъ быть я вышелъ изъ себя,
И слишкомъ горячо оспоривалъ тебя,
Тебя, въ комъ зрю доброту столь многихъ совершенство,
Семейства моего, души моей блаженство!
Прости, я виноватъ! — Желалъ бы такъ какъ ты,
Оставя далеко владычество мечты,
Отъ общества сокрывъ сердечныя вздыханья,
Природы лишь одной вкушать очарованья, —
Гулять, писать, цвѣты рукой своей садить,
И чтеньемъ отъ друзей сладчайшихъ писемъ жить;
Но, ахъ! сама велитъ въ томъ истина признаться,
Что въ твердости души съ тобой не льзя равняться!

Не всѣмъ дано сіе небесное добро,
Терпѣньемъ что нарекъ языкъ нашъ и перо. —

Воротимся къ тебѣ, всѣхъ тоновъ провозвѣстникъ,
Судилищъ ихъ органъ, державы ихъ намѣстникъ!

И слѣдующій здѣсь опредѣлимъ конецъ:
Чему не учитъ насъ небесной нашъ Отецъ,
Не требуютъ чего гражданскіе законы,
По мыслямъ то моимъ пустыя лишь препоны;
Доколѣ будутъ насъ поддѣльные друзья
Водить на помочахъ, — не будетъ здѣсь житья:
Гдѣ страха вовсе нѣтъ, тамъ нечего страшиться,
Въ чемъ нѣтъ стыда, того напрасно и стыдиться.

Таковъ мой приговоръ внесите въ свой журналъ! —
Піитъ одинъ давно въ побасочкѣ сказалъ:
Когда мы будемъ всѣ чужія слушать рѣчи,
Придется намъ осла взвалить себѣ на плечи.
Идею ту же здѣсь хотѣлъ я намѣкнуть;
И полно! — ужъ пора дать пальцамъ отдохнуть.

А в о с ь.

Хочу стихи писать отъ скуки,
Отъ скуки, точно для себя, —
Беру перо теперь я въ руки,
О ближній мой! не для тебя.
Да что писать? Ей, ей не знаю!
Предметовъ много я встрѣчаю,
Но было писано про все;
За мысль чужую ухвачишься,
По мнѣ, такъ это негодится:
Нѣтъ! — лучше выдумать свое.

*

Любовь! тебя во всѣхъ возможныхъ
Нарѣчіяхъ стихотворятъ;
Боговъ и истинныхъ и ложныхъ
Давно ужь ріемами дарятъ;
Давно Псалтирь въ нихъ наряжали,
Царямъ какъ царь ихъ поддавали;
Что знатной панъ, то акростихъ!
Бездѣлки, рѣченьки, камины,
Измѣну Лизы, вѣрность Нины,
И Феклу кто-то впряталъ въ стихъ.

*

Съ чегожъ начать свою мнѣ оду,
Покамѣстъ жаръ мой не простылъ,
Чтобы попастться ею въ моду,
Чтобъ всѣ кричали: какъ онъ милъ! —
Съ чего? — Или кто милъ безмѣрно,
На вкусы всѣхъ тотъ трафилъ вѣрно?
Нѣтъ, также, чаю, на авось.
Авось! — — что лучше сей обновки?
Твои я стану пѣть уловки;
Какъ браво, къ стати ты пришлось!

*

О слово милое, простое!
Тебя въ стихахъ я восхвалю!
Словцо ты Руское прямое,
Тебя всѣмъ сердцемъ я люблю!
Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вѣсъ почувствовать даешь.
Куда съ копытомъ конь помчится,
Туда же ракъ ползкомъ тащится;
Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

*

Изчислить всѣхъ чудесъ не можно,
Какія строишь ты, авось!
Скажу — и это чай не ложно —
Что безъ тебя весь умъ хошь брось.
Трудись, потѣй, слагая щемы,
Изчерпай естества системы, —
И все ты съ мѣста никуда;
А тотъ, кто за авось возмется,
Ни думавъ, ни гадавъ, плетется,
И промахъ рѣдко дастъ когда.

*

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философъ?
Напрасно станешь умъ задорить:
На правду мапку мало словъ. —
Пожалуй разводи бобами,
Слыхалъ я ихъ семи вѣками,
Красны они лишь на письмѣ;
А какъ на дѣлѣ пѣшку сдвинуть,
Къ Царю свою ладью придвинуть,
Такъ шутъ у всѣхъ авось въ умѣ.

*

На свѣтѣ мыкался я много,
Ходилъ, ѣзжалъ и такъ, и сякъ;
Пойдешь авось — вездѣ ошлого,
Пойдешь съ умомъ — все буеракъ.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая нынѣ каша,
Что безъ тебя все наплевашь.
На перекоръ разсудку смѣло
Ломай, коверкай всяко дѣло;
Коль тутъ авось, все тишь, да гладь.

*

Не нынѣ, ахъ! во всяко время
Удача богъ была земной!
Прочтите древнихъ книгъ беремя,
Давно сей сякнетъ ключь дрянной.
Взгляните вы на Римлянъ, Грековъ,
На бѣлыхъ, черныхъ человѣковъ, —
Откуда что у нихъ взялось?
Что былъ бы Ромулъ, випязь бравый,
Сей Римлянъ Царь превеличавый,
Что былъ бы, еспьлибъ не авось?

*

Коснусь ли здѣсь я для примѣра
Вина непьющихъ Музульманъ?
Взгляните тамъ на изувѣра,
Олтарь низвергша Христіанъ?
Что Магометъ Богохулитель
Востока вредный обольститель?
Что Александръ, весь свѣтъ плѣня?
Чтобъ были знатные Герои,
Богатырей водящи строи?
Что безъ авось? Точь вточь, что я!

*

Колико нѣжныхъ Сибаритовъ,
Блестящихъ златомъ и сребромъ,
Дающихъ дань толпѣ піитовъ,
Чтобъ зла ихъ тонкость звать добромъ?
Когда бѣднякъ потъ крови точитъ,
Слезами каждой грошъ промочитъ;
По лѣстницѣ тотъ благъ летитъ:
Авось взойду! себѣ вѣщаетъ,
И гдѣ не сѣялъ, пожинаетъ,
Что восхотѣлъ, то и творитъ.

*

А сколько тѣхъ сиренъ прекрасныхъ,
Что знать бы вѣкъ не довелось,
Когда бы въ помыслахъ ихъ страстныхъ
Не поселилося авось?
Но въ ростъ пустивъ свои пріятства,
Снискали славу, честь, богатства,
Пошевелясь какъ-то въ часъ. —
Когда иная щитъ устанетъ,
Цѣной камзола хлѣбъ достанетъ,
И сѣчетъ, не осущая глазъ.

*

Авось всему и всѣмъ подпора,
Съ нимъ любо и за карпы сѣсть;
Не глядя въ нихъ, кричи знай скоро:
Бостонъ! — открылъ — онъ тутъ и есть!
Въ бесѣдѣ миленькой дѣвченки,
Влюбился ль кто въ ея глазенки, —
Скажи люблю, скажи, не боясь;
И вѣрь, что нѣжно то словечко
Пройдетъ насквозь ея сердечко.
Въ любви премудрость вся — авось.

*

Вѣщайте, мудрецы! вѣщайте,
Дѣля на классы школьной бредъ!
Пшенцамъ его преподавайте;
А тотъ смѣется вамъ, кто сѣдъ.
Вы то, а свѣтъ твердитъ иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вить его не стащь учить;
Не къ намъ обычай примѣнится,
А намъ съ нимъ надо согласиться:
Съ волками надо волчьи выть.

*

Въ глазахъ у матушки играя,
Ребенокъ иногда шалитъ,
По мѣрѣ лѣтъ обманъ слагая,
Авось она не разглядитъ;
Ростетъ — тогда шалитъ важнѣе,
Все съ тою цѣлью, хоть скромнѣе,
Что съ рукъ авось-либо сойдетъ;
Мужаетъ съ тою же повадкой,
Питаяся надеждой сладкой,
Что онъ-то всѣхъ и проведетъ.

*

Сожитель женку увѣряетъ ,
Что онъ чужихъ не терпитъ женъ ;
Супруга мужа лобызаетъ ,
Твердя , что болѣ всѣхъ милъ онъ ;
Скупой свою шкатулу прячетъ ;
Бродяга весь свой вѣкъ маячетъ ;
Приказной крадетъ , что есть силъ ;
А всякой самъ въ себѣ смѣкаетъ :
Авось никто - де не узнаетъ ,
Что я проказу сгородилъ.

*

Старикъ одной ногою въ гробѣ
Мечтаетъ годъ прожить еще ;
Онъ , чая жизни новой въ небѣ ,
Здѣсь любитъ суеты вотще ;
По склонности своей природной,
Въ часокъ , отъ немощи свободной,
Карапкается мыслью вверьхъ :
Авось - дескать я знатенъ буду ,
И денегъ наживу я груду !
Меня чѣмъ лучше сей извергъ ?

*

За что зовемъ того злодѣемъ ,
Кто мастеръ щастье добывать ,
Кто случаемъ , какъ дѣти змѣемъ
По вѣтру , смыслитъ управлять ?
Чужое благо насъ тревожитъ ;
Но развѣ всякъ изъ насъ не можетъ
Одною съ нимъ стезей идти ?
Его авось вить удается ;
Поди за нимъ , коль не споткнется
Твоя нога на семъ пути.

*

Авось велико, право, дѣло!
Онъ всѣхъ затѣевъ нашихъ руль;
Лови успѣхъ, чтобъ все кипѣло,
Коль въ мірѣ быть не хочешь нуль:
У всѣхъ такія нынѣ мысли.
По мнѣ, меня чѣмъ хочешь числи,
Лишь былъ бы я здоровъ и сытъ;
За тѣмъ ни въ шахи не желаю,
И предковъ словъ не забываю:
Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ!

*

И такъ тебѣ хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои добропы описавши,
Прошу вниманья твоего!
Въ Отечествѣ моемъ преславномъ,
Ни съ чьимъ въ подсолнечной не равномъ,
Останься другъ мнѣ навсегда!
А естьли я подъ часъ ряхнуся,
Къ тебѣ подъ крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

*

И точно такъ, коль другъ по модѣ,
Чтобъ дружбу сильно мнѣ явить,
Отъ важныхъ дѣлъ своихъ въ свободѣ
Задумаетъ мнѣ яму рыть;
Но средствъ на то честныхъ не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станетъ гнуть меня въ дугу:
Ты съ нимъ пожалуй не якшайся;
Въ оврагъ спехнуть его старайся,
Вступясь за вѣрнаго слугу!

*

О часъ досуга вожделѣнна!
Прошелъ, и въ вѣчность канулъ ты;
Съ нимъ вмѣстѣ духа восхищенна
Изчезли пылкія мечты!
Но плодъ сей незабвенъ пребудетъ,
Въ бюро моемъ храниться будетъ,
Доколѣ жить мнѣ довелось!
Созрѣй ты тамъ возлѣ Камина (*)!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль съ нимъ? . . . Авось!

(*) Сіе относится къ одѣ моей подъ названіемъ: Каминъ.

Везеть.

Я пѣлъ авось, и мнѣ сказали,
Что эта пѣсня хороша;
Ее всѣ взапуски читали,
И добрая моя душа,
Не зная по себѣ притворства,
Возмнила, будто стихотворства
Ей боги низпослали даръ;
Съ тѣхъ поръ хоть изрѣдка бывало,
Стиховъ я писывалъ не мало,
Здавалъ бумагѣ весь мой жаръ.

*

Теперь я сталъ мужикъ свободной,
И дѣлать всячину досугъ;
Хотя пиитъ не превосходной,
Но все гожусь въ семейной кругъ.
Бумагу цѣлой день мараю,
Перепишу, да прочитаю;
Моя цензура все жуетъ.
Она не смѣетъ бить тревогу, —
За тѣмъ, что дома, слава Богу!
Черезвычайно мнѣ везетъ!

*

Блаженъ не тотъ, кому природа
Даритъ ключи чужихъ сердецъ,
Не тотъ, кому дала порода
Права на знатность и вѣнецъ;
Повѣрьте, — все мечта пустая...
Не рѣдко слезы проливая,

И Царь какъ подданный живетъ;
А только тотъ лишь безъ сомнѣнья,
Во всемъ пространствѣ выраженья,
Совсѣмъ щастливъ, — кому везетъ!

*

На что чему нибудь учиться?
Безъ пользы тратить краткой вѣкъ!
И звѣздочетъ подъ часъ крушится,
Какъ и безъ смысла человѣкъ. —
На свѣтѣ что-то есть другое,
Непостижимое, живое,
Чего премудрость не даетъ,
Чего въ рядахъ не покупаютъ,
Ни въ житницы не собираютъ,
Что просто мы зовемъ — везетъ! —

*

Въ одномъ прекрасномъ этомъ словѣ
Сокрытъ чудесной талисманъ...
Вседневно щастія въ обновѣ
Горитъ въ алмазахъ испуканъ. —
Убѣй, — укради, — сожги, — насилуй,
Невинныхъ корчь, — злодѣевъ милуй, —
Какъ съ горъ вода, все съ рукъ сойдетъ.
Любви усердной подъ предлогомъ
Тебя зовутъ всѣ полу-богомъ;
Чему дивишься тутъ, — везетъ! —

*

Кому не хочется быть знатнымъ
На мѣсяцъ, на день, на часокъ;
Не вѣчно можетъ быть пріятнымъ
Смиренной сельской уголокъ.

О комѣ-то помню басня пѣла (*):
Онъ спалъ, а у него сидѣла
Сама Фортуна въ головахъ.
Сказать-то можно все гладенько;
Но стоя прямо — мудрененько
Быть въ холѣ въ Царскихъ теремахъ.

*

Римлянъ дни древніе промчались,
Боярь не видно за сохой,
А мы ихъ сказокъ начитались,
И бредимъ тою же мечтой.
Народъ не шлетъ ужъ нынѣ въ поле
Просить на Царство по неволѣ,
И Цинциннатовъ не видать.
Фортуны всякой искомъ ищетъ,
Пѣшкомъ, верьхомъ, на пройкѣ рыщетъ;
Догналъ, — такъ и пошла писать.

*

Гостепріимства добродѣтель
Напрасно мы даемъ себѣ;
Корысть и страхъ — я самъ свидѣтель,
Одни лишь дѣйствуютъ въ избѣ.
Коль денегъ нѣтъ, коль нѣтъ и власти,
Среди отчаянной напасти
Вы не добьетеся нигдѣ
Ни ѣсть, ни пить, ниже ночлегу;
Вамъ клячи не впрягутъ въ телегу,
И нагло вытѣснятъ вездѣ.

*

(*) Сочиненіе Дмитріева.

Мораль фальшивая монета,
И уничтожена давно.
Во время ветхаго завѣта
Извѣстно было ужь оно, —
И новой старь, но все не видно,
Чтобъ смыслилъ кто, ей безобидно,
Прямую таксу положить;
А на мѣнѣ съ такимъ товаромъ,
Слыхалъ я ходя по базарамъ,
Сего дня врядъ и харчь нажить.

*

Осмотримъ весь народъ крещеной;
Вездѣ проказами живутъ: —
Арабъ на солнышкѣ копченой,
И замороженной Якутъ,
Съ конца въ конецъ всѣ козни строютъ,
Плетутъ силки, да ямы роютъ,
И Князь, и Графъ, и баринъ лжетъ;
Но только тотъ уменъ, достоинъ,
Хорошъ, пригожъ, богатъ, покоенъ,
И словомъ, хватъ, — кому везетъ.

*

На это нѣтъ въ законахъ права,
Не схватишь пушкой на проломъ,
Ни самымъ лучшимъ свойствомъ нрава,
Ни твердымъ духомъ, ни умомъ;
Пускай одно благотворенье,
Твой долгъ и честь и наслажденье.
Прекрасно! — только въ прокъ нейдетъ.
Себѣ тѣмъ щастья не устроишь,
Отъ темной ночи не укроишь; —
За малымъ стало, — не везетъ!

*

Другой за все, про все рискуетъ,
И не теряетъ ничего;
Колоду картъ возметъ, стасуетъ,
Во банкъ пустилъ, — и все его.
Надъ нимъ не грянетъ громъ изъ тучи;
При нуждѣ вдругъ червонныхъ кучи —
И тотъ и тотъ въ займы даетъ;
На чай, на балъ откушать просятъ;
Студенты въ ріѳмахъ превозносятъ. —
Вотъ то ли дѣло, какъ везетъ.

*

Везло и мнѣ, какъ былъ моложе;
Я славно сѣялъ, — чисто жалъ.
Мой конь всего мнѣ былъ дороже;
На цугъ егобъ не промѣнялъ.
Свою сработавъ десятину,
Любилъ запахивать чужбину, —
И въ землю рылся глубоко.
Въ загонцѣ маленькомъ пушистомъ,
На бѣгунѣ моемъ рысистомъ,
Умѣлъ уѣхать далеко.

*

Везло — когда съ подругой милой
Катался въ шлюпкахъ по Невѣ,
Или со всей душевной силой
Влюблялся каждой день въ Москвѣ.
Мечтами сердце восхищалось,
Кого ни встрѣчу, — мнѣ казалось,
Что всякой внутренно хорошъ.
Не зналъ, что есть такія души,
Для коихъ на морѣ и сушИ
Другаго Бога нѣтъ — какъ грошъ.

Везло — когда въ дворянску шайку
Попалъ театритъ (*) во Дворцѣ,
Съ богатыремъ играли въ свайку,
Или въ воланы на крыльцѣ;
Ходилъ за столъ его къ обѣду,
И на вечернюю бесѣду
Дверей никто не затворялъ.
А какъ женился я — то права
Такой былъ балъ, огонь, забава (**),
Какихъ я вѣчно не давалъ.

*

Тогда летѣли мы, летѣли,
Неслись на крыльяхъ щастья въ рай;
А нынѣ все пошли мятели,
На ясны дни неурожай.
Пришлось и мнѣ сквозь огнь и воду
Стерпѣть ужасную погоду;
Духъ бурный перья всѣ ошибъ,
Со всѣхъ сторонъ бѣды жестоки
Отверзли горькихъ слезъ потоки:
Но Богъ взглянулъ, — и я не сгибъ.

*

(*) Слово собственное мое, чтобъ посредствомъ его избѣжать цѣлой рѣчи; ибо слово одно играть не значило бы еще точно играть комедію; а это иного ничего разумѣть не даетъ.

(**) Свадьба моя была на Каменномъ острову во Дворцѣ тогдашняго Наслѣдника, въ 1787 году.

Ему едину покланяюсь
Въ душѣ и совѣсти моей,
Его десницей ущедряюсь,
Живу, дышу и движусь ей. —
Не гнѣвъ боярь, — гнѣвъ Божій страшенъ;
Не судъ людской, — Его ужасенъ;
Онъ вьюги вѣетъ, — Онъ уйметъ;
Велитъ зарѣ во мглу проникнуть, —
Тогда и мнѣ удастся вскрикнуть:
Ура! друзья мои — везетъ! —

Живетъ.

Кто вамъ сказалъ, любезны други!
Что будто грамота у насъ
Для стихотворческой прислуги,
Когда зарѣзвится Пегасъ,
Бѣдна, подла и такъ ничтожна,
Что даже врядъ ли намъ возможно
Смѣнить съ чужою нашу рѣчь?
Конечно сей расколъ ужасный
Въ Руси завелъ Французъ опасный;
Пора бы моду сбросить съ плечъ.

*

На все языкъ Россійской годенъ
Тому, кто даръ стяжалъ писать;
Онъ силенъ, звученъ, благороденъ,
И все способенъ выражать.
На немъ читаемъ Россіяду,
Поемъ любовь, печаль, досаду,
Есть Душинька, Фелица, Богъ!
Кому въ какомъ угодно родѣ,
Стиховъ премножество въ народѣ;
По вкусу выбирайте слогъ. —

*

Своя у всякаго есть Муза,
Бумаги пропасть, перьевъ тьма,
Идей подъ черепомъ абуза,
Какъ мошки льнутъ вокругъ ума.
Прихожанъ въ храмѣ Аполлона
Такъ много, что отъ ихъ трезвона

Онъ самъ ужъ мѣста не найдетъ. —
А я у приполки тамъ стоя,
Худую балалайку строя,
Мурлычу кой-что, — и живетъ!

*

И радъ бы въ рай, какъ говорится,
Да не пускаютъ насъ грѣхи.
Иной надъ стопами трудится,
Кладетъ какъ зданіе стихи,
А толку нѣтъ; — да и не диво,
Воображеніе лѣниво.
Въ страницѣ многосложныхъ словъ,
Безъ піитическаго дара,
Безъ мыслей рѣзкихъ и безъ жара
Распуститъ кучу пустяковъ.

*

Не всякой можетъ какъ Державинъ
Вспорхнуть и на небо летѣть,
Быть арфой и свирѣлью славенъ;
Одной пронуть, другой гремѣть.
Изящность прочимъ уступаю,
Я звѣзды съ неба не хватаю;
На откупъ взялъ Парнасской соръ.
Писать пустое — наше дѣло,
За это мы беремся смѣло.
Послушайте жъ мой новой вздоръ! —

*

„Ужъ ли Творецъ подлунной сферы,
Вселенну такъ расположилъ,
Чтобы красотъ однихъ примѣры
Повсюду смертной находилъ?
Никакъ, всему различны свойства, —
И тѣмъ-то связь благоустройства

Природа въ существахъ блюдетъ:
Иному видъ даетъ нарядной,
Кому простой, кому изрядной,
А гдѣ со всячинкой, — живетъ!

*

По мыслямъ и слова родятся,
А навыкъ, сей большой деспотъ,
Уча свободно изъясняться,
Знакомитъ съ ними весь народъ.
Во всѣхъ странахъ языкъ природной
Свой духъ имѣетъ превосходной;
Но нашъ всѣхъ за поясъ заткнетъ. —
Ну какъ Французъ, Швейцаръ и Нѣмецъ,
Какой хотите иноземецъ,
По свойски выразитъ живетъ?

*

А мы прекрасно вразумились
Въ натуру этаго словца,
Играть имъ кстати научились
Отъ самыхъ хижинъ до дворца.
Вездѣ, во всякомъ разговорѣ,
Хоть за просто, хотя въ уборѣ,
Оно приличіе найдетъ;
И баба въ грубомъ сарафанѣ,
И щеголиха на диванѣ,
Твердятъ частехонько: — живетъ!

*

Плѣня большаго Господина
Разхожей прелестью своей,
Выпрашиваетъ мужу чина
Наглѣйшая изъ Дульциней.

Для сильныхъ есть ли невозможность ?
Готовъ и крестъ, и чинъ, и должность —
И вмѣстѣ рогъ на лбу растетъ.
Вотще разсудокъ возражаетъ :
Постой ! онъ грамотѣ не знаетъ !
У страсти свой отвѣтъ : — живетъ !

*

Бояринъ длиннаго заглавья
Готовясь къ праздничному дню,
Когда сберется изъ тщеславья
Дарить убогую родню,
Велитъ сыскать въ рядахъ бездѣлку,
Или лежалыхъ смоквъ тарелку
Съ большими вычурами шлетъ.
Что дрянь такая не годится,
Онъ тѣмъ нимало не стыдится ;
Бормочетъ сквозь зубовъ : живетъ !

*

Судейка проситъ на крестины
Мѣлкопомѣстнаго къ себѣ;
Сперва попробуетъ всѣ вины
У клюшницы своей въ избѣ,
И лучшихъ сортовъ прочь отставитъ,
А кислыя медкомъ приправитъ,
Смолой замажетъ, — и черкнетъ
Своей рукою : дрей-мадера !
Весьма хозяйственная мѣра ! —
А гдѣ же лучше взять ; — живетъ !

*

Купецъ, нанявши щель, торгуетъ,
И мѣтитъ какъ бы обмануть ;

Повѣса, вздернувъ носъ, гарцуетъ,
И всюду хочетъ заглянуть.
Попалось взору нѣчто мило,
На видъ красно, — на пользу гнило,
Онъ туго денежки даетъ;
Сидѣлецъ фарсы выпускаетъ,
Купите Баринъ! приступаетъ,
Товаръ по васъ, сударь! — живетъ.

*

Мастеровой ли, — тотъ конечно
Шага не ступитъ безъ него.
Верстакъ ворочая безпечно,
Путемъ не сладитъ ничего;
У всѣхъ работой заберется
И тѣмъ исторія начнется,
Что весь задатокъ онъ пропьетъ;
Потомъ съ похмѣлья кажду штуку
Испортитъ онъ на скору руку,
И кончитъ пѣсенкой: — живетъ!

*

Отпущенной на госпожинки
Къ отцу домой Семинаристъ,
Обнюхавши домашни скрынки,
Нашелъ въ оберткахъ драной листъ,
И ну съ ужасною методой
Потѣть надъ чрезвычайной одой;
Реторика такъ и плыветъ.
А батька, веселясь о чадѣ,
Воркуетъ при умильномъ взглядѣ
Съ улыбкой скромною: — живетъ!

*

Сосватай сваха мнѣ невѣсту,
Просилъ безчестной женишекъ,

На фижмахъ, здобную, прелесту;
Я мѣди дамъ тебѣ мѣшокъ.
Старухѣ дѣвки всѣ знакомы;
Она ощмыгала всѣ домы,
Нашла калеку, и ведетъ
Играть въ игрушку четъ и нечетъ,
А суженому въ ухо шепчетъ:
Вѣнчайся, батька мой! — живетъ!

*

На свѣтѣ много штукъ подобныхъ,
А свѣтъ огромная семья,
И въ ней не безъ людей негодныхъ;
Уродовъ разныхъ видѣлъ я.
Богъ знаетъ, что на нихъ находитъ!
Иной такую дрянь городитъ,
Что Соломонъ не разберетъ;
Другаго идеалы мучатъ,
Какъ женщину на сносяхъ пучатъ, —
Родится мышь — и чуть живетъ!

*

Пускай бы такъ; — но вотъ нещастье!
О Небо! отврати его!
Изчезло въ родинѣ участье,
И свой не любитъ своего;
Благоутробіе пропало,
Въ устахъ кипитъ змѣино жало,
А сердце каждой день гніетъ.
Смотря на эту зла картину,
И видя прежнихъ благъ руину,
Никакъ не льзя сказать — живетъ!

*

Забыли вовсе мы природу,
И отступились отъ нее;
Сулимъ пріязнь, твердимъ свободу,
А какъ до дѣла, — басни все.
Впадешь невольно въ прегрѣшенье,
Фон-Визина стихотворенье
Тотчасъ на разумъ набредетъ:
Мы точно на столѣ игрушки;
Вездѣ въ насъ козыряютъ пушки;
А игроки кричатъ: — живетъ!!!

*

О суетная горделивость,
Всѣхъ низкихъ побужденій мать!
Почто ты гонишь справедливость,
Не дашь и слова ей сказать!
Скорѣе понтъ оземленится
И бѣсъ полуденной смирится,
Чѣмъ самолюбіе проститъ
Того, кто въ глазъ его уколитъ!
Ничто кичливыхъ не умолитъ;
Во чревѣ ихъ весь адъ кипитъ.

*

Но сбился я съ своей дороги,
Совсѣмъ заѣхалъ не туда.
Съ дудою ломится въ чертоги
Нашъ братъ не всякой, не всегда;
Тамъ виртуозы лишь играютъ,
Тамъ двери настижъ разтворяютъ
Златымъ цѣвницамъ и трубамъ;
А мнѣ чего же добиваться? —
Я радъ, что любятъ посмѣяться
На площади моимъ стихамъ.

Прощай, дитя новорожденно!
Да не задорься изъ похвалъ;
Не требуй ихъ уничиженно,
Не будь пожалуста нахалъ. —
По чести, я не сокрушуся,
Ни на кого не разсержуся,
Коль журналистъ тебя хлеснетъ. . . . —
Я знаю самъ, что соли мало
Въ мою чернилицу попало;
Но такъ и быть — ступай — живетъ!!!

Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ.

Люблю пріятельску бесѣду,
Гдѣ нѣтъ насмѣшки никакой,
Гдѣ можно за столомъ сосѣду
Сказать словца два, три за свой;
Люблю я тамъ играть, рѣзвиться,
Гдѣ принятъ просто, безъ чиновъ,
Гдѣ не боюсь тѣмъ провиниться,
Что на bon mot я не готовъ.

*

Бывало дѣдъ почтенной въ родѣ
Когда семейный пиръ даетъ,
По чувствамъ сердца, не по модѣ,
Своихъ гостей къ себѣ зоветъ,
Трапезу ставитъ не богату,
Виномъ заморскимъ не поитъ,
Не штофомъ убираетъ хату, —
А всякой веселъ тамъ и сытъ.

*

Тамъ нѣтъ вѣстей, переговоровъ,
Надутой баринъ не шипитъ;
Не сѣютъ сплетницы раздоровъ,
Богачъ надъ бѣднымъ не трунитъ.
Прошли тѣ годы, какъ любили
Такимъ манеромъ въ свѣтѣ жить;
То дни златаго вѣка были,
Какихъ намъ снова не нажить.

*

Тогда супругъ женѣ былъ вѣренъ,
Сестру любилъ всѣмъ сердцемъ братъ,
Родитель въ дѣтяхъ былъ увѣренъ,
И ближній ближнему былъ радъ;
Но столь похвальные примѣры
Не попадаются ужъ намъ:
Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

*

Мы ближнихъ и друзей не знаемъ;
Куда ни сунься — всё одинъ;
Взаимны связи презираемъ, —
Корыстъ намъ Богъ и господинъ.
Гдѣ есть хоть малыя выгоды,
Умѣемъ тотчасъ ихъ смекнуть;
Для нихъ чрезъ пропасти и воды
Бездѣлка намъ перешагнуть.

*

Въ большой великолѣпной залѣ
Посмотришь индѣ — тьма людей!
Всѣ пляшутъ до пота на балѣ,
А скука ждетъ всѣхъ у дверей.
Пріятель друга обнимаетъ,
Его ни мало не любя;
Тотъ той же лаской отвѣчаетъ,
И шепчетъ: чертъ бы взялъ тебя!

*

Видалъ я часто обращенье
Обоихъ половъ межъ собой;
Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье,
Мазурка рай для нихъ земной; (*)

(*) Имена плясокъ, иногда употребляемыхъ.

Повсюду слышится всечасно:
Ахъ, какъ мила! ахъ, распремилъ!
Все въ ней божественно, прекрасно! —
Гудки съ двора — и жаръ проспылъ.

*

Мущинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
Тамъ безпорядокъ и содомъ;
Бостономъ день у нихъ начнется,
А вечеръ кончится виномъ.
Потомъ разцѣнка за глазами
Пойдетъ порядочная всѣмъ;
Въ злословьѣ хвастаютъ умами,
Никто не дорожитъ никѣмъ.

*

Вотъ такъ-то жить мы научились!
О предки! естьлибъ вы сюда
Хоть на минуту къ намъ явились,
Едва повѣрилибъ тогда,
Что ложь, обманъ и лицемѣрство
Умовъ отличныхъ нынѣ знакъ;
Что честь слываетъ за суевѣрство;
Что кто не льститъ, тотъ и дуракъ.

*

Въ замѣну древня благородства
Взгляните вы на нашу спѣсь,
Взгляните, чада патріотства,
Колико эгоистовъ здѣсь!
Сіе угрюмое созданье,
Лукавства смертныхъ горькой плодъ;
За нашу хитрость въ воздаянье
Возникъ на свѣтъ сей уродъ.

*

Ликуй, холодный себялюбецъ!
Твой праздникъ и пора теперь;
Лежи въ диванѣ сластолюбецъ
Одинъ какъ въ дебри дикой звѣрь!
Тебя никто, никто не любитъ,
Хотя ты знатенъ и великъ;
Твои дѣла не слава трубитъ,
Но купленной бродягъ языкъ.

*

Когда желѣзный прутъ судьбины,
Которой школитъ смертныхъ всѣхъ,
Пробьетъ на лбу твоемъ морщины,
Тогда болѣзнь уйметъ твой смѣхъ;
Вздохнешь, ума забывъ игрушки;
Никто не повторитъ твой вздохъ;
Обнявъ парчовыя подушки,
Тошнѣй меня ты скажешь: — охъ!!.

*

Тошнѣй, чѣмъ я, которой въ свѣтѣ
Тропинкой узенькой бреду,
Имѣя малое въ предметѣ,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мнѣ другъ, она мнѣ рада;
Дѣтей у насъ полна изба:
Вотъ въ мірѣ семъ Небесъ награда!
Красна просныхъ сердецъ судьба!

*

О другъ мой мать и вождь природа!
Твои дары милѣй всего!
Здоровье, пища и свобода, —
Не надо больше ничего.

Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня.

*

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искуства,
За то Творца благодарю!
А естьлибъ далъ богатства много,
Когдабъ возвысилъ Онъ мой рогъ, —
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ. —

*

И такъ ты думай, какъ угодно,
Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ!
Но мнѣ съ тобой никакъ не сходно
Своимъ на твой мѣняться вѣкъ.
Я буду жить, какъ жилъ доселѣ,
Твоя пусть жизнь идетъ, какъ шла;
Когдажъ не будетъ духа въ тѣлѣ,
Тогда увидимъ — чья взяла!...

Семира Болеславна.

Послушайте меня, Семира Болеславна!
Открою тайну вамъ; она весьма забавна. —
Вестимо буди вамъ, чтобъ въ доброй мол-
вить часъ,
Что дернулъ сатана меня влюбиться въ васъ. —
Не въ мочь уже терпѣть; или сей часъ
жениться,
Иль пяжкой сдѣлать грѣхъ, — на сворѣ
удавиться.
А чтобы за резонъ? Понять изволь, мой свѣтъ:
Петровъ день на дворѣ — мнѣ стукнетъ
двадцать лѣтъ;
У матушки въ селѣ крестьяне въ это время
Всѣ женются давно — мнѣ жизнь безъ друга
бремя, —
Слоняюсь все одинъ, ни бабы, ни дѣтей,
И не кому ходить за пажитью моей.
Нѣтъ, полно! ужь пора зажить домкомъ
господскимъ;
Объ этомъ толковалъ я и съ попомъ приход-
скимъ,
А къ намъ вотъ на Святой лишь только
посвященъ
Какой-то Богословъ — и сильно обученъ.
Онъ часто мнѣ твердитъ, что лучше обвѣн-
чаться,
Чѣмъ страстію любви сушиться и терзаться.

И впрямь, коль разсудишь, голубушка моя,
Что полку одному маячить вѣкъ, какъ я?
Господь благословилъ меня паки достаткомъ:
Крестьянъ за мной въ степи душъ триста
и съ остаткомъ;
Скота — не перечтешь! а жита что —
а птицъ!
Сусѣковъ не стаетъ, — нигдѣ такихъ пше-
ницъ!
Овса ли, какъ у насъ въ уѣздѣ, не родится;
Что лѣсу на бору, и въ стройку весь го-
дится;
А рыбы-то въ прудахъ — невидано такой,
И наши караси весь круглой годъ съ икрой. —
Ужь то ли не житье! — Да чтобъ добра ни
было,
Безъ милаго дружка на свѣтѣ все постыло, —
И солнце не свѣтло, и мѣсяцъ не на вкусъ,
И въ душу никакой нейдетъ любимый кусъ. —
Пойдешь на скотной дворъ — съ навозу
станетъ душно,
А съ матушкой сидѣть помилуй Богъ какъ
скушно!
Такая лезетъ дрянь, такой найдетъ
столбнякъ,
Что сутокъ пять лежишь какъ въ стойлѣ
аргаманъ.
Лишь толькобъ до вѣнца мнѣ какъ нибудь
добраться,
А то я молодецъ могу хоть съ кѣмъ рав-
няться;
Дѣтина на показъ, натурою щастливъ,
И туловищемъ дюжъ и рожею смазливъ;

Хотъ рѣчью говорить заморской не умѣю;
Признаться и свою тупенько разумѣю; —
Да развѣ тѣмъ однимъ на свѣтѣ только
жить;
И бабу цѣловать и дѣтушекъ родить,
Которые, съ тѣхъ поръ, какъ школы по-
явились,
Невѣдомо какой грамматикѣ учились?
Пустое непотачь! — Хотъ я не грамотѣй,
Дай сроку, какъ женюсь, и я взведу дѣтей.
Что много разсуждать? Семира Болеславна!
Поди-на за меня, — и заживемъ мы славна!
Все, ягода моя, тебѣ во власть отдамъ,
Прошенье въ Земской Судъ по формѣ я по-
дамъ;
Велю въ немъ написать, что весь мой скотъ
рогатой,
И закромъ, и подвалъ, и пчельникъ мой бо-
гатой
Потомственно тебѣ, сударушка, дарю:
Пускай же знаютъ всѣ, какъ жарко я горю,
И пусть по всѣмъ торгамъ разносится молвою,
Что скоро я вступлю въ законной бракъ съ
тобою.
Исправникъ и судьи къ намъ гурбой на-
летятъ,
Нацѣдимъ пива чанъ, — нарѣжемъ поросятъ;
Въ день свадьбы подарю волосяно колечко,
И съ перламутрами янтарное сердечко;
А самъ надѣну фракъ, что мой отецъ носилъ,
Когда по сторонамъ амуриться ходилъ.
Кой часъ изъ подъ вѣнца воротишься со мною,
Велю псарямъ встрѣчать музыкой роговою;

А тамъ я приложусь къ малиновымъ устамъ, —
Хе! хе! — и будешь ты, какъ водится,
Мадамъ.
Назавтра пиръ горой; — мой староста съ
народомъ
Ударится челомъ, — а бабы хороводомъ
Придутъ вокругъ тебя вѣнки зелены плесть
И станутъ пѣсни пѣть, что силы въ груди
есть. —

Какъ праздники пройдутъ, начнемъ су-
шить овины,
Подъ ивами гулять мы станемъ вдоль плотины,
Холопей за собой нарядимъ ровно двухъ,
Чтобъ веничкомъ они обмахивали мухъ;
Не то — велимъ по насъ пріѣхать дрож-
камъ съ клячей,
Обѣдемъ вмѣстѣ хлѣбъ молоченой, стоячей;
Для случая велю срубить сотъ пять деревъ,
Плотами по рѣкѣ пригонимъ ихъ въ Веневъ,
Чтобъ можно было тамъ на временну забаву
Поставить флигелекъ съ свѣтелочкой на славу,
И было бы куда просить гостей къ себѣ;
А ежели и то соскучится тебѣ, —
Такъ чтожъ? — неволи нѣтъ: раскланяв-
шися міру,
Въ коляску — и махнемъ по близости въ
Каширу.
Тамъ станемъ день и ночь по улицамъ катать,
Съ настойкой чаю пить, къ знакомымъ за-
ѣзжать.
Ужъ то ли, я скажу, не разливанно море? —
Какое можетъ насъ когда постигнуть горе?

Сорокоумники напрасно всѣ твердятъ,
Что Питеръ, да Москва одни лишь веселятъ; —
Пустое! — въ этомъ нашъ поспоритъ околодокъ. —
Вопервыхъ, нѣтъ нигдѣ такихъ отмѣнныхъ водокъ;
Къ тому же никакой въ Столицѣ господинъ
Не ссилитъ выпить то, что нашъ братъ дворянинъ.
У насъ вить то и знай попоичкамъ причины:
Поминки ли, зговоръ, рожденье, имянины,
Безъ хмѣлю никакой здѣсь случай не пройдетъ;
Хозяинъ всѣмъ поитъ, — а гость всего припьетъ.
По крайней мѣрѣ мы когда набьемъ упробы,
Хоть сѣздишь и въ високъ сосѣда, да безъ злобы,
На завтра же и миръ — и снова наливай;
А индѣ-то не бось, со всячинкой, я чай!
Да что намъ до людей, предбудуща супруга!
Мы будемъ ликовать взаимно другъ для друга.

По милости Творца я полной господинъ!
Все вдоволь у меня, — на что мнѣ важной чинъ?
Я съ роду не служилъ, по вольности дворянства,
И впредь изъ одного лишь только окаянства,
Какъ многіе у насъ, служить я не хочу;
Достаточикъ Богъ далъ, — а вдаль не хлопочу.
Взбредетъ ли мнѣ на мысль смотрѣть какой попѣхи,
Велѣлъ запрячь коней, и нѣтъ ни въ чемъ помѣхи;
На мѣсяцъ, или два, слетать куда сберусь,

Во власти все моей — и въ отпускъ не
прошусь. —
Скажу не хвастовски, Семира Болеславна!
Башка моя дополь блага и своенравна,
Что ежели въ нее какая дичь влетитъ,
Никто не выбьетъ вонъ, хоть будь Ми-
трополитъ;
Но вѣрь, что для твоихъ забавъ не пожалѣю
Ни дворни, ни скота, всего, что я имѣю. —

Убравшись въ красны дни работой полевой,
Мы хлебецъ продадимъ, а съ деньгами зимой
Въ широкихъ розвальняхъ, морозу не робѣя,
И совокупно въ нихъ подъ полстью мягкой прѣя,
Мы дернемъ, — на примѣръ куда бы? — въ
Епифань —
Ужь не Москвѣ чета! — и Питеръ - то ихъ
дрянь.
Тамъ славной есть трактиръ, вседневная
жерёха!
За гривну серебра увидишь скомороха;
Онъ въ обручь проползетъ, свернувшися
кольцомъ,
Иль шпагу на носу поставитъ остріёмъ,
И столь онъ кажетъ тамъ ужасныя фигуры,
Что ваши сестры всѣ валяются какъ дуры;
Прахъ вѣдаетъ его, откуда въ полчаса
Непостижимыя берутся чудеса!
Прыгнетъ сперва на столъ, въ опдушину
подъ крышку,
Подпуститъ порошку, и дастъ такую вспышку,
Что инда задрожитъ хоромина - та вся.
А фокусъ отойдетъ, поднимется возня;

Тутъ спряпчій удалой въ присядку славно пляшетъ,
А засѣдательша надъ нимъ ширинкой машетъ. —
Да мало ли забавъ! Лишь деньга бы была,
Ужь залюбуешься, красотка, до зѣла. —

Свезу тебя къ сестрѣ недѣли на двѣ въ гости;
У ней по вечерамъ играютъ часто въ кости.
Молеваной гусекъ, и восемь гнѣздъ вокругъ,
На каждомъ свой цифирь — раскинуть надо вдругъ;
И естьли графишь такъ, что кость числомъ тѣмъ ляжетъ,
Которое гнѣздо гусиное покажетъ,
То ставочка твоя. — Я самъ любилъ играть;
Да больно дома бить, пришлося перестать,
А то бы и своихъ костей не досчитался.
Я съ этою сестрой съ младенчества свыкался. —
Мой дядюшка ея былъ деверю своякъ,
А ближе довести родства не знаю какъ;
Но слышалъ отъ него, кто насъ училъ закону,
Что Богъ велитъ любить Далматову Піону
За тѣмъ, что я ей братъ, а мнѣ она сестра.
Родню свою хвалить не гоже — а востра! —

Довольно ль изъяснилъ, Семира Болеславна!
Всѣ выгоды житья со мною вамъ исправна?
Мудреныхъ отъ меня не ждите вы словесъ,

А въ срокъ купить гораздъ и сѣно и овесъ;
Но естьли какъ оселъ подъ вьюкомъ я вспо-
тѣю,
То лучше ничего сказать вамъ не сбумѣю,
Какъ то, что отъ любви шатаюсь безъ ума,
И въ тѣлѣ и въ мозгу ужасна куперьма. —
Готовъ я и на то, противъ природной
лѣни,
Чтобъ, ставши на часокъ предъ вами на ко-
лѣни,
Изъ книжки прочитать страницу наизусть,
Какъ нѣкій описалъ свою любовну грусть
Восточной *Дурилом*ъ, собравшій важну силу,
Чтобъ въ плѣнъ съ собой угнать съ орды
Княжну *Ненилу*:
„О ты, таинственна небесна красопа!
„Воображенія сладчайшая мечпа!
„Души моей кумиръ, и ландышъ благовон-
ный!
„Воззри на гордый духъ, красѣ твоей пре-
клонный!...“
Ахъ! какъ бишь тамъ еще? Постойте! да, —
„Луна
„На Сѣверѣ не такъ въ кругу своемъ полна,
„Не столько видно мачтъ на гордомъ Оке-
анѣ,
„Не столько Магометъ сумбуритъ въ Алко-
ранѣ,
„Не столько далъ добра Ост-Индской намъ
народъ,
„Колико мнѣ любви, тебѣ далъ Богъ кра-
сотъ!“

Каковъ восточной Шахъ, — Но я косноязы-
ченъ,
И къ вычурамъ такимъ съ маленька не обы-
ченъ;
Я попросту одно заладилъ и твержу,
Когда къ тебѣ въ окно съ плотины погляжу:
Вѣнчаться поскорѣй! — и мать сбилъ съ ногъ
родную,
Да высватай же мнѣ сосѣдку дорогую!
А матушка твердитъ всеобщую молву:
Сынокъ! да поѣзжай искать жены въ Москву;
Тамъ дѣвокъ, говорятъ, тьма пьмущая въ
народѣ,
Какъ рѣпы родилось на нашемъ огородѣ; —
Лишь стоитъ кошелекъ пошире развязать,
Изъ тысячи дадутъ любую выбирать:
Для трехъ сотъ душъ степныхъ одну же-
манну душу
Кто за мужъ не отдастъ за этакую тушу?
Вотъ мой тебѣ совѣтъ! Надумайся, сту-
пай,
И съ милою женой по ярмаркамъ качай.
Ну, что тебя, скажи, къ плотинѣ привязало? —
Кормилицу спроси — меня приколдовала
Какимъ-то корешкомъ одна ворожея;
Вѣдь драться съ сатаной не станешь, и
не льзя, —
На томъ и кончимъ споръ. — Я губу вдругъ
надую,
Уйду въ дремучій лѣсъ, да мѣсяцъ и бунтую;
А тамъ опять за тожъ. — Ужъ будетъ ли ко-
нецъ?

Или кинжаломъ въ бокъ, — или надѣть вѣнецъ. —

Усовѣстись, прошу, Семира Болеславна!
Грѣхъ смертной волочитъ меня и такъ издавна. —
Подходитъ мясоѣдъ — рѣши мою судьбу!
Я къ свадьбѣ заказалъ миндальную прубу;
Уже готово все: — дву-спальная перина,
Подножіе, свѣчи, попу съ дьячкомъ полпина,
Трезвоны на мази — вся дворня маршируй!
Лишь только скажешь: да! — Іcаіе ликуй!!!

Дубина.

Помѣщикъ наряжалъ прикащика въ село,
Велѣлъ позвать Кузьму, и далъ ему дубину,
Ступай! сказалъ, храни мой домъ, крестьянъ, скотину,
Деревней всею правь! — Кузьма склонилъ чело,
По рабски стукнулъ въ землю,
И говоритъ: — Я внемлю
Боярской твой указъ, —
И скачетъ на приказъ.
Въ селѣ лишь только то узнали,
Крестьяне съ хлѣбомъ и сотой
Собравшись къ церквѣ всей толпой,
Начальника встрѣчали,
И какъ быть водится по Руски величали...
На первыхъ онъ порахъ казался нѣшто крутъ;
Однако же и тутъ
Не очень передъ нимъ кто смѣлъ бы ротъ разинуть:
Дубина-то была велика и жестка,
И разъ лишь ею двинуть,
Такъ тотчасъ сатана измѣлитъ всѣ бока.
Годъ за годъ посмиряѣй, а тамъ и полюбился,
За всякую вину недвѣдемъ не ершился, —
Поношеной галикъ не такъ уже мететъ;
Любилъ прикащикъ жить, на брагу не скупился,
По часту на пирогъ всю вотчину зоветъ. —

Кто подлинно богатъ,
Иль только тароватъ,
Вѣдь міръ не разсуждаетъ,
А знай лишь опиваетъ;
Не рѣдко и бабье,
Составя посидѣлки,
Умѣли брать свое
И въ жмурки и горѣлки;
И, словомъ, стали всѣ прикащика любить,
Или такъ говорить. —
На сходкахъ въ полной слухъ кричали православны:
Спасибо-ста, у насъ прикащикъ благонравный!
По милости своей и кормитъ и поитъ,
Не мучитъ по судамъ, и всячески щадитъ;
Да лучше намъ его и во вѣки ненадо. —
Кузьмаростетъ — любовь души его отрада;
Покажется ли гдѣ, —
Топчасъ кричатъ вездѣ:
Мы во вѣки твоихъ дѣлъ добрыхъ не забудемъ,
И гдѣ ты ни живи, любить до смерти будемъ! —
На все своя пора,
А ябѣда скора. —
За что-то на Кузьму вся дворня разсерчала,
И барина смутя, съ приказу вонъ согнала.
Кузьма и тамъ и сямъ
Слонялся по дворамъ;
Въ иныхъ не дешевъ харчь, а денегъ онъ не нажилъ,
Иной отъ грабежа и поломя не зажилъ;

А напослѣдокъ онъ,
Пустивши тяжкой стонъ,
Рѣшился тамъ искать убѣжища, покоя,
Гдѣ прежде щастливъ былъ, чужое щастье
строя. —
Уже ли, думалъ онъ, не призрятъ тамъ меня,
И буду сиротой вездѣ скитаться я?
Еще людей на свѣтѣ много,
Которые боятся Бога;
Хотъ знаю я, что нравъ
Людской весьма лукавъ;
Что алчная корысть во всѣхъ душенкахъ пы-
шетъ,
И клятвы на водѣ народъ по часту пишетъ;
Однако же не льзя,
Чтобъ волость, натвердя
Всечасно и вседневно,
Что милъ я ей душевно,
Умыслила бы мнѣ въ избенкѣ отказать. —
Чего же я прошу? — Ночлега — и довольно.
Ужасно будетъ больно,
Когда и тамъ его судьба не дастъ сыскать. —
Нѣтъ, нѣтъ! — колико душъ считается ре-
вискихъ,
Толико тамъ найду людей мнѣ къ сердцу
близкихъ! —
Въ телегѣ на пути мечтаетъ такъ Кузьма;
Ужь близко и село, — ужь видитъ и дома.
Скочилъ — туда, сюда, —
Крестьяне съ нимъ не баютъ,
На дворъ, на пол-двора, въ подклѣти не пус-
каютъ,
Какъ будто никогда

Не слыхано слыхомъ о немъ въ той сторонѣ. —
Крестится мой Кузьма, не грезится ль во сиѣ? —
Бѣжитъ въ гурьбу крестьянъ, кричитъ: здорово, други!
Оглохли всѣ! — Давноль у васъ такъ уши туги?
Припомните, какъ вы клялись меня любить,
Меня, по мнѣ самомъ, до смерти не забыть?
За что же вдругъ теперь ворочаете рыло;
Вѣдь кажется со мной вамъ жить не худо было?
Взгляните на меня! я тотъ же все Кузьма,
И право не сошелъ еще совсѣмъ съ ума;
Я къ вамъ пріѣхалъ жить — отъ бури пріютиться. —
Куда те Богъ несетъ? Здѣсь тѣсно, негодится. —
Дворовъ лишь про себя;
Куда дѣвать тебя?
Ряхнулся ты конечно!
Ну жаль же мнѣ сердечно,
Что могъ я безъ вины вамъ сдѣлаться постылъ.
За что же въ старину, скажите, былъ такъ милъ?
За что? На это есть причины. —
Какія же? чего во мнѣ недостаетъ?
Весь міръ ему въ отвѣтъ: —
Дубины. —
Едва ли и вездѣ не такъ насъ любятъ точно,
По мѣсту, — по чинамъ, — ей! ей! всегда нарочно.

Баркасъ.

У пристани баркасъ привязанъ колыхался,
Безъ груза, безъ снастей, — погоды дожидался;
На днѣ его бурлакъ какъ дюжій песъ храпѣлъ,
И парусъ некошной на шестикѣ висѣлъ:
Вдругъ съ верьху въ низъ бѣжитъ большой постройки судно,
Оснащено совсѣмъ, росписанное чудно;
Отъ мачты въ три ряда склонялся къ ребру,
Шумѣли паруса, какъ листья на вѣтру;
Широкой раветтукъ, гордяся красотою,
И тьму своихъ заслугъ считая самъ съ собою,
Съ насмѣшкой усмотрѣлъ вкругъ тонкаго шеста
На суднѣ присталомъ лоскутишко холста.
Откуда рѣчь взялась, — вѣдь гордость чудотворна;
Она и не въ холстахъ, помилуй Богъ! задорна:
Уже ли и тебя равно со мною чтутъ,
Гнилое ветошье, и парусомъ зовутъ?
Смотри, какъ шибко я весь воздухъ разсѣкаю,
Бѣгу — и зданье все собою погоняю.
Земля чистѣйшій ленъ на ткань мою дала,
Работа многихъ рукъ меня произвела.
Сквозь мѣдное зубье основу пропускали,
Утокъ въ два челнока четыре руки гнали,
И вышло изъ меня прекрасно полотно,
Что фламскимъ въ языкѣ торговомъ крещено.

Сравнитъ ли кто въ умѣ твое съ моимъ из-
дѣлье?
Дерюга ты, вотъ все; я знатно рукодѣлье! —
Ну, полно же, уймись, любезный мой зе-
млякъ!
Холстина полотну отвѣтствовала такъ:
Не къ стати ты весьма породою кичишься
И славѣ у людей неправильной дивишься.
На томъ же стебелькѣ съ тобою мы взошли,
Подъ тѣмъ же дождичкомъ и рядышкомъ
росли;
Давали вмѣстѣ цвѣтъ и сѣмя вмѣстѣ зрѣло,
Однимъ лицемъ на насъ и солнышко глядѣло.
Что тоньше меня сработанъ и нѣжнѣй,
Оспоривать не льзя; я грубъ, да и прочнѣй;
За всѣмъ однако тѣмъ, и всякой это знаетъ,
Не качество насъ двухъ на суднѣ разши-
ряетъ.
Коль тихо на дворѣ, ты кажешься трепьёмъ;
А дунетъ вѣтерокъ, и я стою шатромъ.
Сказалъ — и въ мигъ примѣръ: — бурлакъ
давно проснулся,
Пора уже и въ путь, — съ казной своей
смѣкнулся;
Покамѣстъ я писалъ, онъ судно нагрузилъ,
Пока большое шло, и онъ свое снастилъ,
И парусъ навязавъ посредственнаго кошту,
Летитъ какъ на крылахъ по водяному мосту.
Борей разпучилъ холстъ, — и легкой на ходу
Плыветъ уже баркасъ съ товарищемъ въ ряду;
Уже опередилъ, ужъ глазъ не видитъ друга... —
Когда попутенъ вѣтръ — велика и дерю-
га . . . —

Случалось, чаю, вамъ
Видать и тамъ и самъ,
Какъ вздернувъ носъ дуракъ шагаетъ,
Рѣшитъ, велитъ, опредѣляетъ...
У всѣхъ передъ беретъ! —
Что за диковина — — везетъ!!!

Исповѣдь грѣховодника.

Охота вамъ любить,
Забывъ себя, другова?
Что пользы все тужить
О бѣдствіяхъ чужова?
По мнѣ — пусть ближній мой
Живетъ, какъ Богъ поможетъ;
Что рветъ его покой,
Меня то не тревожитъ.

*

Довольно горевать
О собственной кручинѣ,
И небу не спускать
Въ отчаянной судьбинѣ;
А впрочемъ вкругъ меня
Будь моръ, пожаръ, ненастье,
Безъ горя вижу я
Всеобщее нещастье.

*

На дняхъ къ сосѣду въ домъ
Летѣла съ вихремъ туча,
Внезапу грянулъ громъ, —
И все развалинъ куча;
А я въ тотъ самой часъ
Въ бесѣдѣ наслаждался,
Отъ двухъ прекрасныхъ глазъ
Любовью заражался.

*

Недавно мертвеца
Подъ окнами моими
Съ земли на небеса
Попы переносили,
А я игралъ въ бостонъ,
И картъ изъ рукъ не кинулъ,
Услышавъ плачь и стонъ,
Лишь столъ поотодвинулъ.

*

Въ лахмотьяхъ нищеброд
Меня не поражаетъ;
Домашній мой народъ
Его съ двора гоняетъ.
Больной мнѣ незнакомъ,
Съ печальнымъ не сбѣзжаюсь,
Безсовѣстнымъ займомъ
Съ богатыми равняюсь.

*

Хотъ судятъ, что не такъ
Мораль намъ жить велѣла,
Не слушаю сихъ враковъ;
До нихъ какое дѣло.
Я молодъ и здоровъ,
Къ чему спѣшить спасаться;
Бѣгу отъ всѣхъ трудовъ:
Въ нихъ тяжко отличаться.

*

Но вотъ чему ей! ей!
Никакъ не надивлюся,
И въ томъ Столицы всей
На публику пошлюся:
Меня и тамъ, и сямъ
Хотъ скаредомъ злословятъ,

А праздникъ только дамъ,
То всѣ въ обѣтья ловятъ.

*

На карпочки мои
Отказъ совсѣмъ не въ модѣ;
Чужіе и свои
Летятъ ко мнѣ въ свободѣ,
Мое здаровье пьютъ,
Столъ, домъ, услугу хвалятъ,
Съ пріязнью руку жмутъ,
А послѣ — крѣпко жалятъ! —

*

Что я имъ всѣмъ постылъ
Я это точно знаю,
Что мнѣ никто немилъ
То имъ извѣстно, чаю;
На чтожъ такой обмѣнъ
Поступковъ пренегодныхъ?
Ума ли онъ безмѣнъ
Въ сословьи благородныхъ?

*

У опыта спросись,
Увидишь очень ясно,
Что какъ ни суетись
Для ближнихъ, — все напрасно.
Любви не наживешь,
Довѣренности то же;
Всю жизнь въ трудахъ убьешь —
На что это похоже? —

*

Коль Богъ, Который далъ
Природу, жизнь, вселенну,

За то во мзду пріялъ
Лишь смерть уничиженну, —
Чего же отъ людей
Ждать долженъ имъ подобной?
Трегранныхъ ста ножей
И ямы безъ надгробной.

*

Нѣтъ, нѣтъ, не положу
Животъ свой за другова;
Я тутъ не нахожу
Веселья никакова!
А лучше всякой день,
Гостей созвавъ араву,
Вкушать пріятну лѣнь
И всѣмъ дарить забаву.

*

Внемлите, господа!
Здѣсь пуншъ, картежъ и бубны. —
Пожалуйте сюда
Хвалить во гласы трубны
Меня, мою мораль,
И послѣ скажемъ вмѣстѣ:
Какой хозяинъ враль!
Какаяжъ дрянь и гости!

Старость не радость.

Такъ точно, такъ, сѣдые мужи!
Заставилъ опытъ вѣрить вамъ,
Что ничего нѣтъ въ свѣтѣ хуже,
Какъ шипко слѣдовать страстямъ. —
Но въ двадцать лѣтъ, скажите сами,
Кому воздержность не скучна?
Увы! — проходитъ все съ годами;
Лишь зубы вонъ — какъ тутъ она.

*

Живалъ я самъ какъ баринъ знатной,
Все было вдоволь у меня!
Съ Амуромъ день встрѣчалъ пріятной,
Съ Венерой спать ложился я;
Морозъ ли, слякать за стѣнами,
Меня всегда кидало въ жаръ . . . —
Увы! проходитъ все съ годами:
Я сталъ и хилъ, и слабъ, и старъ.

*

Затѣи всяки удавались,
Сбывался каждой милой сонъ;
При мнѣ забавы начинались,
При мнѣ печаль бѣжала вонъ;
Любилъ душой, умомъ, глазами,
У милыхъ дѣвушекъ въ кругу . . . —
Увы! — проходитъ все съ годами:
И радъ любить, да не смогу. —

*

За чашей крѣпкой дрей-мадеры
Готовъ былъ пиръ тянуть до свѣчь,
Въ бреду паровъ раждать химеры,
Въ пылу страстей всю душу жечь;

Смѣшавши недруговъ съ друзьями,
Кто ихъ узнаетъ, хохочу.
Увы! проходитъ все съ годами:
Теперь смиряюсь и кряхчу.

*

На деньги глядя безъ вниманья,
Когда копѣйку Богъ пошлетъ,
И ту на балъ, театръ, катанье
Въ минуту дьяволъ унесетъ;
Что нужда сплошь не за горами,
О томъ не грезилъ и во снѣ. —
Увы! — проходитъ все съ годами:
Пришлось о черномъ плакать днѣ.

*

Вотъ какъ любезная природа
Распоряжается всегда:
Пошлетъ часъ — да два, три года,
Или до гроба иногда,
Перещептавшись съ небесами,
Въ аптеку выучитъ ходить.
Увы! — проходитъ все съ годами:
Еръ-фиксъ и мнѣ велятъ ужъ пить (*).

*

Врачи войну мнѣ объявили,
Во флангъ, и въ центръ, и въ тылъ гнѣтутъ,
Такъ точно, помню, говорили,
Ямщикъ заштатной, спрятавъ кнутъ,
На тройку яркихъ коней глядя
Летящихъ быстро до Москвы,
Кричитъ, усы въ задорѣ гладя:
Ѣзжали парень-ста и мы!

(*) Меня лѣчили отъ камня.

МОИ СУББОТЫ (*).

(*) Такъ назвалъ я разныя мои стихотворенія, которыя по условію съ однимъ пріятельскимъ обществомъ читывалъ я въ своемъ домѣ на субботнихъ вечеринкахъ.

Слава.

Когда звукъ пушечнаго грома
Сзываетъ всѣхъ торжествовать,
Ужь ли преступникъ я, коль дома
Съ собой останусь размышлять?
Чѣмъ случай праздника важнѣе,
Тѣмъ больше жребій свой хвалю;
Я имъ доволенъ, пѣмъ сильнѣе
И наслаждаться имъ люблю.

*

Чего же мнѣ въ уединеньи
Моемъ осталося желать?
Не всѣ ли сердца утѣшеньи
Природа въ немъ даетъ вкушать?
Любовью нѣжной награждаюсь,
Спокойство царствуетъ во мнѣ;
Богатствъ? — я ими не плѣняюсь;
А слава — тягость въ тишинѣ.

*

Видалъ я славой обольщенныхъ,
Бѣгущихъ роскоши во слѣдъ,
Дарами щастія надменныхъ,
Превознесенныхъ пьмой побѣдъ;
И видѣлъ, какъ всесильной властью
Творецъ равняя всѣхъ людей
Различной каждаго напастью,
Разитъ и ихъ средь ясныхъ дней.

*

Любовь невинная лишь можетъ
Нашъ духъ животворить всегда;
Она во младости тревожитъ,
Но въ зрѣлыхъ лѣтахъ никогда;

Ее почувствовать пріятно
И въ тишинѣ и подъ вѣнцомъ;
Съ ней щастье множится стократно,
Судьбы сноснѣе переломъ.

*

Другія чувства, внѣ природы,
Въ воображеніи живутъ,
Лишаютъ разумъ нашъ свободы
И часто къ пагубамъ влекутъ.
Честолюбивыхъ путь опасенъ;
На немъ кровавы ихъ слѣды;
Предметъ его всегда ужасенъ, —
Вездѣ сцѣпляются бѣды.

*

Я здѣсь ту славу разумѣю,
Для коей алчный властелинъ,
Дыша лишь гордостью своею,
Пылаетъ міръ обнять одинъ;
Его вся жизнь — завоеванье,
Обиды, слезы — каждой шагъ,
Его забава — стрѣлъ сверканье;
Народовъ бичь и мира врагъ!

*

Перо изъ рукъ моихъ валится
Отъ мысли только сей одной,
Какъ вся вселенная дымится,
Вездѣ зажженная войной!
Тамъ флоты море воздвизаютъ,
Съ насущной пищи дань берутъ;
Тутъ сушу войска раздираютъ
И смертныхъ смертныежъ гнѣтутъ.

*

Но, ахъ! когда межъ розовъ вьется
Запутанная славы сѣть,

Какой нещастной путь найдется
Ея узлы предусмотрѣть?
Толпой въ восторгѣ увлеченный,
Какъ щепка, что волна снесла,
Летитъ пщеславьемъ заблужденный,
И падаетъ въ пучину зла.

*

О слава, духъ умовъ жестокихъ!
Не для меня твой пышный храмъ;
Во олтаряхъ твоихъ высокихъ
Не воскурится мой фимьямъ.
Любви мою настроя лиру,
Еще въ ней пылокъ и ревнивъ,
Пою дражайшую Глафиру —
И буду пѣть, доколе живъ.

*

Любви пріятствомъ украшая
Моей блаженной жизни дни,
Ея внушеньемъ избирая
Во свѣтѣ радости одни,
Теку прохладными путями
Свершить всеобщій тотъ конецъ,
Куда побѣды съ знаменами
Летитъ носящій и вѣнецъ.

*

За чувство дружбы безподобно
Чѣмъ, кромѣ дружбы, заплатить?
Какою страсть любви удобно
Иною страстью замѣнить?
Любовь пребудетъ бесконечно
Виной восторга моего;
Съ сей клятвы неподвигнусь вѣчно
До дня, какъ буду — ничего! —

Къ Амуру.

Когда любви пріятный пламень
Проникнетъ сердце, пронувъ слухъ,
То сердце будь хошь дикій камень,
Любви воздѣйствуетъ въ немъ духъ.

*

Когда либви огонь сверкаетъ
Въ очахъ любезной красоты,
Какой безстрастный не разпаетъ,
Узря небесныя черты?

*

Амуръ, сокровище природы,
Дитя любимое небесъ,
Символъ блаженства, богъ свободы!
Тобою сохнутъ капли слезъ.

*

Какъ солнца яркій лучь весною,
Прогнавъ жестокости зимы,
Живитъ всѣ твари теплотою
И свѣтъ раждаетъ вдругъ изъ тьмы:

*

Такъ сей Венеринъ сынъ прекрасный,
Когда явитъ пріятный взоръ,
Въ твердѣйше сердце духъ свой страстный
И райскихъ чувствъ вселитъ соборъ.

*

Я здѣсь вседневно созерцаю
Его улыбку, милый видъ;

Его лобжу, его ласкаю:
Онъ мнѣ не дѣлаетъ обидъ.

*

Всмотритесь вы въ него прилѣжно,
Коснитесь крылышекъ его!
Что можетъ быть толико нѣжно?
Ахъ! нѣтъ на свѣтѣ ничего! —

*

Амуръ! въ моемъ уединеньи
Будь вѣкъ красой судьбы моей,
И сердца сладкія біеньи
Душою оживи твоей!

*

Тебѣ я жертву непорочну
Готовъ вседневно возсылать,
Тебѣ, властителю всемочну,
Готовъ всю душу я отдать.

*

Готовъ; — но ты давно имѣешь
И клятвы и дары мои:
Ты мной съ рожденія владѣешь,
И мысли всѣ мои — твои.

*

Не покидай меня во вѣки;
И чтобъ потомъ противъ меня
Не возмечтали человѣки,
Благополученъ буду я! —

На шутку жены моей.

Такъ, согласенъ я съ тобою,
Моя милая жена!
Что любовь я пѣвши, вою,
Съ правдой мысль твоя сходна.
Что же дѣлать, — не умѣю
Нѣжнымъ голосомъ тронуть;
Радъ бы очень, да не смѣю
Къ соловьямъ я подтянуть.

*

Естьлибъ могъ я такъ прекрасно,
Какъ соловушки, свистать,
Сталъ бы я тогда всечасно
Тебя пѣснями забавлять;
Съ нѣжнымъ чувства изъясненьемъ
Ябъ веселость сѣединилъ,
Я бы новымъ легкимъ пѣньемъ
Слухъ твой тонкій усладилъ.

*

Всѣбъ предметы оживились
Отъ напѣва моего,
Грусть и скука бы сокрылись
Отъ черпога твоего;
И тогда, любви въ немъ сладость
Ты почувствовавъ сильнѣй,
Находить бы стала радость
Въ простой пѣсенкѣ моей.

*

Но я пѣть не обучился
Благоденствія любви ;
Голосъ мой всегда дичился ,
Ее чувствуя въ крови :
Отъ того - то я и вою ,
Когда пѣть любовь начну ;
Знать мнѣ голосъ данъ судьбою
На кручину лишь одну.

*

Малолѣ кто , настроя лиру ,
Всѣхъ красотъ къ себѣ манитъ ;
Звукъ раздастся по эфиру ,
Прямо въ сердце онъ летитъ :
А я вѣчно безъ успѣха !
Лишь запѣлъ , то досадилъ ;
Такъ ужъ мнѣ тутъ не до смѣха , —
Дудку о земь — и завылъ. —

Кн. III а л.

Давно вѣ долгу передѣ тобою,
Любезный Князь! моимѣ перомѣ,
И неоплатною цѣною
Обязанѣ я твоимѣ добромѣ. —
Стихи писать есть дарованье,
Принадлежащее тебѣ;
Отѣ всѣхѣ снискалѣ рукоплесканье
Своимѣ и лирѣ и трубѣ.
Когда Царей ты ублажаешь,
Сіянье Скипетра поешь,
Не дымомѣ лести заражаешь,
Но скромной правды даръ несешь;
И сѣ той же ловкостью на лирѣ,
Въ пріятный роздыхѣ отѣ трудовѣ,
Поешь вѣ избыткѣ чувствѣ Темирѣ
Блаженство дружескихѣ оковѣ.
Такѣ! такѣ! они достойны.
Твоихѣ похвалѣ предметомѣ быть;
Они легки, не безпокойны,
И самѣ люблю я ихѣ носить.
Но ты еще, мой Князь! имѣешь
Поверхность ту передо мной,
Что всѣмѣ внушить любовь умѣешь,
Кто слышитѣ нѣжный голосѣ твой.
Скажи, изѣ чьихѣ ты глазѣ учился
Такимѣ воспоргомѣ духѣ плѣнять?
Ахѣ! какѣ ты щастливо родился,

И какъ тебѣ не ревновать?
Умножь, умножь стократъ успѣхи,
Плѣняй, и самъ плѣняемъ будь!
Дѣли съ Темирой игры, смѣхи,
Но въ нихъ вовѣки не забудь
Того, кто благъ тебѣ желаетъ
Въ богатомъ изобиліи всѣхъ,
Пустыхъ привѣтствій не считаетъ
Отнюдь въ числѣ своихъ утѣхъ!
А ты хотѣлъ весьма напрасно,
Чтобъ въ грудь я райску сладость лилъ;
Тружусь дойти туда всечасно, —
Но ты весь путь ужь захватилъ.

Къ немужѣ.

На что богатство, коль природа
Съ нимъ вмѣстѣ свойства не дала
Разсыпать злато для народа,
Спасши убожество отъ зла?
Его сокровища безбожно
На вазы, люстры расточать;
Ужь ли въ игрушкахъ сихъ возможно
Руду блаженства ископать?

*

Ахъ, нѣтъ, мой Князь! ахъ, нѣтъ! конечно
Сіи бездушны красоты
Не сильны тронуть насъ сердечно;
Онѣ лишь роскоши мечты,
Которы сплошь уничтожаетъ
Обычай, случай. — Все на часъ!
Что взоры нынѣ восхищаетъ,
То завтра мертвенно для насъ.

*

Душа чувствительная жаждетъ
Другой отрады въ свѣтѣ семъ:
Она болитъ, тѣснится, страждетъ,
Когда нещастныхъ видитъ въ немъ;
Со всей дѣятельности силой,
Услышавъ нужды звонкій крикъ,
Летитъ туда, гдѣ вопль унылой
До глубины ее проникъ.

*

Ужасенъ тотъ, кто неспособенъ
Дѣлить избытковъ съ нищетой;

Кто сотней тысячь душъ удобенъ
Заняться меньше, чѣмъ собой;
Кто плодъ трудовъ ихъ упонченныхъ
Спѣшитъ на то употребить,
Чтобъ кучу куколъ драгоцѣнныхъ
Достать, разставить, и — забыть!

*

Напрасно думаютъ, что Боги,
Для наслажденья жизнью сей,
Въ одни вмѣщаютъ лишь чертоги
Дары всѣ благости своей;
Ошибка! — Часто въ средней долѣ
Любовь такіе дни даритъ,
Какихъ въ златой своей неволѣ
Не снѣ не грезитъ сибаритъ.

*

Повѣрь, что тамъ, гдѣ такъ надменно
Фортуны баловень живетъ,
Гдѣ все намъ кажется блаженно, —
Эхидна кровь его сосетъ;
Тамъ идолъ сей, для чувства мертвый,
Глаза лишь хочетъ соблазнить;
А умиленны сердца жертвы
Еголь холодному цѣнить?

*

О, нѣтъ! — твой духъ не ужившется;
И самъ тѣхъ мѣстъ я не терплю,
Гдѣ отголосковъ не дается
Пріятну слову: я люблю.
И такъ престанемъ восхищаться
Вельможи суетнымъ добромъ;
Пріязнью лучше наслаждаться:
Съ ней, право, милъ и тѣсной домъ!

Л ю в о в ь.

Безъ сердца жить тоска смертельна,
А съ сердцемъ жить бѣда, напасть!
Его желанье безпредѣльно;
Но рѣдко можетъ въ цѣль попасть.
Въ любви бездѣлицы боимся,
Чужія чувства стережемъ;
А безъ любви какъ прахъ вертимся,
Нигдѣ покоя не найдемъ.

*

Съ любовью ревность и досада
Печалью мысли облекутъ,
И гдѣ мечтается отрада,
Тамъ насъ однѣ печали ждутъ;
Напротивъ, естьли равнодушно
Бываетъ сердце ко всему,
Ахъ! какъ тогда жить въ мірѣ скушно,
И пищи вовсе нѣтъ уму!

*

Любовь не рѣдко обольщаетъ
Пустою прелестью весь свѣтъ,
Во взглядахъ, въ словѣ обѣщаетъ
Блаженство, коего въ нихъ нѣтъ;
Но ею также и живится
Обширный мыслей нашихъ кругъ,
И въ самой средній умъ вмѣстится,
Что пылкій сплошь не схватитъ вдругъ.

*

Когда бы смертнымъ было можно
Середню точку опыскать,
И нѣжнымъ чувствамъ осторожно
Умѣли волю мы давать, —
Тогда любовь (я въ томъ согласенъ)
Была бы край земныхъ упѣхъ,
И для спокойства безопасенъ
Содѣлался бъ ея успѣхъ.

*

Но коль безчисленны примѣры
Имѣетъ юноша въ глазахъ,
Что слабы всѣ разсудка мѣры
Къ спасенью нашему въ страстяхъ!
Въ такомъ случаѣ неизбѣжномъ
Движенья чувствъ предупреждай,
Дабы любовь во сердцѣ нѣжномъ
Не полилася черезъ край.

*

Совѣтъ хорошъ, — но кто умѣетъ
Его на дѣлѣ совершить?
Кто силу умственну имѣетъ
Пожары сердца потушить?
На сей вопросъ вездѣ встрѣчаю
Одинъ отвѣтъ: не я! не я!
И это также твердо знаю,
Что не поклеплютъ и меня.

*

И такъ всѣ наши заключенья
И многихъ опытовъ урокъ
Лишь множатъ только запрудненья
Отъ мукъ любви спасти свой рокъ,

И въ нихъ познать даютъ не ложно,
Что какъ мораль ни будь строга,
Противу сердца не возможно
Прожить на свѣтѣ пол - мига.

*

На мысли сей остановиться
Уничижительно весьма;
Но должно, должно согласиться,
Что сводитъ всѣхъ любовь съ ума.
Какіе хочешь ей законы
Пиши и вздумай человѣкъ;
Она разрушитъ всѣ препоны,
И будетъ царь его вовѣкъ.

Пристрастіе.

Пристрастье! сколь несправедливо
Ты кажешь всякой намъ предметъ!
Тобой воображаемъ диво,
Въ чемъ удивительнаго нѣтъ;
Спокойству смертнаго преграда,
Ошибокъ всячесихъ вина!
Увы! какая намъ отрада,
Весь вѣкъ прожить во грезахъ сна?

*

Пристрастье очи ослѣпляетъ
У прозорливѣйшихъ людей;
Оно разсудки умерщвляетъ
Отравой сладкою своей;
Въ личинѣ истины прекрасной
Неправду мерзкую явитъ;
Цвѣтами кроетъ путь опасной
И порчу сердца извинитъ.

*

Пристрастный мужъ всегда способенъ
Безъ произволу погубить,
Подобно какъ слѣпой удобенъ
И ненарочно съ ногъ свалить;
Онъ черными видя то, что бѣло,
Своей обманутъ слѣпотой,
Летитъ надежно, быстро, смѣло
Съ прямой дороги въ ровъ большой.

*

Совѣтъ пристрастнаго не вѣренъ
За тѣмъ, что взоръ его фальшивъ;
Коль самъ съ собою лицемѣренъ,
То съ кѣмъ онъ будетъ справедливъ.
Трони пристрастія пружину,
Воспламенятся въ немъ черты;
Онъ тотчасъ выищетъ причину
Оправить всѣ свои мечты.

*

Пристрастье есть начало страсти
И малодушья первой плодъ,
Предвѣстникъ вздоховъ, слезъ, напасти,
Сигналъ сердечныхъ непогодъ;
Какъ моль, въ черногъ отъ небреженья
Прокравшись, портитъ ихъ уборъ,
Такъ въ самы здравы размышленья
Пристрастье бредъ несетъ и вздоръ.

*

Гдѣ мысль пристрастная вселится,
Ума померкнетъ чистота,
Въ пупляву хитрость обратится
Доводовъ ясныхъ простота;
И очень часто отъ пристрастья
Такія сумерки въ душѣ,
Что самый опытъ злой нещастья
Надъ ней бы дѣйствовалъ вотще.

*

Когда судья въ строкахъ закона
Пристрастью ищетъ снаровить
И благосклонный взоръ отъ трона
Къ своимъ уловкамъ обратить, —

Онъ свѣтъ свою искусньй вяжетъ,
Чѣмъ паутину вьетъ паукъ;
И всякой, слыша его, скажетъ:
Вотъ злобы врагъ и мира другъ!

*

Но вы, Цари! остерегайтесь!
Пристрастья очень тонокъ ядъ!
На складъ одинъ не полагайтесь;
Внутрь сердца вашъ простриите взглядъ!
Во всѣхъ пристрастіе опасно, —
А подъ вѣнцомъ вреднѣй всего;
Къ нему малѣйшее ужасно
Прикосновеніе его.

*

Что можетъ истины быть краше!
Она возноситъ къ небу духъ;
Въ ней слава, честь, безсмертье ваше!
Цари! приближьте къ ней свой слухъ!
Она жестка, — пристрастье нѣжно;
Но не забудьте каждый часъ,
Что съ нимъ нещастье неизбѣжно,
А съ той — народъ и Богъ за васъ!

Мой кабинетъ.

Вотъ мое уединенье;
Въ немъ все мило простотой;
Все приноситъ утѣшенье. —
Здѣсь съ покойною душой
На прекрасную природу
Въ ясной день въ окно смотрю;
Вижу лѣсъ, луга и воду.
О! какъ все я здѣсь люблю!

*

Вотъ тотъ столъ, гдѣ я прилѣжно
Иногда съ перомъ сижу,
Изливая чувство нѣжно,
На Купиду погляжу;
Онъ въ кумирѣ ободряетъ,
Мысль мою живописуетъ,
Онъ мой трудъ благословляетъ
И успѣхъ ему сулитъ.

*

Здѣсь я время провождаю
Безъ досады въ тишинѣ,
Умъ и сердце занимаю,
Духъ покоится во мнѣ;
Здѣсь по утру покланяюсь
Первымъ солнечнымъ лучамъ;
Здѣсь съ восторгомъ удивляюсь
Я Діанѣ и звѣздамъ.

*

Вотъ диванъ, гдѣ я ночую,
Гдѣ люблю я размышлять,

И къ своей судьбѣ чужую
Безпристрастно примѣнять.
Чѣмъ могу быть недоволенъ?
Меня любятъ — я люблю.
Я въ моихъ поступкахъ воленъ,
И насильства не терплю.

*

Ни отъ скуки, ни съ печали
На часы я не гляжу;
Хоть идутъ они, хоть стали,
Нужды въ нихъ не нахожу.
Для меня здѣсь дни не длятся, —
Они сплошь бѣгутъ, какъ мигъ;
Чѣмъ быстрѣй къ концу стремятся,
Тѣмъ сильнѣе жаль мнѣ ихъ.

*

Вы, большаго свѣта люди,
Коихъ вздоръ такъ веселитъ!
Ахъ! какъ часто въ ваши груди
Стрѣла горести летитъ! —
А я здѣсь (хвала вамъ, Боги!),
Давъ разсудку полну власть,
Удалилъ страстей тревоги,
Кои насъ влекутъ въ напасть.

*

Коль хотите быть блаженны,
Цѣну радостей познать,
Будьте вы уединенны
И престаньте воздыхать.
Вамъ, какъ мнѣ, сама природа
Способъ дастъ пріятно жить,
Вашъ восхититъ духъ свобода;
Чтожъ дороже можетъ быть?

Ропотъ на дорогу.

Летитъ Октябрь и посылаетъ
Всю непогодь свою впередъ:
Борей деревья раздѣваетъ,
А снѣгъ подъ спудъ траву кладетъ;
Межъ тѣмъ я, въ полѣ разсуждая,
Въ путь дальній лѣто провождая,
Верстъ за сто отъ Москвы съ женой
Ворчу, закутавшись въ коляскѣ,
При всякой на мосточкѣ тряскѣ:
Пора, мой другъ жена! домой. —

*

Пора въ Никольской воротиться,
Дѣтей, родныхъ своихъ обнять,
Отъ стужи къ печи прислониться,
И милыхъ впредь не покидать.
Каминъ разложимъ хорошенько,
Къ огню присядемъ всѣ близенько,
Обычай вспомнимъ стариковъ:
Молоть другъ другу станемъ сказки,
И въ шумѣ дружеской побаски
Не взвидимъ длинныхъ вечеровъ.

*

О духъ проклятый любопытства!
Совсѣмъ замыкалъ ты меня.
Едва отъ женъ и волокитства
Подъ старость излѣчился я,
Какъ вдругъ припала страсть другая,
Неугомонная, лихая, —
Иногородныхъ странъ смотрѣть.
Минуты дома не сидится,

Разсудокъ болѣнъ и крушится
Въ желаньяхъ міръ весь обозрѣть.

*

Пріятно странствовать, гдѣ можно
(Коль книги правду говорятъ)
Достать, платя за все, какъ должно,
Чего пять чувствъ ни похотятъ,
Гдѣ солнца лучь во весь день грѣетъ,
А въ ночь зефиръ прохладный вѣетъ,
И гладокъ путь, какъ штучной полъ,
Гдѣ всѣ природы прозябенья
Трактирщики для наслажденья
На станціяхъ несутъ на столъ!

*

А здѣсь ѣзда — бѣда ужасна,
На почтовыхъ ли, на своихъ!
Земля, кормилица нещастна,
Плодовъ не носитъ никакихъ;
Дороги нѣтъ, мосты поганы,
Въ избахъ — вонь, чадъ и тараканы,
Путемъ не льзя ни лечь, ни сѣсть;
Вездѣ велитъ неволя драться,
Во всякой всячинѣ нуждаться, —
Не сыщешь булки мягкой сѣсть.

*

Уже ли кто не согласится
По смыслу здравому признать,
Что между тѣмъ, чтобъ прокатиться,
Или во весь опоръ скакать,
Должна быть розница большая?

. . . . . .
. . . . . ; . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

*

Но путешественникъ свободной,
Изъ прихоти собравшись въ путь,
Не любитъ на стезѣ негодной
Ломать бока себѣ и грудь,
Коней, взбѣсясь, не погоняетъ;
Онъ ночью спитъ, а днемъ гуляетъ,
Любуясь міра красотой,
Людей разсматривая нравы,
И въ самой пустынѣ забавы
Найти на вкусъ умѣетъ свой.

*

И такъ въ послѣдній разъ конечно
Я путешествую теперь;
Готовъ сидѣть въ покояхъ вѣчно,
Какъ робкой подъ кустами звѣрь.
Увы! — чего искать инаго,
Куда ни кинься, какъ худаго? —
Когда подыметъ вѣтеръ вой,
За слякоть всякую въ награду
Терпѣть убытки и досаду; —
Пускай же пробуетъ другой! —

*

А я, уставши въ полномъ смыслѣ,
Въ Москвѣ присяду на гнѣздѣ,
И такъ свои настрою мысли,
Чтобъ было любо имъ вездѣ. —
Насущный хлѣбъ есть корень щастья
Во время ведра и ненастья,
Математической декретъ!
Я это очень твердо знаю,
И вѣришь самъ ужъ начинаю,
Что тамъ прекрасно — гдѣ насъ нѣтъ... —

Возвращеніе домой.

Еще солнышко не сѣло,
Поспѣшай, мой быстрой конь;
Мчи меня съ собою смѣло,
На скаку чуть землю тронь!
Меня ждутъ жена и дѣти,
Дома радость и покой;
Ахъ! что можетъ быть на свѣтѣ
Веселѣй семьи родной! —

*

Всѣ меня бѣгомъ встрѣчаютъ,
Груша прежде всѣхъ летитъ,
Ея ласки изъясняютъ
Все, что сердце говоритъ; —
Дѣти съ нѣжнымъ восхищеньемъ
Обнимать меня спѣшатъ,
И малютки съ изумлѣньемъ
Въ слѣдъ за мной — папа! кричатъ. —

*

Тутъ сберу я круговеньку,
Женку рядомъ посажу;
Отдохну — и помаленьку
Имъ весь путь мой разскажу:
Гдѣ я былъ, кого я видѣлъ,
Какъ по нихъ я тосковалъ,
Какъ разлуки часъ обидѣлъ,
Мигъ свиданья грусть промчалъ.

*

О веселыя минуты!
Вы лишь красите нашъ вѣкъ!
Вами всѣ печали люты
Забываетъ человѣкъ.
Такъ, конечно средь домашнихъ,
Въ кругу ближнихъ и родныхъ,
Мы вкушаемъ плодъ всегдашнихъ
Наслажденій здѣсь прямыхъ.

*

Они совѣсти не мучатъ,
Сердцу язвой не грозятъ,
Чувствамъ нѣжнымъ не наскучатъ
И ума не тяготятъ. —
Тотъ блаженъ, кто научился
Хоть подъ старость ихъ цѣнить,
И съ страстями разпростился,
Чтобъ для пользы жизнь дожить.

*

Мы такъ много колобродимъ,
Угождая суетамъ,
Мы такъ часто въ нихъ находимъ
Длинной путь къ большимъ бѣдамъ,
Что когда нибудь да надо
Образумиться на часъ.
Шумъ для юности отрада;
А безъ пользы что же въ насъ? —

*

Небо! дай мнѣ неразлучно
Быть вездѣ съ моей семьей!
Какъ тотъ жалокъ, кому скучно
Безъ чужаго, безъ чужой!
Благъ прошедшихъ совершенства
Естьли я не заслужилъ, —
О, хотябъ въ тѣни блаженства
Старость мирну совершилъ!

Гдѣ лучше, какъ дома.

Тужить о прошломъ — безполезно,
Мечтать о будущемъ — обманъ;
Коль настоящее любезно,
Къ чему искать заморскихъ странъ?
Отъ чувствъ своихъ мы не ускачемъ
Ни моремъ, ни сухимъ путемъ;
Вездѣ отъ мрачныхъ думъ заплачемъ;
Въ веселомъ духѣ рай найдемъ. —

*

Повсюду горьки вспоминанья
Въ повозкѣ съ нами полетятъ;
Повсюду новыя желанья
Климаты новые родятъ;
По виду внѣшнему предмета
И вкусъ привыкнувши мѣнять,
Вокругъ всего обѣздимъ свѣта,
А совершенства не сыскать. —

*

Изъ края въ край переселяться,
Чтобъ грусть лѣчить, пустой разсчетъ;
Съ печалью стоитъ лишь спознаться,
Она замучитъ какъ деспотъ.
Ее не грунтъ земли раждаетъ,
Не воздухъ грѣетъ, иль студитъ;
Душа сама въ себѣ питаетъ,
Воображеніе раститъ.

*

Ошибка въ томъ, что мы мечтаемъ
И жить все въ будущемъ хотимъ.
Сего дни день прошелъ — скучаемъ,
Пришелъ и завтрашній — грустимъ.
Химера первый врагъ спокойства;
Съ начала міра до конца
Вездѣ все тѣ же неустройства
Умы смущаютъ и сердца!

*

Людей лихихъ не переможешь, —
А въ свѣтѣ гдѣжъ ихъ не найдешь?
Скорѣй слона въ хомутъ заложешь,
Чѣмъ злоязычника уймешь. —
Не внѣ, но въ насъ руда веселья;
Умѣй ее лишь очищать:
Ищи забавы, утѣшенья —
И будешь чаще хохотать.

*

И такъ, о чемъ же мнѣ крушиться,
Минуты вздохами считать?
Хочу теперь же веселиться,
Впередъ пустаго не гадать. —
Мой часъ летитъ — моя и воля,
А чей за нимъ, — вѣстимъ лишь Богъ.
Когда меня не жметъ неволя,
Тогда вездѣ я Гохъ - Магохъ!

*

Одежа есть, хлѣбъ - соль готова,
Вина бутылку *Негри* далъ,
Въ семьѣ не вижу сердца злова,
И крышу вихорь на сорвалъ;

Грозаль придетъ — окно закрою,
Сквознаго вѣтра не пущу,
И громъ услышавъ надъ собою,
Какъ робкой звѣрь не трепещу.

*

Кто сей системой вѣкъ свой прожилъ,
Тотъ меньше всякаго тужилъ,
Догадкой бѣдъ своихъ не множилъ,
Забавы всякой день троилъ,
Въ лѣтописяхъ не добивался
Наполнить цѣлой листъ собой,
И въ землю, тужъ когда скончался,
Подъ Царской прахъ присыпалъ свой.

Мой театръ.

Пускай все строится на свѣтѣ,
Какъ рокъ упрямой приказалъ,
Лишь толькобъ жить мнѣ въ кабинетѣ
Никто на вкусъ мой не мѣшалъ.
Съ утра до вечера я въ руки
Газетъ, ни книги не беру,
И день деньской съ дѣтьми отъ скуки
Твержу мимическу игру.

*

Тарифъ меня не безпокоитъ,
Въ суднѣ я толку не зналъ;
Иной безъ сахару все ноитъ,
Я чай и съ папакой пивалъ.
Въ карманѣ рубль коль залежится,
Поставлю въ мигъ его ребромъ:
Моя забава — суетиться,
Мой рай — людьми набитой домъ.

*

Мнѣ нужды нѣтъ, гдѣ миръ, гдѣ драка,
Куда полки бѣгутъ солдатъ,
Которой баринъ скушалъ рака,
Какому данъ вельможѣ матъ;
Въ моемъ углу храня свободы
Благонамѣренный законъ,
Лѣнюсь, и радъ, что воеводы
Уже не грезится мнѣ сонъ.

*

Въ сараѣ 6 кулисъ поставилъ,
Широкой завѣсъ распустилъ,
Огарки всѣ домашни сплавилъ,
Во тьмѣ свѣтъ плошекъ сотворилъ; —
И тутъ въ обманѣ восхищаюсь,
Воспоминая вѣкъ златой,
Въ стихахъ и въ прозѣ отличаюсь,
То Царь, то молодъ я мечтой!

*

Меня коносятъ, слышу, строго,
За чѣмъ такъ тѣшу я себя;
Кричатъ: онъ видно нажилъ много,
И честь и совѣсть погубя!
Прошу покорно всѣхъ нахаловъ
Мой домъ придти ревизовать,
Моихъ завидныхъ капиталовъ
Наличность мягку осязать! —

*

Найдутъ десятей бумажныхъ кучу,
Куда чернилъ потоки лью,
На коихъ лѣтъ ужь 30 мучу
Я руку правую мою. —
И сдѣлавъ обыскъ самый вѣрный,
Увидятъ ясно безъ очковъ,
Что мой достатокъ безпримѣрный
Наростъ на языкѣ лжецовъ.

*

Молва страшитъ душенки мѣлки;
Онѣ боятся иногда
Затѣитъ сущія бездѣлки.
Ахти! что скажутъ? Ну, бѣда!
Безъ аппробаціи собранья,
Не справясь въ клобѣ, тамъ и самъ,

Онѣ свободнаго дыханья
Не смѣютъ дать своимъ ноздрямъ.

*

Но тотъ, кто въ креслахъ и на стулѣ,
Въ палатѣ царской и въ избѣ
Имѣлъ всегда на караулѣ
Какъ стража совѣсть при себѣ,
Ума кто пуншемъ не туманилъ,
Чужаго сердца не скоблилъ,
За бѣдность нищихъ не тиранилъ,
За злато знатныхъ не курилъ, —

*

Предъ тѣмъ — изъ терема ли вьется,
Иль стелется на площади
Молва, какъ вихорь разнесется
И ляжетъ прахомъ назади! —
Предъ тѣмъ молва — лишь свистъ народной,
Которымъ можетъ человѣкъ,
Въ поступкахъ, въ чувствѣ благородной,
Гнушаться смѣло весь свой вѣкъ!

*

Когда почіешь ты въ покоѣ,
Молва! уставши, хоть на часъ?
Души съ умомъ, въ согласномъ строѣ,
Тебѣ вѣдь рѣдко внятенъ гласъ!
А ты жужжаньемъ надоѣла,
И съ клеветою сдѣлавъ связь,
Чернишь не рѣдко то, что бѣло,
И бѣлой — называешь грязь.

*

Играйте, пойте, веселитесь,
Два вѣка намъ не подарятъ;
Чужаго толку не спрашитесь,
Будь всякъ умомъ своимъ богатъ!
Но знай держать его въ границахъ:
Шути съ пріятелемъ остро;
А при великолѣпныхъ лицахъ
Кусай языкъ — и прячь перо.

*

Весь міръ вотще хотятъ исправить;
А я давно ужъ знаю то,
Что лучше, чѣмъ онъ есть, составить
Не смыслитъ новаго никто.
Пускай кружится свѣтъ, какъ знаетъ,
Я снисходительнѣе всѣхъ:
Кто самъ меня не задѣваетъ,
Тому и я прощаю грѣхъ.

*

Такъ полно ссориться, ребята,
И милости прошу ко мнѣ!
Моя трапеза не богата,
Но правда чистая въ винѣ.
Летитъ весна, придетъ Святая,
И солнца станетъ лучь сіять,
А мы здѣсь долу, всѣхъ лобзая,
Начнемъ комедію играть.

*

Ужаснѣй черта, кто порочитъ
Забавъ невинныхъ простоту;
Злодѣй шипитъ и не хохочетъ,
А доброй любитъ суету. —
Ко щастью взявъ мечты дорогу,
Я благодаренъ Небесамъ! —
Мой духъ принадлежитъ лишь Богу,
А сердце все — моимъ друзьямъ!!!

Вольное подражаніе Француз. сочиненію
Гна. St. Evremond.

Дуняша! ты собой прекрасна;
Но чтобъ любовью сердца страстна
Твой нравъ забавы запрещалъ,
Сему повѣрить не возможно;
Ты любишь, знаю я, не ложно!
Мнѣ мой мезинецъ то сказалъ.

*

Когда я въ Нѣжинку влюбился,
Я чуть было не застрѣлился;
Но тщетно духъ ея прельщалъ.
А кто тебя любить захочетъ,
Хоть долго терпитъ, да успѣетъ;
Мнѣ мой мезинецъ то сказалъ.

*

Когда на цитрѣ ты играла
Вчера въ гостяхъ, я чай, мечтала,
Тебя никто не разгадалъ;
Анъ нѣтъ! за кѣмъ твой взоръ стремился
И съ чьимъ онъ встрѣтиться тамъ льстился,
Мезинецъ тотчасъ мнѣ сказалъ.

*

Намнясь, когда мы всѣ на балѣ
Въ большой твоей плясали залѣ,
Межъ насъ и Вася танцовалъ;
Но что онъ сдѣлалъ поплясавши,

Тебя въ boucloir съ собой зазвавши,
Мнѣ мой мезинецъ то сказалъ.

*

А помнишь ли еще, какъ въ полѣ
Тебя, любя всѣхъ женщинъ болѣ,
Въ горѣлки Сеня догонялъ?
Отъ многихъ глазъ ты съ нимъ сокрылась,
Но отъ меня не утаилась;
Мезинецъ все мнѣ разсказалъ.

*

Такъ полно клясться намъ по модѣ,
Что лишь тебя одну въ природѣ
Огни любовные не жгутъ;
Обманъ такой ужъ не пужаетъ:
Что свѣдалъ я, то всякъ спознаетъ;
У всѣхъ мущинъ мезинецъ плутъ.

*

Мила, коль изъ подтиха любишь;
Еще милѣй стократно будешь,
Когда, жеманство удаля,
Ты сердцу вольной путь откроишь;
Свое блаженство тѣмъ устроишь,
Уймешь всеобщаго враля.

СМѢСЬ.

1.

Елисаветъ градъ.

Прекрасно житъ въ *Елисаветѣ*:
Тутъ черви намъ шелки дарятъ;
Такихъ арбузовъ въ цѣломъ свѣтѣ,
Какъ здѣсь, я слышалъ, не ѣдятъ.

*

Подъ властью быть Елисаветы
Прекраснѣй было во сто кратъ,
Когда Ея благи совѣты
Творили щастье здѣшнихъ чадъ.

*

О градъ, Царицѣ соименный!
Хотъ многихъ меньше ты градовъ,
По званью будешь незабвенный
Въ сердцахъ Россіи всѣхъ сыновъ!

2.

Развалины Серпуховской крѣпости.

Свидѣтели побѣдъ великаго Царя!
Съ восторгомъ вижу васъ, руины той ограды,
Съ которыхъ не смогли Татарскихъ силъ
громады,
Движеніе вѣковъ, ниже стихіевъ пря! —

*

Доспигли вы до насъ, и мы — гигантовъ
племя,
Привыкшіе во прахъ колоссы превращать,
Дерзнули было съ васъ печать временъ со-
рвать;
Но намъ ли сокрушить, что чтитъ и са-
мо время?

*

Въ развалинахъ своихъ еще премного лѣтъ
Прославитъ замокъ сей десницу Іоанна: —
Такъ зиждется хвала того Вождя избранна,
Которымъ изумитъ судили Боги свѣтъ!

3.

Н а и м я н и н ы

К . . Е . . П . . Щ . . .

Вездѣлицу — цвѣтокъ, съ стыдомъ тебѣ вручаю.
Вниманія сей даръ не стоитъ твоего;
Но тщетно лучшихъ я даровъ найти желаю:
Досгойнаго тебя нѣтъ въ свѣтѣ ничего. —

*

Природа предъ тобой красу свою теряетъ;
Твой милой видъ — всему пріятности даетъ;
Пускай ихъ отъ тебя цвѣтокъ сей получаетъ:
Родяся для тебя, пусть при тебѣ умретъ!

*

Онъ въ щастіи меня стократно превышая,
Примѣръ явитъ тебѣ и сердца моего,
Которое, къ тебѣ любовію пылая,
Не выдетъ никогда изъ плѣна твоего. . . .

4.

На 1й отъѣздъ въ Кіевъ

К... Н... Нарышкиной.

Рѣшился твой отъѣздъ, — да будетъ Богъ съ тобой!
Да промысломъ Его спопы твои храняпся,
Успѣхомъ всѣ твои шаги благословятся,
И паки привези намъ дружество съ собой!

*

Когдажъ Днѣпровскихъ струй увидишь ты волненья,
Когда услышишь тамъ Анахоретовъ гласъ,
Заочныхъ вспомни ты друзей своихъ въ тотъ часъ,
Представь ихъ о тебѣ душевны сожалѣнья.

*

Не требуютъ они, съ тобою разлучась,
Чтобъ ты дарами ихъ тѣхъ странъ обогащала;
Дороже имъ всего, чтобъ ты ихъ награждала
Заочно памятью, и сердцемъ — возвратясь.

5.

На 2й отъѣздъ ея же.

Увидили тебя — и только на минуту!
Какъ молнія съ небесъ блеснула между насъ;
Свиданія съ тобой за самой краткой часъ
Разлуки многихъ дней готовишь муку люту.

*

Забавъ Московскихъ шумъ тебя не услаждаетъ,
Ни роскошь съ нами въ ней остаться не влечетъ;
Пріятная весна тебя съ собой зоветъ
Туда, гдѣ льдовъ ужь нѣтъ, гдѣ рѣзвой Днѣпръ играетъ.

*

Лети природы тамъ вкушать благотворенья!
Зима не для тебя въ уставѣ естества;
Пускай живетъ въ ней тотъ по волѣ Божества,
Кто слабостію чтитъ сердечны обольщенья.

*

Прельщенные твоей пріятной красотою
Поляковъ, Кіевлянъ толпы вокругъ тебя
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ забудутъ и себя:
Ахъ! можно все забыть тогда, когда съ тобою. —

*

Но ты насъ не забудь люби чистосердечно,
Увидѣть насъ желай, пиши къ намъ иногда,
И буди въ правдѣ сей увѣрена всегда,
Что я друзей своихъ любить умѣю вѣчно.

6.

Желанія ей же.

Желалъ бы я съ тобою вѣчно
Въ любомъ краю на свѣтѣ жить,
Желалъ бы искренно, сердечно
Одинъ любимъ тобою быть;
Но ты твердишь на то безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно (*).

*

Тебѣ принесть готовъ бы въ жертву
Богатство, славу, честь и все, —
Тыбъ оживила душу мертву,
Отдавъ сердечко мнѣ свое;
Но, ахъ! ты мнѣ поешь безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно. —

*

О! какъ бы щастливъ былъ судьбою,
Весь годъ днемъ праздничнымъ считалъ,
Съ одной дружился бы тобою,
Тебя одну бы обожалъ;
Но ты смѣешься лишь безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно. —

*

Вездѣ съ тобою бы я рядомъ
И дома и въ гостяхъ сидѣлъ,

(*) Этотъ стихъ былъ данъ и долженъ былъ составлять конецъ каждаго куплета. —

И на смѣхъ свѣтскимъ всѣмъ обрядамъ
Одной тебѣ въ глаза смотрѣлъ; —
Но слышу то же все безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно. —

*

Внималъ съ восторгомъ силъ небесныхъ
Твой милый голосъ, сладку рѣчь,
Ловилъ бы взоръ очей прелестныхъ,
Которымъ кровь умѣешь жечь;
Но ты заладила безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно.

*

Москвы, Парижа, Испагана,
Съ тобой не надо ничего;
Въ твоей свѣтелочкѣ съ дивана
Не пронулсябъ ни для кого:
Но ты шесть разъ твердишь безбожно,
Что о томъ думать, что невозможно.

*

Какое тяжкое мученье,
Какой Боговъ несносной гнѣвъ, —
Когда за пламень въ награжденье
Не только слушать сей припѣвъ,
Но, ахъ! еще и вторить должно:
Что о томъ думать, что невозможно.

7.

Эпиталама

Е . . . П . . . У . . .

Въ супружество вступя, вы тайну ту познали,
Которая сердецъ вѣчаетъ нѣжну страсть;
Вкушайте безъ помѣхъ пріятнѣйшую часть,
И миръ да гонитъ прочь отъ вашихъ дней печали!

*

Супругъ! люби жену, коль щастливъ быть желаешь,
И свято сохраняй къ ней вѣрности уставъ:
Да будетъ ей во всемъ всегда открытъ твой нравъ,
Чтобъ знала прежде всѣхъ, о чемъ ты воздыхаешь.

*

Супруга! будь равно и ты съ нимъ откровенна,
Покорна—какъ жена, привержена—какъ другъ;
Прибѣжищемъ твоимъ чтобъ милой былъ супругъ:
Симъ способомъ однимъ ты можешь быть блаженна.

*

Нѣтъ щастья на земли, коль нѣтъ благоустройства!
Старайтеся его въ семьѣ своей хранить;
Учитесь иногда другъ другу снаровить:
Смиреньемъ мы людей плѣняемъ всяки свойства.

*

Живите, словомъ, такъ между собою вѣчно,
Чтобъ истинно узнать, что тамъ не нуженъ кладъ,
Гдѣ (такъ какъ говорятъ) съ женой у мужа ладъ:
Сего пріятель вашъ желаетъ вамъ сердечно.

8.

Сонюшкѣ.

Видалъ я Сонюшку въ нарядѣ,
Когда въ каретѣ золотой
Катитъ въ обширномъ нашемъ градѣ
На званой балъ плѣнять собой.

*

Видалъ ее и въ амазонѣ
Одну, безъ чванства и безъ слугъ,
На борзомъ ей подвластномъ конѣ
Летящу въ поле во весь духъ.

*

Видалъ съ большими господами;
Тамъ, всѣхъ на свой настроивъ ладъ,
Вертитъ какъ чуркой ихъ умами,
И всякой мѣтитъ ей въ попадъ.

*

Въ кругу людей простыхъ, незнатныхъ,
Не рѣдко также я видалъ,
Какъ много тамъ минутъ пріятныхъ
Послѣдній съ ней бѣднякъ вкушалъ.

*

Всегда равна, всегда пригожа,
Въ какомъ бы духѣ ни была;

Объ ней повсюду слышу то же:
Куда, какъ Сонюшка мила!

*

О вы, правители вселенной,
Цари, подобные Богамъ!
Сложите дома видъ надмѣнной,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

*

Несите въ жертву ей вседневно
Вашъ тронъ — олтарь земныхъ суетъ!
Смягчите сердце слишкомъ гнѣвно!
Что вамъ за прибыль отъ побѣдъ?

*

На что подъ власть свою стараться
Востокъ съ Полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно съ Сонюшкою жить.

9.

Ей же.

Когда Сонюшка со мною
И когда она поетъ,
Надъ моей тогда душою
Полну власть она беретъ.
Съ нею время провождая,
Не ищу я никого;
Ея голосу внимая,
Не желаю ничего.

*

Здѣсь пѣвицъ у насъ не мало,
Поютъ пѣсни хороши;
Но природы не бывало:
Все метода безъ души.
Что захочетъ, то внушаетъ
Голосъ Сонюшкинъ одинъ;
Онъ и разумъ обольщаетъ,
Онъ надъ сердцемъ властелинъ.

*

Лишь она его настроитъ
И захочетъ прослезить,
Въ мигъ сердечушко заноитъ,
Слезы градомъ станешь лить;
Въ ту же самую минуту,
Коль веселой тонъ возметъ,
Позабудешь горесть люту
И тотчасъ печаль пройдетъ.

*

Пой всегда однимъ манеромъ,
Сердце нѣжно восхищай,
Всѣмъ служи своимъ примѣромъ,
А сама — не подражай!
Пустъ другая еще взводитъ
Громкой голосъ до небесъ;
А твой съ неба къ намъ низходитъ
И влечетъ токъ сладкихъ слезъ.

*

Онъ во всѣхъ его измѣнахъ
Строенъ, нѣженъ, тихъ и милъ;
Во всѣхъ тона перемѣнахъ
Не теряетъ своихъ силъ.
Словомъ, онъ таковъ конечно
Для моихъ, для всѣхъ ушей,
Что другая пой хоть вѣчно,
Не споетъ тебя милѣй.

10.

П. И. Мятлевой, въ Кіевѣ.

Давно, весьма давно признанъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искуства,
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ;
И шакъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуютъ на чувства.

*

Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену не ложно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться не возможно —
Я въ *Сумеркахъ* моихъ нашелъ, чего искалъ.

*

Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучь, въ листахъ моихъ явились;
Откуда, думалъ я, такія красоты
Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразились?

*

Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пупи пригожая Московка
Черкнула строченъ пять и нѣжно и остро:—
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.

*

О! вѣрьте, я теперь и возглашу готовъ,
Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря Боговъ:
Умъ Мятлеву не Римъ — Москва въ себѣ имѣетъ.

11.

Графинь Брол.

Пускай проходятъ наши годы
И гибнетъ молодости цвѣтъ,
Мой пылкой духъ среди свободы
Повсюду зиждетъ новой свѣтъ.
Питать любовью свойство страстно
Какой намъ возрастъ запретитъ?
Люблю вездѣ, люблю всечасно,
И сердце все еще горитъ. —

*

Всѣ ищутъ щастія въ химерѣ
И славы любятъ нюхать чадъ;
Я изжилъ вѣкъ въ той доброй вѣрѣ,
Что безъ любви — все намъ въ накладъ. —
Что состоянье то ужасно,
Въ которомъ чувство замолчитъ. —
И такъ люблю вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

*

Съ восторгомъ дни тѣ вспоминаю,
Какъ очарованъ былъ тобой;
И снова нынѣ ощущаю
Твое волшебство надъ собой.

Въ тебѣ все мило, все прекрасно!
Кого твой взоръ не обольститъ?
Люблю тебя вездѣ, всечасно,
И сердце все еще горитъ.

*

Оставимъ мы предубѣжденья
Въ удѣлъ холоднымъ тѣмъ умамъ,
Которы живость наслажденья,
Нахмурясь, запрещаютъ намъ,
И предадимся безопасно,
Доколѣ смерть насъ не сразитъ,
Мечтамъ любви вездѣ, всечасно;
Пусть вѣчно сердце въ насъ горитъ.

12.

Переводъ стиховъ Визапура Е. . С. . О. .

Быть чувствительной, любезной,
Всѣхъ плѣнять во всѣхъ странахъ,
Пылкой умъ съ душею нѣжной,
Видъ Боговъ носить въ чертахъ, —
Вотъ что цѣлой свѣтъ считаетъ
Невозможнымъ отыскать;
Но томуль тебя, кто знаетъ,
Это чудомъ почитать? —

13.

На именины милой.

Ищу — и не могу найтить,
Чѣмъ мнѣ въ твой день тезоименный,
Для чувствъ моихъ столь драгоцѣнный,
Тебя, другъ милой! подарить.
Душой! — ты ею ужь владѣешь,
Умомъ! — на что его тебѣ!
А сердце! — ахъ! давно имѣешь.
И такъ ты все взяла себѣ.

13.

На детской балъ Стефани.

Рѣзвитесь, дѣти! ваше время
Вкругъ свѣта бабочекъ ловитъ;
Пока васъ лѣтъ не мучитъ бремя,
Спѣшите молодость прожить.
Подобно вамъ, богачъ роскошной,
Мильоны превративши въ пыль,
О жизни тужитъ столь оплошной,
Какъ сонъ воспоминая быль.

*

Въ мой вѣкъ, и я какъ былъ моложе,
Страстей не смысля унимать,
Я дѣлалъ самъ все точно то же,
Старался время убивать;
А время на крылахъ летѣло
Отъ настиженья моего,
И чѣмъ же кончилося дѣло? —
Меня пришибло самаго.

*

Оставьте цензоры природу
Идти своимъ прямымъ путемъ;
Спѣсня естественну свободу,
Вы не успѣете ни въ чемъ:
Равно, повѣрьте, досаждаетъ
Душистой старой селадонъ,
Какъ и посмѣшищемъ бываетъ
Угрюмой въ двадцать лѣтъ Катонъ.

*

Брюзжать педанты какъ ни будутъ,
Дадутъ ли новой видъ вещамъ?
О, нѣтъ! — урокъ прочтутъ — забудутъ,
А время стукнетъ по плечамъ;
Сильнѣй его нравоученье
Театра, школъ, проповѣдей;
Придетъ въ свой часъ и умозрѣнье,
Какъ выдетъ прутъ сухихъ костей.

*

Пускай прыгунчики грохочутъ;
Ихъ дѣло, — дай Богъ въ доброй часъ! —
Взаимно пусть о томъ хлопочутъ,
Чтобъ на любимой прафить глазъ;
Еще лѣтъ двадцать въ мигъ промчатся,
Тогда хоть плачь — не миновать
Имъ всѣмъ по нашему смиряться,
А намъ — ложиться въ землю спать.

14.

а

На долину Мишинскую, въ Бѣлевѣ,

А. . . П. . . Ю. . .

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуэзцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ!

*

Живой натуры тронъ! — Дыханіе зефира
Не стонетъ взаперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль — волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня раждаютъ красоты.

*

Безсонной чародѣй — мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищенье.
Зрю западъ солнца здѣсь, — тамъ вижу всходъ луны,
И слышу вдалекѣ Бѣлевскіе звоны.

*

О родина моя, Москва, въ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила! —
Мнѣ слышатся уже твои колокола! —

*

Природа! предъ тобой что наши милiоны!
Люблю твои дары, блажу твои законы!
Божественны мѣста! — еще побудемъ здѣсь;
Пустъ врѣжутся въ умѣ лѣса, рѣка,
вся вѣсь. —
Дай, память, вѣчну кисть! — рисуйся въ
ней картина!
Дай сердце имя ей: блаженная долина!

15.

На картину

Ей же.

Люблю твое произведенье,
Искусства рѣдкой образецъ; —
Оно живитъ воображенье.
Мила картина, — милъ творецъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно сѣединила. —
Апель (слыхалъ я) очень сходно
Съ натуры все живописалъ;
Но онъ и самъ такъ превосходно
Едвалъ бы жизнь картинѣ далъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно сѣединила.
Здѣсь вижу я смиренну дѣву,
Взоръ Ангельской, и небо въ немъ,
Ликъ Божій, непричастный гнѣву,
Сіяющъ благости лучемъ.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно сѣединила.

Чья кисть такое совершенство
Въ цвѣтныхъ оттѣнкахъ сохранитъ?
Миръ совѣсти, души блаженство
Такъ живо кто изобразитъ?
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно свединила.
Одна лишь ты — тебя кто знаетъ
И кто увидитъ образъ сей, —
Тотъ вѣрно тотчасъ отгадаетъ,
Что онъ черпа руки твоей.
Въ Мадонѣ, коей ты
Мнѣ списокъ подарила,
Всѣ міра красоты
Удачно свединила.
Чему дивиться? Кто подобенъ
Безсмертнымъ такъ, какъ ты, душой,
Одинъ лишь только тотъ способенъ
Представить съ нихъ сей видъ прямой.
И такъ твой даръ я въ рамку
вставлю,
Во всѣ пути съ собой возьму,
Въ кругу своемъ вездѣ прославлю,
И глазъ съ Мадоны не сниму.

16.

На хижину красавицы.

За тѣмъ ли звать меня велѣла
На хижину свою взглянуть,
Что непремѣнно захотѣла
Заставить съ горя въ ней вздохнуть?
Твой уголъ тѣсной, но опрятной,
Всѣмъ краше кажется дворца;
Твой голосъ нѣжной, взоръ пріятной
На всѣ подѣйствуетъ сердца.

*

Пѣвалъ я хижины не рѣдко,
И проводилъ въ нихъ жизнь свою;
Но ни въ одной еще такъ мѣтко
Никто не трафилъ въ грудь мою.
Влюбляться поздо мнѣ, — я знаю,
Смѣяться будутъ надо мной; —
Таить нѣтъ мочи: — открываю,
Что я съ ума сведенъ тобой.

*

Тебѣ въ привычку обратилось
Пригожихъ рыцарей томить;
Но вѣрно въ первый разъ случилось
Сѣдую голову вскружить.
Хотя для рѣдкости толь странной
Взгляни съ улыбкой на меня,
И мигъ свиданія желанной
Почту блаженствомъ полнымъ я.

*

Приду съ тобой имъ наслаждаться,
Тоску свою позабывать;
Не стѣнъ богатствомъ любоваться,
Не свѣту яркаго искать, —
Волшебной силою прельщенья,
Подъ кровомъ хижины твоей,
Сердечны юныхъ лѣтъ біенья
Я вновь почувствую сильнѣй.

*

Когда я хижину на Рпени
Къ твоей убогой примѣню,
И всѣ возлюбленныя тѣни
Съ одной чертой твоей сравню, —
Я вижу призракъ лишь прелестной
Тогдашней сладостной мечты;
Но ты — ты та, въ комъ Царь небесной
Намъ отлилъ образъ красоты!

*

Пускай въ чертогахъ, вкусомъ славныхъ,
Дѣвицъ летаетъ хороводъ,
Огнями ламповъ, солнцу равныхъ,
Пускай горитъ надъ ними сводъ, —
Въ перкалѣ скромномъ на диванѣ
Владыкъ порфиру ты затмишь,
И въ хижинѣ, какъ въ Испаганѣ,
Я Шахъ, коль на меня глядишь.

17.

В. . . И. . .

Кошелевой.

Всю жизнь мою въ Варварѣ влюблялся,
Любилъ для нихъ стихи писать,
И долго съ молоду старался
Прямаго щастья въ нихъ искать.
Прелестнѣй имени не знаю
Я въ Христіанскихъ именахъ,
И что-то милое встрѣчаю
У всѣхъ Варваръ въ умѣ, въ чертахъ.

*

Въ иной — съ Венерой вижу сходство,
Дары природы всѣ — въ другой,
У третей — нрава превосходство,
Въ четвертой — пылкой умъ, живой;
Воображенье мнѣ казало
Въ кругу Варваръ небесной рай,
И сердце, гдѣ бы ни летало,
Прильнетъ къ Варварѣ невзначай.

*

Пока былъ молодъ — сердце билось,
Никто его не унималъ;
Уже ли ты угомонилось?
Состарѣвшися я сказалъ.

Пустое! — Только что Варвару
Увидѣлъ *Кошелеву* я,
Опять какъ съ сильнаго угару
Вскружился разумъ у меня.

*

Мила Варвара чрезвычайно
Лицомъ, душою и умомъ;
Одна бѣда! — непостоянна,
Рѣзва — и ставитъ все вверхъ дномъ.
Увы! гдѣжъ въ свѣтѣ совершенство! —
Оно дано лишь небесамъ; —
А здѣсь и Царское блаженство
Всегда съ оправой пополамъ.

18.

Женѣ въ деревнѣ.

Слыхалъ я, говорятъ, что менѣе тоскуютъ
Тѣ, кои пополамъ другъ съ дружкою горюютъ;
По мнѣ — какъ ни мала тоска моихъ друзей,
Все больше во сто кратъ мнѣ кажется моей!
Чтобъ лучше уравнять для насъ двухъ жизни бремя,
Вотъ какъ желалъ бы я дѣлить съ тобою время:
Веселые часы откладывать тебѣ,
А пасмурные дни присвоивать себѣ.

19.

Темирѣ

Т. . А. . Л. .

Не вѣрь пустой молвѣ, любезная Темира,
Что будто я тогда, когда явилась ты
Въ торжественномъ лицѣ славнѣйшей части міра,
Осмѣивалъ твою игру и красоты. —

*

Не знаю, что дало догадку столь неправу
Конечно не мою мнѣ дерзость приписать;
Я всякую любилъ подобную забаву
Не только выхвалять — участіе въ ней брать.

*

И нынѣ, признаюсь, не столько оскорбляетъ
Постыдна клевета, какъ то мнѣ досаждаетъ,
Что можетъ быть сама повѣрила ты ей.

*

Ахъ, нѣтъ! въ моихъ глазахъ ты вѣчно будешь та же,
Какъ Лунина мила — Европою мила же,
Въ кругу Московскихъ дѣвъ владычицей моей.

Сіи стихи сочинены мною въ оправданіе мое противъ молвы, прошедшей въ городѣ о томъ, будто бы я выпустилъ какую-то сатирическую рукопись на торжественный прологъ, игранной по случаю взятья Парижа благородными Особами, въ числѣ коихъ Г-жа Лунина представляла Европу.

20.

Перовскому.

Перовской очень милъ, тебѣ по всякой
скажетъ.
Кто скроменъ, такъ какъ ты, кто такъ же
добръ и тихъ,
Тому ко щастью путь любовь вездѣ покажетъ;
Отъ сердца моего летитъ къ тебѣ сей
стихъ,
Отъ сердца, въ коемъ ты пріязни врѣзалъ
чувство
Столь сильно, что его и время не сотретъ.
Подъ солнцемъ гибнетъ все — богатство,
честь, искусство;
Любовь — одна любовь и свѣтъ переживетъ.

21.

На день рожденія

П . . П . . Н . .

И вамъ ужъ 50 !!! — увы, тяжелый грузъ!
Шатаются зубки — и стали за примѣту
Волоски походить на бѣлую монету;
А старость, хоть не радъ, тащитъ къ себѣ
въ союзъ.
Такъ съ чѣмъ же поздравлять? Но должно! —
Поздравляю,
Обычаи храня, при семъ препровождаю,
Въ залогъ моей любви, тѣ самыя часы,
Въ которыхъ вы нашли какія-то красы.
Любуйтеся на нихъ, — а въ полдни заво-
дите;
Стрѣла покажетъ вамъ, которой въ сутках
часъ,
А мысли приводить на память станутъ насъ,
Лишь чаще вы на нихъ, пожалуста, глядите.

22.

Барону

А. . . . С. . . . С. . . .

Желалъ бы вѣчно жить
Въ восторгахъ нѣжной страсти,
Желалъ бы позабыть,
Что въ свѣтѣ есть напасти,
И въ полдень и въ полночь
Въ прекрасной полъ влюбляться,
Гнать всѣ заботы прочь,
Съ однимъ весельемъ знаться.

*

Желалъ бы, чтобъ друзья
Мои меня любили
Такъ пылко, какъ и я,
И всѣбъ со мною жили;
Что въ мысляхъ есть у нихъ,
Чтобъ могъ я тотчасъ свѣдать,
И тайны чувствъ моихъ
Безъ страха имъ повѣдать.

*

Желалъ бы наконецъ,
Любя васъ, какъ роднова,
Чтобъ всѣхъ міровъ Творецъ
Чудеснымъ перстомъ снова

Коснулся вашихъ глазъ;
Чтобъ ими вы читали,
И въ гости къ намъ подъ часъ
Пѣшкомъ бы загуляли.

*

Чегожъ еще желать
Я въ мысляхъ не встрѣчаю,
И щастья созидать
Иначе я не знаю.
Жить, ближняго любя,
Есть благо превосходно;
Но жить лишь для себя —
Однимъ звѣрямъ природно.

23.

М. П. Телегину,

изъ Венева.

У тещи мы въ гостяхъ ликуемъ — да и полно!
Погода хороша, — всего у насъ довольно;
Но только какъ бы намъ въ Москву не опоздать:
Спѣшу домой за тѣмъ, чтобъ васъ самихъ застать.
Смотрижъ пріятель, ты не торопись на *Волокъ*;
А то я привезу съ собой горячій щелокъ,
И голову тебѣ день цѣлой буду мыть,
Коль ты до насъ туда успѣешь укатить.
Недѣли двѣ провесть съ пріятелемъ въ разлукѣ,
Но съ добрыми людьми возможно и безъ скуки:
И этаго теперь, по совѣсти скажу,
У тещи живучи, я опытъ нахожу.
Но вспомни, что отсѣль, щадя свои доходы,
Мы вплоть до Января поѣдемъ въ антиподы
Верстъ триста отъ Москвы жить въ кучѣ мужиковъ.
Гдѣ намъ искать Газетъ? — гдѣ взять твоихъ стиховъ?

А мнѣ твое перо такъ нравится, ей Богу,
Что я листочикъ твой читалъ во всю дорогу.
И такъ прошу тебя, Телегинъ, не шути,
Дождися насъ въ Москвѣ, чтобъ тамъ я на пути
Съ тобою, милый другъ и братъ во Аполлонѣ,
Хоть разъ повечерять успѣлъ бы на балконѣ,
И такъ, какъ обнялись поѣхавши сюда,
Прижавъ бы къ сердцу вновь, отправились туда.

24.

Отвѣтъ на привѣтствіе

В . . С . . П . .

Стиховъ привѣтливыхъ и плавныхъ
Спасибо доброму творцу;
Но мнѣлъ похвалъ искати равныхъ
Воспѣтымъ Греческу пѣвцу?

*

Ищу пріязни, а не славы,
Когда я пѣшу здѣсь друзей;
Среди трудовъ, среди забавы
Владимірѣ чту семьей своей.

*

И вы, прибившися судьбою
Къ его заманчивымъ брегамъ,
Пребудьте искренни со мною;
Душой пожертвую я вамъ.

*

Хотѣлъ бы я, какъ вы сказали,
Подъ часъ Купидою вспорхнуть,
Забывъ прошедшія печали,
Съ улыбкой на красу взглянуть;

*

Но, ахъ! природа возвѣщаетъ,
Что скоро мнѣ заснуть пора,
Предтечу въ госпи посылаетъ,
Стучится старость у двора . . .

25.

Зовъ на обѣдъ.

Ему же.

Сего дни девять лѣтъ Владиміромъ я правлю,
Сего дни девять лѣтъ, какъ плакалъ и тужилъ
О томъ, что я свое гнѣздо — Москву, оставлю;
Но Царь меня воззвалъ — и я покоренъ былъ.

❁

Убо да будетъ Богъ вселенной препрославленъ,
Да дастъ мнѣ тяжкой долгъ во благо совершить;
Да буду отъ людей правдивыхъ не посрамленъ —
И паки возвращусь въ свою обитель жить.

❁

А вы, мой новой другъ! коль будетъ вамъ свободно,
Пожалуйте межъ тѣмъ ко мнѣ на вечерокъ,
Одни, или сам-другъ, какъ будетъ вамъ угодно,
Въ бостончикъ поиграть и кашки сѣсть горшокъ.

26.

Моему пасынку

А. . . . А. . . . П. . . .

Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.
Насъ Богъ отъ безсловесныхъ
Восторгомъ отличилъ;
Преддверье благъ небесныхъ
Вкушать здѣсь научилъ.

Минута вожделѣнья
Влечетъ себѣ во слѣдъ
Не рѣдко угрызенья,
Болѣзнь и пропасть бѣдъ; —
Но чувство нѣжной страсти
Нашъ духъ животворитъ:
Оно среди напасти
Отраду намъ даритъ.

Душа съ другой душою
Когда съединена,
Ни самой злой судьбою
Не страждетъ, какъ одна.
Корысть все расторгаетъ
И узы рветъ семей;
Но тронуть не дерзаетъ
Цѣпь свычки двухъ друзей.

*

О юноша любезной!
Дней красныхъ не теряй!
Стяжи совѣтъ полезной
И въ вѣкъ не забывай: —
Желать и наслаждаться —
Есть дѣйство естества,
Любить и восхищаться —
Внушенье Божества.

27.

Пріятелю

изъ коляски.

Напрасно ты въ своихъ мечтахъ
Какой-то рай воображаешь;
Во всѣхъ подсолнечныхъ странахъ
Ошибки грубы повстрѣчаешь
Натуры — случая — людей —
И даже тусклый лучь блаженства
Придется съ мудростью твоей
Искать въ тѣняхъ несовершенства.

*

Богъ создалъ рай — другаго нѣтъ;
Въ немъ тотъ, кто милъ и кто влюбился: —
Сему преданью вѣритъ свѣтъ,
Въ какой кто вѣрѣ ни крестился.
Отъ предковъ нашихъ и до насъ
Во всѣхъ концахъ земли извѣстно,
Что нѣжной взоръ любезныхъ глазъ
Есть наше царствіе небесно.

28.

На пожалованіе меня въ Т.. С..

Надежа - Государь пожаловалъ мнѣ чинъ;
Прекрасно — но увы! натура подшутила:
Черкнула свой указъ — кровь пылку простудила;
Амуръ сказалъ прости — остался я одинъ.

*

Что въ чинѣ, естьли нѣтъ огня и восхищенья!
Лѣтъ двадцать бы назадъ, о! какъ я щастливъ былъ!
Леталъ бы по Москвѣ, всѣмъ голову кружилъ,
Съ родными на пирахъ вкушалъ бы наслажденья.

*

Теперь осталась честь, а радость утекла;
Такъ стало быть народъ не по пусту болтаетъ,
Что служба за Царемъ хотя не пропадаетъ,
Но поздо и корысть, — когда пора прошла.

29.

На праздникъ въ Митинѣ

В.. А.. К..

Ужь мѣсяцъ, скромный другъ стыдливыя
любви,
Съ полей всѣхъ проводя, ушелъ и въ лѣсъ
сокрылся;
Среди ночныхъ тѣней вновь свѣтъ дневный
явился
И плошками вездѣ уставлены пути.

*

На *Пекинѣ* въ челнокѣ музыка духовая
Манила на террасъ охотниковъ гулять,
Съ гремушками оркестръ танцовщиковъ скли-
кая,
Въ огромной залѣ имъ готовилъ поплясать.

*

На воздухѣ *Транже*, какъ будто привидѣнье,
Между вершинъ деревъ раскинувши канатъ,
Чудесныя на немъ творилъ тѣлодвиженья,
Стрѣлялъ, скакалъ и въ мигъ перемѣнялъ на-
рядъ.

*

Ракетки, бураки, прозрачныя каршины
Сгоняли удалой вокругъ его народъ;
А прусы, кои въ немъ боялись бѣсовщины,
Подъ окнами толпой глазели на господъ.

*

Вотъ, въ Митинѣ какой намъ праздникъ подарили!
Какъ можно было тутъ о чемъ нибудь вздохнуть!
Всѣ прямо отъ души въ забавахъ ночь убили,
И я, я самъ забылъ, что я привыкъ соснуть.

*

О роскошь, милой врагъ моральнаго добра!
Хотъ разумъ иногда велитъ съ тобой браниться,
Но въ сердце наше такъ умѣешь ты вселиться,
Что силъ недостаетъ согнать тебя съ двора.

50.

На праздникъ въ Дубкахъ

А.. А.. Б..

Не льзя, не уперплю — примусь опять за лиру!
Хотѣлъ было стиховъ совсѣмъ ужъ не писать;
Но какъ не возвѣстить восторгъ мой новой міру,
И тѣмъ, чѣмъ полонъ духъ, какъ всѣмъ не разсказать?

*

Никакъ Сердечкинъ нашъ опять въ кого влюбился!
Прочтутъ и про меня всѣ скажутъ это вдругъ.
Ошиблись, господа; — я сѣдъ и испощился,
Амуръ мнѣ чужъ чужой; — не бось, жена, мой другъ!

*

Свобода и гульба — вотъ чѣмъ я восхищаюсь!
Изъ Митина въ Дубки и въ Митино назадъ;
Тамъ прелестью садовъ, здѣсь роскошью плѣняюсь,
И тамъ и самъ дышу средь нѣги и прохладъ.

*

Ничто меня въ тѣни лѣсной не безпокоитъ,
На Пекшѣ до меня нѣтъ дѣла никому;

Въ сѣняхъ съ челобитьемъ докучливой не
ноитъ;
Чего ни захотѣлъ — здѣсь все по моему.

Въ поляхъ все хорошо, въ покояхъ все
прекрасно,
Хозяинъ bon vivant, — хозяйка безъ чиновъ,
Съ гостьми болтай про все, и смѣйся безопасно,
Сосѣдей не шулись — въ нихъ нѣтъ обиняковъ.

И карпы и театръ, и жмурки и горѣлки,
Что хочешь выбирай, лишь тѣшиться изволь;
А подъ вечеръ въ огняхъ и пропки и бесѣдки:
Ликуй на свой манеръ, другаго не неволь.

Съ друзьями хохочу, съ родней перебиваю,
То въ кустикахъ сосну, — то въ ваннѣ
окунусь,
Иль сидя попишу, иль ходя почитаю,
И весь мой недосугъ — пью, ѣмъ и веселюсь.

О, какъ тебя зовутъ, ты, кто всѣмъ мі-
ромъ правишь,
Зевесъ, или Алла, Егова, или Богъ!
Блаженъ, кого своей Ты милостью пробавишь!
А мы сбираемъ здѣсь щедроты Твоихъ плодъ
многъ.

Пусть осень нашихъ дней такъ ясно продолжится,
Какъ красну осень Ты намъ въ этотъ годъ послалъ:
Земля вокругъ меня повсюду богатится, —
И все на ней мое — мое — когда вкушалъ.

*

Да здравствуетъ Монархъ, вина всѣхъ восклицаній!
Его сегодни день — хозяинъ поспѣшай;
Пусть такъ спремятся всѣхъ сердецъ къ Нему желаньи,
Какъ въ честь Ему вино ударило чрезъ край.

*

Ура! сто кратъ ура! — и дамы и мущины
И юные птенцы кричите всѣ со мной!
Ни прусить, ни тужить нѣтъ Русскому причины;
Нашъ даръ Царю — любовь, Его намъ даръ — покой. —

31.

Вечеринка въ саду.

Хорошій вечерь и съ друзьями
Въ забавахъ сельскихъ сущій рай;
Какъ щастливъ тотъ подъ небесами,
Кому Богъ далъ вседневной Май!
Природа солнцемъ щеголяетъ,
Луна играетъ съ нимъ въ волнѣ;
Межъ тѣмъ онъ вѣкъ златой мечтаетъ,
На все любуясь въ тишинѣ.]

*

Подъ скрыпку тамъ ребяты скачутъ,
Старикъ смѣется въ сѣдинахъ;
Гдѣ глазъ не видно, кои плачутъ,
Тамъ жизнь — какъ мягкой путь въ цвѣтахъ.
Свободой полной наслаждайся,
Не бойся чувствамъ воли дать,
Приязнью доброй угощайся;
Чины къ натурѣ не подъ стать.

*

Игрушекъ разныхъ въ свѣтѣ много;
Ихъ ищутъ люди день и ночь;
Объ нихъ Философъ судитъ строго,
Но самъ играть съ дѣтьми не прочь.

Прильнувши лѣтомъ къ хороводу,
Услышавъ нѣжную свирѣль,
Онъ также дастъ глазамъ свободу,
Приложитъ ухо слушать трель.

*

Оставимъ молодость рѣзвиться,
Пока она среди тѣхъ лѣтъ,
Въ которы сердце не крушится,
Войны еще съ разсудкомъ нѣтъ;
А мы, кружокъ составя съ ними,
Помолодѣемъ на часокъ,
И какъ съ сердцами жить простыми
Возьмемъ въ забавахъ ихъ урокъ.

32.

Балъ въ Кременчугѣ.

Вездѣ народъ живетъ и любитъ веселиться;
Вкусъ роскоши у насъ подѣйствовалъ на всѣхъ:
Богачь въ Кременчугѣ на ярмаркѣ стремится
Такихъ же, какъ въ Москвѣ, добыть себѣ утѣхъ.

*

Ему знакомы всѣ столичныя названья;
Редутъ и лѣтній садъ; то тамъ, то сямъ торчитъ,
И креслы захватя изъ чванства — безъ желанья,
Задумавшися въ нихъ, комедію глядитъ.

*

Межъ тѣмъ, какъ гордый Днѣпръ свѣтъ лунный отражаетъ,
И кажетъ путь плотамъ, плывущимъ въ чудный Крымъ;
Ракеты, бураки весь берегъ освѣщаютъ,
Среди песковъ его столбомъ клубится дымъ.

*

Тутъ музыка заразъ (*) и пѣвчіе готовы;
Молоденькихъ дѣвицъ, какъ пчелъ, кружится рой:
Нехай же Москвичи къ провинціямъ суровы;
И въ нихъ по временамъ бываетъ вѣкъ златой.

(*) *Заразъ* — слово Малороссійское — то же, что у насъ тотчасъ.

33.

На дѣтской домашній концертъ.

Бѣгите отъ меня унынie, печаль!
Не здѣсь и не въ сіи сладчайшія минуты
Почувствовашь страшусь занозы ваши люты:
Я щастливъ и теперь — мнѣ ничего не жаль.

*

Двѣ пары милыхъ чадъ вокругъ меня играютъ;
Рѣчей ихъ простота, невинность ихъ забавъ
И образованный самой природой нравъ
Мнѣ молодость мою пріятно вспоминаютъ.

*

Такіежъ, какъ они, и мы ребята были;
Но, ахъ! я не грущу, что время то прошло:—
Что въ жизни, естьлибъ намъ въ ней Небо не дало
Утѣхи слаще всѣхъ, чтобъ мы въ потомствѣ жили?

*

Родители! ужь ли въ васъ есть такой нещастной,
Которой бы, пришедъ въ кружокъ дѣтей своихъ,

Съ холодностью бы тамъ взглянулъ на рѣз-
вость ихъ?
Коль есть, — онъ міру врагъ и ада сынъ
ужасной.

*

Летите всѣ сюда, мои любезны дѣти,
Меня и нѣжну мать свободно тармашить;
Игрой своей вы намъ не бойтесь досадить:
Вашъ смѣхъ милѣй для насъ позорищъ вся-
кихъ въ свѣтѣ!

*

О время! погоди, смири свой быстрой бѣгъ,
Остановись на сей минутѣ драгоцѣнной!
Тебя уже и такъ всѣ гонятъ во вселенной;
А ябъ хотѣлъ сей мигъ продлить на цѣлой
вѣкъ.

34.

Заговѣнье.

Когда Москвы въ обширномъ градѣ,
Полночи ожидая часъ,
Вся юность наша въ маскерадѣ
Въ послѣдній вальсируетъ разъ, —
Тогда я, сидя у огня,
Раидой мысль свою питаю,
Въ стихахъ ей сердце посвящаю;
И кто щастливѣе меня?

*

Живите люди, какъ хотите,
Играя всякъ своей мечтой,
И въ шумѣ радостей ищите;
Доволенъ я моей судьбой!
Когда я, сидя у огня,
Раидой душу восхищаю,
Всѣ балы въ свѣтѣ забываю;
И кто щастливѣе меня?

*

Герои! лаврами вѣнчайтесь,
Распните въ славѣ каждой часъ!
Монархи! скипетрами плѣняйтесь!
Смотрю безъ зависти на васъ.
Когда я, сидя у огня,
Рабомъ Раиды быть мечтаю,
Вселенной Царства не желаю;
И кто щастливѣе меня?

*

Ты, Крезъ! блаженство въ златѣ видя,
О деньгахъ грезишь и во снѣ,

Считай червонцы дома сидя;
На что твои мильоны мнѣ?
Когда я дома у огня
Раиды взоръ воображаю;
Металла блескъ имъ устыжаю;
И кто щастливѣе меня?

*

Любовныхъ чувствъ злодѣй прилѣжный;
На книгахъ вѣкъ свой погубя;
Кляни, мудрецъ! полъ женской нѣжный;
Противно слушать мнѣ тебя.
Когда я, сидя у огня,
Раидѣ пѣсни вымышляю,
Умнѣе всѣхъ себя считаю;
И кто щастливѣе меня?

*

Скачите, дѣти! въ маскерады;
Для васъ тамъ радостей соборъ;
Для васъ тамъ могутъ быть отрады:
А мнѣ прискучилъ этотъ вздоръ.
Сто кратъ пріятнѣй у огня,
Когда Раиду вспоминаю,
Дней юныхъ бури забываю;
И кто щастливѣе меня?

*

Мой уголъ мнѣ милѣй чертога
Царей, Царевичей, Бояръ;
Молю вселенной щедра Бога,
Да дастъ одинъ мнѣ только даръ,
Чтобъ могъ я, сидя у огня,
Любя Раиду не напрасно,
Твердить себѣ и сей всечасно:
Ахъ! кто щастливѣе меня?

35.

Вопросъ.

Умны люди! научите
Чувства сердца изъяснять?
Коль любили, такъ скажите,
Какъ любезную плѣнять?
Сколько я ни собирался,
Сколько словъ ни вымышлялъ;
Но съ Раидой какъ встрѣчался,
Я, вздыхая, лишь молчалъ.

*

Я люблю ее какъ душу,
Часто самъ твержу съ собой;
Чтожъ молчанье не разрушу,
Не скажу ей то самой?
Всякой день приготовляюсь,
И лишь молвить захочу,
Она взглянетъ — я теряюсь,
Вздохну крѣпко, и молчу.

*

Вы, которые вседневно
Увѣряете другихъ,
Что предавшись имъ душевно,
Вы не любите другихъ;
То ли чувство къ нимъ храните,
Что къ Раидѣ я храню?
Такъ ли сердце ихъ цѣните,
Какъ Раиды я цѣню?

*

Нѣтъ! не вѣрю; льзя ли спаться,
Чтобы въ искренней любви
Могъ со мной бы кто сравняться
На пространствѣ всей земли?
Я къ Раидѣ полонъ жара,
На всѣ жертвы ей готовъ;
Ея гнѣвъ — мнѣ люта кара,
Ея ласки — рай боговъ.

*

Мнѣ не надобны богатства,
Славой я не дорожу;
Жизни лучшія пріятства
Лишь въ Раидѣ нахожу.
Все вамъ, люди! уступаю;
Передъ вами вся Москва:
Ни на что не промѣняю
Ея взоры и слова!

*

Вотъ, какъ я любить умѣю!
Вотъ что ей сказать хочу!
Но сказать того не смѣю,
Въ изступленіи молчу.
Да на что же я такъ желаю
На словахъ ей то сказать?
Она можетъ (вѣрно знаю)
И молчанье отгадать.

36.

Письмецо.

Дай съ собой мнѣ повидаться,
Милой другъ души моей!
Чѣмъ мнѣ въ жизни упѣшаться,
Какъ не лаской твоей?
Я съ тобой терпя разлуку,
Сталъ нещастливъ безъ конца:
Не съ кѣмъ грусть дѣлить и скуку,
Молвить милаго словца.

*

Не повѣришь, какъ страдаю,
Что не вижу я тебя!
Все тоскую, все вздыхаю,
И бѣжалъ бы самъ себя.
Только въ жизни мнѣ веселья,
Занимать тебя собой;
Впрочемъ, вѣрь мнѣ, — все бездѣлье,
Дорогъ мигъ одинъ съ тобой!

*

Я вчера на балѣ встрѣтилъ
Весь Московской знатной свѣтъ,
И въ разсѣяньи примѣтилъ,
Что тебя тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ!

Много видѣлъ лицъ прекрасныхъ;
Твоему всѣ не чета:
При твоихъ глазенкахъ ясныхъ
Чья восхититъ красота!

*

Какъ ни умничай кто въ свѣтѣ,
Не возможно не любить;
Что ни ставь въ своемъ предметѣ,
Нѣтъ, не льзя безъ милой жить.
Безъ нее жизнь бремя злое,
Она день отъ дня тошнѣй;
Съ милой — ахъ! совсѣмъ иное:
Солнце свѣтитъ веселѣй.

37.

Досада.

Любви оковы тѣсны
Съ себя навѣкъ сложилъ,
Раиды видъ прелестный
Изъ сердца истребилъ.
Бѣжалъ отъ легковѣрной,
Отъ нѣжныхъ скрылся глазъ;
Не спрашенъ сей невѣрной
Ужъ болѣе мнѣ гласъ.

*

По утру лишь проснулся,
Задумалъ не объ ней;
Въ восторгѣ встрепенулся,
Свободѣ радъ моей.
Слуги я не отправилъ,
Здорова ли, спросить;
Меня мой умъ заставилъ
Дверь сердца затворить.

*

Тѣхъ книгъ ужъ не читаю,
Что мнѣ она дала;
Цвѣтовъ не сберегаю,
Которые рвала;
И платье, въ чемъ вседневно
Я прежде къ ней ѣзжалъ,
Сегодни, скинувъ гнѣвно,
Въ лоскутья изорвалъ.

*

Портретъ ея бывало
Въ глазахъ моихъ стоитъ;

Сіе любви начало
Мой духъ ужъ не смутитъ:
Теперь же въ кладовую
Снесши его велѣлъ,
Чтобъ эту мину злую
И въ краскахъ я не зрѣлъ.

*

Пойду ли я, поѣду,
Случалося куда,
А къ вечеру заѣду
Туда все, да туда;
Но нынѣче, слава Богу!
Мнѣ къ ней не по пути,
И въ домъ ея дорогу
Стараюсь обойти.

*

Насилу сталъ я воленъ
И вправду веселюсь,
Судьбой моей доволенъ,
Раиды не боюсь.
Ея любовникъ страстной
Плачевнѣе живетъ,
Чѣмъ узникъ тотъ нещастной,
Которой смерти ждетъ.

*

Свобода драгоцѣнна!
Навѣкъ пребудь со мной!
Съ тобою жизнь блаженна,
Въ тебѣ души покой.
Тверди ты мнѣ стократно,
Чтобъ помнилъ я всегда:
Любить себя — пріятно,
Любить другихъ — бѣда!

38.

Восторгъ.

О любовь ! твои законы
Тверже всѣхъ ума затѣй :
Имъ подвластны Царски троны
И все сонмище людей.
Ихъ безсмертные сложили ,
Сердца смертныхъ утвердили ;
Женской голосъ возгласилъ :
Кто противу ихъ дерзаетъ ,
Тотъ блаженства не познаетъ ,
Тотъ не вспомнитъ , что онъ жилъ.

*

Ты всѣхъ подвиговъ причина ;
Ты источникъ славныхъ дѣлъ !
Будь взаимна , будь едина ,
О любовь ! ты мой удѣлъ.
Я проснусь всегда съ тобою ;
Встрѣчу сонъ съ твоей мечтою.
Буду вѣчно я любить !
Въ тебѣ Бога ощущаю ,
Его благость обрѣтаю ;
Безъ тебя не могъ Онъ быть.

*

Ты во всемъ, что глазъ нашъ видитъ,
Свой огонь разпространя,
Даже тѣхъ, кто ненавидитъ,
Своей нѣжностью плѣня,
Міръ во всѣхъ концахъ связуешь,
Человѣковъ образуешь;
Отъ тебя ихъ каждой шагъ.
Ты съ младенцами играешь,
Спѣлой возрастъ восхищаешь:
Всякой рокъ съ тобою благъ.

*

Естьли въ наши дни развратны,
Когда лесть милѣй всего,
Люди столько коловратны,
Что не любятъ ничего;
Естьли женщины надмѣнны
Быть умѣютъ драгоцѣнны
И стыдятся воздыхать:
Меньшель ты, любовь прямая,
Жизни спутница драгая,
Меньшель насъ должна прельщать?

*

Нѣтъ! ничто не отвращаетъ
Отъ златыхъ любви оковъ;
Въ ней душа моя вкушаетъ
Неба дни и рай Боговъ;
Въ ней союзъ зрю совершенства,
Безконечнаго блаженства

Она истинной залогъ;
Ею твари всѣ въ движеньи,
Вся природа въ восхищеньи,
Ею радуется Богъ.

*

Пока гробъ мой трупъ не скроетъ,
Предпочту тебя всему;
Равнодушный пусть изноетъ,
Не завидую ему.
Я и въ самой часъ кончины,
Исполняя долгъ судьбины,
Еще разъ тобой дохну;
И въ сей жизни покидая,
Но въ другой тебяжъ встрѣчая,
Тамъ опять любить начну.

39.

Ручей.

Бѣги, ручей, бѣги сь стремленьемъ,
И въ устье той рѣки впадай,
По коей плылъ я съ восхищеньемъ
Туда, гдѣ свой увидѣлъ рай!
Омой тотъ градъ своей водою,
Въ которомъ милой другъ живетъ;
Ударься въ берегъ тотъ волною,
Куда по мнѣ вздохнуть придетъ!

*

Скажи ты ей, скажи, что видѣлъ,
Какъ я вседневно тосковалъ;
Что солнца лучь возненавидѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ розно жить съ ней сталъ;
Что дни мои — дни гроба стали.
Но сколько бѣдъ я ни терплю,
Живу еще въ моей печали
Лишь тѣмъ, что я ее люблю.

*

Ещель тебя, ещель, Глафира,
Велятъ увидѣть Боги мнѣ?
Судьбы дадутъ ли щастье мира
Вкушать съ тобою въ тишинѣ?

Не въ городъ пышной возвратиться,
Къ тебѣ я въ хижину хочу;
Твоей любовью насладиться,
Въ тебѣ всѣхъ благъ своихъ ищу.

*

Приди на камень тотъ любезной,
Гдѣ рядомъ я съ тобой сидѣлъ!
Пролей на немъ по мнѣ токъ слезной,
Чтобы ручей имъ закипѣлъ;
Чтобъ онъ, любви всемощной силой
Къ своимъ вершинамъ возвратясь,
Вѣщалъ бы мнѣ, какъ другъ мой милой
По мнѣ тоскуетъ, разлучась.

*

Тошна чувствительности мука
Для сердца склоннаго любить;
Тошна съ любезною разлука:
Блаженъ, кто съ нею можетъ жить! . . .
Ручей! снеси меня съ собою,
И на ея покинь брегахъ;
Иль я съ печали здѣсь изною,
И смерть найду въ твоихъ струяхъ!

40.

Оправданіе.

Естьлибъ люди даръ имѣли,
Такъ какъ Богъ, въ сердцахъ читать,
Естьлибъ также разумѣли
Тайны чувства познавать, —
Тыбъ увидѣла, Глафира,
Душу зря насквозь мою,
Что въ числѣ всѣхъ женщинъ міра
Выше всѣхъ тебя люблю.

*

Тыбъ узнала безъ ошибки,
Дорожу ли я тобой;
Что въ одной твоей улыбкѣ
Моя радость и покой;
Что твой гнѣвъ меня терзаетъ,
Грозной взоръ совсѣмъ губитъ,
Ласка душу восхищаетъ
И дни райскіе даритъ.

*

Ты престалабъ подозрѣньемъ
Огорчать меня такимъ,
Будто съ равнымъ восхищеньемъ
Обращаюсь я къ другимъ,

Съ коимъ я къ тебѣ всечасно
Шибче молніи лечу.
Нѣтъ! — ты мыслишь такъ напрасно!
Я вездѣ тебя ищу.

*

Чѣмъ мнѣ больше въ свѣтѣ льстишься,
Жизнь едва не окончавъ?
Поздо, поздо суетишься
И пустыхъ искать забавъ!
Твои видѣть нѣжны взгляды,
Слышать разумъ милыхъ словъ, —
Вотъ одни мои отрады!
Съ ними рокъ мой — рокъ боговъ.

*

Но лишь Небу то извѣстно,
Въ жизни можетъ ли что быть
Для меня столико лестно,
Какъ тебя душой любить!
Коль словами могъ наскучить,
Ты на дѣлѣ испытай.
Естьли правда — полно мучить;
Естьли лгу — самъ Богъ карай!

41.

Примѣчаніе

Какъ жаль, что въ свѣтѣ иногда
Обширной умъ и просвѣщенной,
Водимъ душою оскверненной,
Способенъ только для вреда! —
Или не льзя благой Природѣ
Такую доброму дать часть,
Чтобъ онъ могъ, дѣйствуя въ свободѣ,
Лукавства въ сѣти не попасть?

❋

Лукавой мыслитъ часто такъ,
Что мужъ открытый, добродушный,
Движеньямъ чувствъ простыхъ послушный,
Ничто иное какъ дуракъ; —
Обманъ! — И добрый также знаетъ,
Какъ списнуть можетъ онъ кого;
Но въ симъ трудамъ не прилагаетъ
Ума невинна своего.

❋

Онъ добръ отъ совѣстныхъ началъ,
Отъ правилъ чести и закона;
Не сильна мзда, ниже гласъ трона
Велѣть, чтобъ онъ отъ нихъ отсталъ.

Но тотъ, кто хитростью гордится
И взоромъ ближняго не чтитъ,
Тотъ всуе, всуе веселится,
Когда съ улыбкой зло творитъ.

*

Мужъ правый ходитъ безъ заботъ,
Его врагъ хитрый не тревожитъ;
Пускай онъ разны средства множитъ,
Собравши всякой черни збродъ,
Дать сердцу чисту язву люту
Удачи нѣтъ въ его стрѣлахъ:
Онѣ лишь колятъ на минуту,
А злаго мучитъ вѣчной страхъ.

42.

Минутная тоска отъ разлуки.

Мучительно любить
И милаго лишаться,
Дни щастья пережить,
Чтобъ съ горестью спознаться!
Любовью жизнь красна,
Любовью долговѣчна;
Вселенна несносна
Безъ чувствія сердечна.

*

Что пользы въ домъ зазвать
Къ себѣ народа кучу?
Гостямъ ли разогнать
На сердцѣ черну тучу?
И въ полѣ томъ не въ прокъ
Гулянье повернется,
Гдѣ аленькой цвѣтокъ
Въ глаза не попадется.

*

Я чувствую себя
И жизнью наслаждаюсь
Тогда лишь, какъ любя
Любовью награждаюсь;
Кои часъ огонь потухъ,
Что мы зовемъ любовью,
Пресѣкся жизни духъ
И ледъ смѣшался съ кровью.

43.

Дрема въ коляскѣ.

Соренѣ измѣня, отъ глазъ ея бѣжалъ,
И чая, что луна меня не позабудетъ,
За всѣ мои стихи сопутствовать мнѣ будетъ,
Я ночью въ Октябрѣ по почтѣ поскакалъ;
Но видно за друзей своихъ луна вступилась:
Лишь вспрѣтила мой взоръ, какъ въ облако сокрылась,
И я, не видя сги, въ коляскѣ трепеталъ.
Что дѣлать? думалъ я: — воздушны ставить башни,
Или напоминать Московски спары шашни?
Одно не оживитъ,
Другое утомитъ.
Тоска! — Но вдругъ съ толчкомъ сюрпризъ пріятной мнѣ:
Сорену, ночь, луну — все видѣлъ я во снѣ.

44.

Хвала вину.

Вино какъ можно не любить?
Оно печальныхъ утѣшаетъ,
Оно веселыхъ восхищаетъ;
Не льзя хмѣльнаго не хвалить.

*

Давидъ на тронѣ намъ поетъ:
Вино веселье человѣка;
Что пользы жить постясь два вѣка?
Бываетъ годъ милѣй ста лѣтъ.

*

Мы это видимъ всякой часъ;
А чтобъ словамъ придать примѣры,
Слуга! подай стакань мадеры!
Умножь сей опытъ до ста разъ!

*

Дай рюмку *тинто*, иль *баржакъ*,
Коль красну создалъ Богъ природу!
Ужь ли съ Трехъ горъ пить лучше воду?
Пустъ вѣритъ этому дуракъ.

*

Вонъ тамъ Шампанское вино!
Приближь къ устамъ сосудъ сей влаги;

О варѣ пѣнистой, другѣ отваги!
Коль есть блаженство — вотъ оно!

*

Какая дерзкая строка!
Ее кто женщинамъ разскажетъ,
Тотъ ссору страшную завяжетъ,
Мнѣ будетъ хуже батрака.

*

Сказать ли тайну женщинъ вамъ,
За что противъ мужей враждуютъ,
Когда между собой ликуютъ,
Предпочитая хмѣль красамъ?

*

Тутъ ревность сыплетъ мѣлкій соръ;
Онѣ держать желаютъ сами
Торгъ изключительной сердцами,
А Бахусъ входитъ съ ними въ споръ.

*

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу *токай* я пить.

*

Пусть Римъ, Парижъ и Испагань
Плѣняютъ вкусомъ дамски взоры;

По мнѣ такъ дрянь всѣ ихъ уборы:
Коль погребъ полонъ мой, — я панъ!

*

Воздавши честь сію Богамъ,
Не стану ихъ хвалить за розы;
Но, ахъ! за виноградны лозы
Хулы вовѣки имъ не дамъ.

*

Коль сердце наше веселить
Нѣтъ средства лучше винограду,
Какой плода сего отраду
Обычай силенъ запретить?

*

И такъ я въ щастьи и въ бѣдахъ
Клянусь, презрѣвши грезы славы,
Вѣнчать мірскія всѣ забавы —
Съ багряной чашею въ устахъ.

45.

Часы.

Купилъ часы я золотыя ;
Но видно дуренъ складъ :
То цѣлой день стоятъ ,
То сутки выдутъ вдругъ такія,
Что чуть лишь заведутъ ,
Тотчасъ и побѣгутъ.

Когда я смутенъ и скучаю ,
Коль оченьки слезятъ , —
Часы мои стоятъ ;
Когдажъ восторги ощущаю
И страсти къ сердцу льнутъ, —
Часы мои бѣгутъ . . .

Безсонницаль меня замучитъ ,
Вотще жду дня отрадъ , —
Часы мои стоятъ ;
Но случай ли когда залучитъ
Туда , гдѣ пиръ даютъ , —
Часы мои бѣгутъ.

Когда дѣлами занимаюсь ,
Судьбы заботы длятъ , —
Часы мои стоятъ ;
А мало мальски разыграюсь ,
Не взвижу время тутъ , —
Часы мои бѣгутъ.

Съ Надиной милою въ народѣ,
Когда въ неволѣ взглядъ, —
Часы мои стоятъ;
Но съ ней безъ людства, на свободѣ,
Лишь вздохи грудь сожмутъ, —
Часы мои бѣгутъ.
Въ разлукѣ тяжкой съ ней бывая,
Для вящихъ мнѣ досадъ —
Часы мои стоятъ;
А въ кой-то вѣкъ ее встрѣчая,
День кончанъ въ пять минутъ, —
Часы мои бѣгутъ.

Отнесъ часы къ Ферье обратно,
Возьми, сказалъ, назадъ.
Какъ нуженъ ходъ — стоятъ,
Хотя заводятъ аккуратно;
А какъ ненадо — тутъ
Унять не льзя — бѣгутъ. —
Сработай такъ, чтобъ пробѣжала
Стрѣла кругъ годовой,
И на минутѣ той
Остановясь, всю жизнь стояла,
Въ котору молвлю я:
Надиночка моя.

46.

Эпитафія теленку.

Не мужъ и не жена подъ камнемъ симъ лежитъ;
Закормленный телецъ подъ мраморомъ сокрытъ.
Телячьимъ щастьемъ онъ до смерти наслаждался,
И отъ избытка благъ во младости скончался.
Хозяйка изъ своихъ его питала рукъ;
Онъ въ нѣгѣ жилъ при ней какъ самый нѣжный другъ;
Другимъ не въ образецъ, его кормила мѣломъ,
И опытъ не одинъ бывалъ надъ его тѣломъ;
Душистыхъ водъ рѣка къ нему лилася въ ротъ;
Не въ стойлѣ, какъ скоты, въ диванѣ жилъ сей скотъ.
Отецъ его и мать хотя въ клеву живали,
То было въ старину — тотъ вѣкъ судьбы промчали, —
Тогдабъ потомокъ ихъ сѣна клочокъ жевалъ;
А нынѣ алебастръ насущнымъ хлѣбомъ сталъ.
Недуговать ему когда-либо случалось,
Изъ всѣхъ аптекъ Москвы лѣкарство отпускалось.

Канъ волка ни корми, а онъ все жмется въ
лѣсъ ;
Телячій аппетитъ со временемъ изчезъ :
Пріѣлся ему мѣлъ, ликеровъ питъ не хочетъ;
Хотъ по уши въ добрѣ, теленокъ все хлопо-
четъ ,
На домъ своихъ отцовъ съ печалію глядѣлъ,
И щастья не стерпя, на дняхъ сихъ околѣлъ.
Вы , кои лишь жевать мякину съ сѣномъ
сродны ,
О тучные быки , коровы многоплодны !
Мычите , проходя сію плачевну вѣсь !
Се рода вашего гніетъ потомокъ здѣсь !

47.

Привѣтствіе малолѣтнаго отцу его, въ день его имянинъ.

Пускай вождямъ даютъ народы
Титулъ отечества сыновъ,
Въ мои младенческіе годы,
Храним отъ стрѣлъ и отъ штыковъ,
Одну лишь славу постигаю
Тебя съ покорностію чтить,
И титлам всѣм предпочитаю
Твоим достойнымъ сыномъ быть.

*

Сегодни, въ день тезоименный,
Въ который дивный твой Патронъ
Нашъ край, язычествомъ прельщенный
Подъ благодатный ввелъ законъ, —
Прими изъ устъ моихъ нельстивыхъ
Дань мирныхъ отроческихъ лѣтъ,
Не слогъ похвалъ краснорѣчивыхъ,
Но чувствъ признательныхъ обѣтъ.

*

Да будетъ вѣчно надъ тобою,
Отецъ и другъ дражайшій мой!
Самъ Богъ всесильною рукою
Хранитъ незыблемый покой!
За добродѣтели въ награду
Живи вѣкъ долгій въ тишинѣ,
Въ моемъ почтеньи зря отраду
За всю любовь твою ко мнѣ.

ЧЕТВЕРОСТИШІЯ.

1.

НАДПИСЬ

КЪ ВѢНЗЕЛЮ ЕКАТЕРИНЫ II.

Россіи нѣжну Матъ, вселенной украшенье,
Въ Тебѣ, премудрая Монархиня! мы зримъ.
Къ Тебѣ обращено все наше помышленье;
Изъ рода въ родъ хвалу Тебѣ мы воздадимъ.

2.

На именины Кн. В. Ю. Д.

Княжна! чего бы мнѣ въ сей день вамъ пожелать?
Того же, что всегда всѣмъ сердцемъ вамъ желаю:
Чтобъ щастье вы могли въ той мѣрѣ ощущать,
Въ какой я весь вашъ домъ люблю и почитаю.

3.

Люв. Иван. Безо.

Когожъ на свѣтѣ звать Любовью, какъ не васъ?
Вы милы — какъ она, прекрасны — какъ Надежда,
Я вѣрю Божеству по дѣйству вашихъ глазъ.
Кто въ нихъ Его не чтитъ, — тотъ кажется невѣжда.

4.

На село ея Патакино.

Мѣста, гдѣ прежде рай въ картинѣ мы видали,
Куда красѣ во слѣдъ бѣжалъ Владиміръ весь!
Вы тѣжъ; — но отъ чего всю прелесть потеряли?
Любовь бѣжитъ отъ насъ и жить не хочетъ здѣсь.

5.

На Васильевское.

Мѣста, гдѣ въ первой разъ мой духъ сталъ воспламеняться,
Гдѣ юный возрастъ свой въ забавахъ проводилъ!
Теперь, къ закату дней, пришелъ вамъ поклониться,
Взглянуть на васъ, взглянуть . . . и вспомнить, что я жилъ. —

6.

Луне.

Луна! ты хороша, ты мой плѣняешь взоръ
Не тѣмъ, что съ яснымъ днемъ ты ночь равняешь въ мірѣ,
Не тѣмъ, что вкругъ тебя планетъ горитъ соборъ;
Люблю тебя за то, что нравишься Глафирѣ.

7.

Экспромтъ.

Любезное любить
Природа насъ влечетъ;
Не льзя иначе жить
Ни нынѣче, ни впередъ.

8.

Къ портрету

Кн. Е. С. Д.

Евгенія была изящность естества.
Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ
дней блаженство;
Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство;
Въ чертахъ ея души — зрѣлъ благость Божества.

9.

Къ моему портрету.

Мнѣ душу далъ Творецъ, дыханіе природа;
Гласъ сердца — мой законъ, сокровище —
свобода,
Родство мое — пріязнь, любви обязанъ всѣмъ,
А происками гнилыми — не долженъ я ни чѣмъ.

10.

На планъ города Березова.

Подъ стражей мой отецъ на мѣстѣ семъ
родился,
Мой дѣдъ и другъ Царевъ въ острогѣ здѣсь
томился;

А я, какъ Павелъ крестъ, всѣхъ выше тиловъ чту
И дѣдовъ эшафотъ и отчу нищету.

11.

А. А. П.

Безъ груши нѣтъ въ саду пріятнаго плода,
Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола,
Безъ груши для невѣстъ серегъ нѣтъ драгоцѣнныхъ;
Безъ Груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

12.

Красавицѣ.

Гдѣ мило — тутъ глаза; чемужъ дивишься вамъ,
Что я смотрю на васъ такъ долго не смигая.
Когда на красоту глядитъ любовь прямая,
Тогда и годъ и вѣкъ равняются часамъ.

13.

На бракосочетаніе.

Жилкуру подъ вѣнцемъ Полина вдругъ сказала:
Ласкай меня всегда, когда тебѣ досугъ.
Жилкуръ ей отвѣчалъ: — изволь, но съ тѣмъ, мой другъ,
Чтобъ ты сама другихъ ласкать не успѣвала.

14.

Эпитафія Н. В. К.

Не въ часъ меня любовь къ отечеству взманила!
Милиція, какъ пить дала, — угомонила.

Вотъ то - то, естьлибъ я не такъ - то
прытокъ былъ,
Я бъ, можетъ быть, еще теперь вино курилъ.

15.

Матеріалисту (*).

Богъ далъ мнѣ плоть — и я искалъ
Въ ней разумъ угостить и душу;
Пилъ много, много ѣлъ и спалъ,
И въ землю возвращаю тушу.

16.

Безъименной
въ Альбомъ.

Княгиня! что мнѣ вамъ здѣсь новаго
сказать?
Вседневно, во всю жизнь одно скажу и то же,
Что я васъ такъ люблю, что естьлибъ былъ
моложе,
То чувства къ вамъ мои я страстьюбъ
могъ назвать.

17.

Е. С. О. на балѣ.

На что въ Парижъ и въ Римъ отсюда намъ
кататься,
Чтобъ мраморными тамъ Венерами плѣняться;

(*) Сіи стихи суть пародія прекраснѣйшихъ стиховъ Г. Кар., всѣмъ извѣстныхъ: *Богъ далъ мнѣ сердце, и проч.*

Венеру самую мы видѣли сей часъ:
Обрѣзкова была на балѣ здѣсь у насъ.

18.

На Журналиста.

До сихъ поръ вѣрить всѣ должны бывали мы
Слѣпою вѣрою однимъ Евангелистамъ;
Явились новой вдругъ конструкціи умы,
И заповѣдь даютъ — всѣмъ вѣрить журналистамъ.

19.

Въ Альбомъ.

Любить отъ молодости нѣжной
До самыхъ позднихъ жизни дней
Предѣлъ природы неизбѣжной
Для рубища и для Царей.

20.

Шутка.

Des ce moment j' arrive отъ дяди,
A sa campagne обѣдалъ я;
De me revoir, ахъ! вы не ради;
Uotre froideur крушитъ меня.
Mais, si vous dites: осшанься съ нами;
Quel bonheur будетъ для того!
Qui veut à tout moment быть съ вами,
Pour qui vous etês милѣй всего.

ПѢСНИ

НА

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

ПРИНОШЕНІЕ

С. Н. Р.

Однажды я спросилъ у сердца своего:
Чей женской голосъ всѣхъ доходнѣй до него?..
Софіинъ, мнѣ оно не медля возвѣстило,
И пѣсенъ сихъ тебѣ собранье посвятило.

I.

Все съ тобой меня прельщаетъ,
При тебѣ я все люблю,
Грусть души не возмущаетъ,
Мукъ сердечныхъ не терплю;
Безъ тебя я всѣмъ скучаю,
Не люблю я ничего, —
Славу тягостью считаю,
Въ ней нѣтъ счастья моего.

*

Сладки чувства въ насъ раждаетъ
Одинъ взоръ пріятной твой;
Для меня онъ все вмѣщаетъ —
Щастье, радость и покой:
Имъ хочу я наслаждаться,
И доколѣ буду жить,
Лишь тобою заниматься,
Лишь одну тебя любить.

*

Въ томъ свою я поставляю
Честь, богатство и законъ!
Страстью тая, не равняю
Съ твоимъ сердцемъ самой тронъ.
Пусть тщеславцы веселятся
Блескомъ суетныхъ честей;
Мнѣ дано тобой плѣняться, —
Выше всѣхъ чту жребій сей.

II.

Сколько разъ, жестокой, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разумъ твой старался
Мнѣ одной любезнымъ быть!
Души нѣжной слабость видя,
Ты заставилъ духъ пылать
Въ той, кто, все возненавидя,
Тебѣ тщилась угождать.

*

Но теперь ту презираешь,
Кого богомъ своимъ звалъ,
И другой все то вѣщаешь,
Чѣмъ меня къ любви склонялъ.
Иль на то тебѣ, невѣрной,
Надъ собой дала я власть,
Чтобъ холодностью безмѣрной
Наградилъ мою ты страсть?

*

О любовь, царица свѣта!
Отомщай ты за меня!
Убѣгай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно льщуся
Въ его казни я найтить;
Лишь тѣмъ больше сокрушуся. —
Нѣтъ! ему не въ силахъ мстить.

III.

Ахъ! напрасно мнѣ пѣняешь
Ты въ невѣрности, мой свѣтъ!
Иль еще ты мало знаешь,
Что милѣй тебя мнѣ нѣтъ;
Что въ тебѣ единой вижу
Всей природы красоты,
И мѣста тѣ ненавижу,
Гдѣ со мною розно ты?

*

Тщетно духъ твой возмущаетъ
Ревность, нѣжныхъ чувствъ злодѣй,
И меня винить дерзаетъ
Предъ владычицей моей;
Нѣтъ, повѣрь, что не умѣю
Не любя люблю сказать,
Льстить искусства не имѣю;
Чту за грѣхъ тебѣ солгать.

*

Ты весь полъ свой превосходишь,
Ты милѣй всѣхъ создана,
Путь во всѣ сердца находишь
И съ Богами ты равна.
Кинь сіе сомнѣнье ложно,
Что тебѣ я измѣнялъ;
Измѣнить тому не можно,
Кто тобою страстенъ сталъ.

IV.

Пусть славѣ въ жертву жизнь приноситъ,
Кто сей мечтою зараженъ,
Пусть свѣтъ Героевъ превозноситъ,
Дѣлами ихъ ставъ изумленъ;
А я блаженъ моей судьбою,
Хочу въ ней радость находить;
Высокихъ замысловъ не строю: —
Любилъ, люблю, хочу любить!

*

Скупецъ, сокровища сбирая,
Весьма себя щастливымъ чтитъ,
Коль денегъ куча золотая
Въ карманахъ у него лежитъ;
А я и то все, что имѣю,
Готовъ дражайшей посвятить;
Когдабъ владѣлъ вселенной всею,
Готовъ и ту ей уступить.

*

Чего мы въ свѣтѣ ни желаемъ,
Все сущій вздоръ и суета!
Игрушки каждой день мѣняемъ,
А все намъ кажется не та.
Здѣсь всякой хочетъ самовластно
На свой манеръ щастливымъ быть;
Я имъ смѣюсь, твердя всечасно:
Любилъ, люблю, хочу любить!

V.

По тебѣ я воздыхаю,
Для тебя хочу лишь жить;
Ничего такъ не желаю,
Какъ тобой любиму быть!
Пусть мечта, пусть слава шлѣна
Покаряетъ міръ себѣ;
Ты одна мнѣ драгоцѣнна,
Я подвластенъ лишь тебѣ.

*

Нѣтъ моей подобной долѣ,
Коль тебѣ я вправду милъ;
Я и Бога чту тѣмъ болѣ,
Что тебя Онъ сотворилъ.
Ты природу украшаешь,
Ты вселенной блескъ даешь,
Ты жестокость укрощаешь,
И сердца холодны жжешь.

VI.

О время дорогое
И лѣтъ моихъ весна!
Какъ легкой сонъ теряю
Тебя я навсегда.
Престалъ ужъ милъ казаться
Я нѣжнымъ красотамъ;
Влюблять ужъ не умѣю,
А самъ еще влюбленъ.

Что можетъ быть тяжелѣ
Судьбы на свѣтѣ сей,
Когда взаимной страсти
Уже не льзя вкушать?
Тщеславьемъ обольщаться —
Вотъ мой теперь удѣлъ!
Но сладостямъ любовнымъ
Замѣналь что нибудь?

VII.

Меня рѣки разлучаютъ
Съ тою, кто милѣй всего,
Изъ объятій исторгаютъ
Душу сердца моего!

*

Чѣмъ рѣзвѣй волна мятется,
Чѣмъ быстрѣй струя течетъ,
Тѣмъ сильнѣе сердце бьется,
Тѣмъ милѣй любви предметъ!

*

Ахъ! почто моихъ стенаньевъ
Ты, рѣка, не можешь внять?
Почто чувствъ моихъ терзаньевъ
Не дано тебѣ понять?

*

Тыбъ столь сильно не стремилась
Меня гнать отъ береговъ,
Противъ волнъ бы покатилась,
Уставъ презря и Боговъ.

*

Тыбѣ, одной моей слезою
Водѣ суровость уполивъ,
Возвратилась бы со мною
Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я щастливъ!

*

Но, увы! на что напрасно
Возмущаю духъ мечтой?
Тщетно, тщетно сердце страстно
Себя манитъ пустотой.

*

Воды мрачныя! вамъ можно
Меня съ милой разлучить;
Но успѣть трудитесь ложно
Въ томъ, чтобъ я престалъ любить.

*

Я скорѣй съ волной сражуся,
Новой адъ пойду искать,
Чѣмъ дражайшей соглашуся
Взглядъ холодной показать.

*

Утекай, струя, обратно
Къ райской прелести моей,
Съ шумомъ ей вѣщай спократно,
Что мнѣ нѣтъ ее милѣй,

*

Что я вѣренъ ей пребуду,
Сниду въ гробъ, ее любя;
И за гробомъ жить коль буду,
Ей опять отдамъ себя!

VIII.

Люблю съ тобою говорить,
Къ тебѣ всѣ мысли устремляя;
Люблю твой каждой взоръ ловить,
Въ немъ тьму пріятностей встрѣчая;
Люблю вездѣ съ тобою быть,
Твоей во всемъ подвластенъ волѣ,
Люблю тебя одну любить,
Люблю тебя любить всѣхъ болѣ.

*

Люблю я на тебя смотрѣть,
Когда сонъ сладкой прерываешь;
Люблю у ногъ твоихъ сидѣть,
Когда ты снова засыпаешь;
Люблю твоимъ любезнымъ слыть,
Люблю имъ быть на самомъ дѣлѣ;
Люблю съ тобою все дѣлить,
Люблю во всякомъ жить удѣлѣ.

*

Люблю себя тѣмъ щастьемъ льстить,
Что ты мила мнѣ вѣчно будешь;
Люблю свой духъ тѣмъ веселить,
Что ты меня не позабудешь;
Люблю ни чѣмъ не дорожить,
Какъ только лишь тобой одною;
Люблю въ твоемъ я сердцѣ жить,
Нося твой зракъ вездѣ съ собою.

*

Люблю и мыслить и твердить,
Что ты всѣхъ качествъ совершенство,
Люблю то вправду находить,
И ставлю въ томъ свое блаженство;
Люблю во всемъ съ тобой равнять
Царей, боговъ; — но все то мало!
Тебя тебѣжъ уподоблять, —
Вотъ чѣмъ хвалить тебя пристало!

IX.

Ахъ! какъ скучно жить въ разлукѣ
Съ тою, кто души милѣй!
Нѣтъ ни доли, нѣтъ ни муки,
Чтобъ могла сравниться съ ней!
И нещастіе прелестно
Для того, кто съ дорогой;
А тому ничто не лестно,
Кто не зритъ ее съ собой.

*

Нѣтъ другаго намъ блаженства,
Какъ любя любиму быть;
Нѣтъ и въ щастьи совершенства,
Коль не льзя его дѣлить!
Естьлибъ я и надъ вселенной
Вдругъ явился господинъ,
Отъ любезной отлученной
Буду я вездѣ одинъ.

*

Сколько слава ни плѣняетъ,
Хотя тьму сулитъ наградъ,
Но такихъ не доставляетъ,
Какъ любовна страсть, отрадъ.
И въ порфирѣ на Престолѣ
Міра грозные Судьи
У красавицы въ неволѣ
Часто жертвуютъ любви.

*

Утекайте, злы минуты,
И промчите грусть мою!
Уносите вздохи люты
И съ слезами, кои лью!
О Владыки всего свѣта!
Дайте милую обнять!
У ногъ милаго предмета
Дайте рай скорѣй вкушать!

*

Нину видѣть повсечасно,
Не страшась разлуки съ ней,
И ее плѣняя страстно,
День отъ дня ей быть милѣй, —
Вотъ какихъ я благъ желаю?
Нѣтъ иныхъ ужъ для меня.
Все вамъ, смертны, уступаю;
Будь лишь Нина вѣкъ моя!

X.

Переводъ съ Французскаго.

Я видѣлъ Дворъ, поля и грады,
Въ чертогахъ пышныхъ я живалъ;
Но, ахъ! я Нины нѣжны взгляды,
Ни милый зракъ тамъ не встрѣчалъ.

*

Узналъ, что льзя среди богатства
Въ желаньяхъ чувствовать раздоръ;
А съ Ниной всѣ вкусилъ пріятства:
Мнѣ съ ней златыхъ не надо горъ.

*

Что здѣсь ни зрю, все въ умъ вмѣщаетъ
Объ Нинѣ тьму пріятныхъ думъ;
Мнѣ мнится, Нину называетъ
И голосъ птицъ и рѣчекъ шумъ.

*

Съ зарею зракъ ея встрѣчая,
Я въ Нинѣ Бога воспою;
Къ ней вздохи страстны возсылая,
Красы въ ней новыя узрю.

XI.

Все со временемъ проходитъ;
Заблужденьямъ есть конецъ.
Тотъ во тьмѣ свой вѣкъ проводитъ,
Кто лишь славы чтитъ вѣнецъ.

Себѣ и сердцу измѣнял,
Мечту лобзаемъ каждый часъ;
Но, ахъ! все вздоръ! Любовь прямая
Одна сильна щастливить насъ.

*

Безъ любви намъ вся вселенна
Степью кажется пустой;
Горы злата драгоцѣнна
Безъ любви суть прахъ земной.
Любовь и скипетры украшаетъ;
Любовь и бѣдность золотитъ;
Но безъ любви Монархъ скучаетъ,
Ни что въ подсолнечной не льститъ.

*

Даръ любить дала Природа
Намъ въ замѣну нашихъ бѣдъ;
Сія нѣжныхъ чувствъ свобода
Выше Царскихъ всѣхъ побѣдъ.
Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюся я къ ней,
Тогда я все за вздоръ считаю,
Кромѣ голубушки моей.

*

Нину я люблю, какъ Бога;
Сердце страстно къ ней мое;
Въ ней доброту я вижу многа,
Паче всѣхъ люблю ее.
Глазамъ призраками мѣняя,
Кажуся я во всѣхъ влюбленъ;
Но, ахъ! все вздоръ, все пыль пустая!
Одною Ниной я блаженъ.

XII.

Безъ затѣй, въ простомъ обрядѣ,
Дома съ Ниной жить мнѣ рай;
Съ нею въ полѣ, иль во градѣ,
Мнѣ любезенъ всякой край.
Съ ней убожества не знаю;
Все по мнѣ и все на нравъ.
Нина тутъ, — я не скучаю;
Нины нѣтъ, — и нѣтъ забавъ!

Мы участье принимаемъ
Съ нею равное во всемъ;
Въ черной день не унываемъ,
Въ красной пляшемъ и поемъ.
Чужой долѣ не ревнуемъ,
И природы чтя предѣлъ,
На Боговъ не негодуемъ,
Что не знатенъ нашъ удѣлъ.

При зарѣ вечерней, ясной,
Когда думъ нѣтъ въ головѣ,
Съ Ниной милой и прекрасной
Мы гуляемъ на травѣ.
Тамъ съ ней взапуски рѣзвлюся;
Она бѣгаетъ за мной,
Я за нею волочуся:
Ахъ! чѣмъ купишь часъ такой!

Деньги бѣдная награда
За свободу, за любовь;
Пышность слабая отрада,
Когда въ насъ пылаетъ кровь.

Пусть фортуны обольщенье
Весь морочитъ родъ людей;
Нина, ты мое прельщенье,
Ты краса судьбы моей!
Твоя скромность и пріятство,
Рѣчь, улыбка, страстный взоръ —
Вотъ одно мое богатство!
Все другое въ свѣтѣ вздоръ.
Кучей денегъ кто гордится,
Тотъ пускаетъ пыль въ глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

XIII.

Безъ любви на свѣтѣ можно
Дни щастливы проводить —
Думалъ я неосторожно,
И хотѣлъ ужь не любить.
Наша жизнь одна минута;
Надо пользоваться ей;
А любовь есть мука люта!
Ахъ! что въ ней, что въ ней, что въ ней!

*

Всѣ любовники вздыхаютъ
Безъ удачи, безъ пути;
Всѣ любовницы желаютъ
Тщетно радости найти.
Радость прежде обитала
Безъ любви въ душѣ моей;
Когда всѣхъ любовь сражала,
Я одинъ твердилъ: что въ ней!

*

Гдѣ любовь, тамъ и досада,
Тамъ неволи, тягота;
Во всѣхъ случаяхъ преграда,
Она горькая мечта.
Я свободой наслаждался
Въ тишинѣ безъ страстныхъ дней,
Надъ любовью насмѣхался,
И пѣвалъ: что въ ней, что въ ней!

*

Но подслушала Глафира,
И мнѣ брося нѣжной взоръ,
Научила прелесть міра
Находить въ любви съ тѣхъ поръ.
Я, ее познавши свойство,
Нахожу, что въ жизни сей
Щастье, радость и спокойство —
Ахъ! все въ ней, все въ ней, все въ ней!

XIV.

Пусть буду я судьбою
Гонимъ всегда, вездѣ,
Пусть въ злобѣ мнѣ покою
Не дастъ мой рокъ нигдѣ;
Но ежели Глафира
Одинъ мнѣ кинетъ взглядъ,
Я всѣ напасти міра
Сносить охотно радъ.

*

Вельможа горделивой
Курится похвалой;
Ласкатель торопливой
Гремитъ ему трубой:
А я моей Глафирѣ,
Когда ее хвалю;
Пою, бряньчу на лирѣ,
Что я ее люблю.

*

Люблю — о слово нѣжно!
О милой сердцу слогъ!
Ты смертнымъ неизбѣжно;
Тебя сложилъ самъ Богъ!
Тебя рекла Глафира,
Мой духъ воспрепеталъ,
Въ краю послѣднемъ міра
Мой духъ свой рай вмѣщалъ.

*

Твердитъ его радъ вѣчно,
Коль будешь повторять;
Блаженство безконечно
Ты дашь мнѣ тѣмъ познать.
Цари своей порфирой
И славой дорожатъ;
А я моей Глафирой
И щастливъ и богатъ.

XV.

Безъ тебя, моя Глафира,
Безъ тебя, какъ безъ души;
Никакія Царскія міра
Для меня не хороши,
Мнѣ повсюду будетъ скучно,
Не могу я быть щастливъ;
Будь со мною неразлучно,
Будь со мной, доколѣ живъ!

*

Ни богатства не желаю,
Ни въ большіе Господа;
Все другимъ — то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда: —
Вотъ одно мое желанье!
У меня другаго нѣтъ;
Безъ тебя — вся жизнь страданье,
Безъ тебя — пустыня свѣтъ.

*

Я люблю тебя всѣхъ болѣ,
Я люблю одну тебя;
Въ толь пріятной сердцу долѣ
Съ кѣмъ сравняю я себя?
Ахъ! ни съ кѣмъ, ни съ кѣмъ, конечно!
Только ты люби меня:
Буду щастливъ, будешь вѣчно
Ты мой другъ и жизнь моя!

XVI.

Прости ! я обнимаю
Тебя въ послѣдній разъ,
Печали вѣкъ встрѣчаю
Утѣхъ за краткой часъ.
Лети въ страну далеку,
Лети другихъ плѣнять;
Щастливу слѣдуй року,
Оставь меня страдать !

*

Мои красы завянутъ,
Я выучусь тужить;
Тебя хвалить всѣ станутъ,
А я одна любить.
Я къ сердцу мнѣ драгому
Отъ сердца вѣсть пошлю;
Уста мои другому
Не скажутъ: я люблю !

*

Нѣтъ, чувствъ иныхъ не знаю,
Какъ собственно твои,
И къ нимъ я примѣняю
Всѣ склонности мои.
Коль щастливъ ты — я рада,
Коль грустенъ — я крушусь;
Твои смѣхъ — моя отрада;
Заплакалъ ты — я рвусь.

*

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебѣ принадлежитъ;
Ты сердцемъ обладаешь,
Оно къ тебѣ лежитъ.
За все мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себѣ за щастье
И видъ одинъ любви.

XVII.

Нѣтъ! я не льзя жить мнѣ безъ нее;
Въ ней все щастіе мое!
Гдѣжъ другую мнѣ найтить?
Когожъ буду такъ любить?

*

Нѣтъ! я не хочу я ничего,
Кромѣ сердца твоего:
Тутъ всѣ міра красоты,
Гдѣ со мной, Глафира, ты!

*

Нѣтъ! я пусть даютъ мнѣ, что хотятъ;
Ни чѣмъ сердца не взманятъ.
Милой твой, Глафира, взоръ
Всѣхъ отрадъ моихъ соборъ.

*

Нѣтъ! я ни богатствами не льщусь,
Ни честьми не веселюсь;
Всякой щастливъ я судьбой,
Будь Глафира лишь со мной.

*

Нѣтъ! я ни на что не погляжу;
Милу другу докажу,
Что я лучше смерть стерплю,
Чѣмъ иную полюблю.

*

Нѣтъ! я не сердись ты на меня,
Что люблю такъ сильно я;
Ахъ! не льзя съ тобою быть
И слегка тебя любить.

*

Нѣтъ! я владѣй сердцемъ и душой,
Во всемъ власть твоя со мной;
Будь здорова, весела,
Люби такъ, какъ ты мила.

XVIII.

Любовь намъ не въ отраду,
Но въ муку создана;
Раждаетъ лишь досаду
И грусть въ сердцахъ она.
Любя, не льзя покою
Нигдѣ, ни въ чемъ найтить:
Съ чувствительной душою
Бѣда на свѣтѣ жить!

*

О милая Глафира!
Безъ сердца твоего
На что мнѣ Царства міра?
Не надо ничего.

Тобой я утѣшаюсь,
Тобою изумленъ;
Ты взглянешь — восхищаюсь,
Ты молвишь — я блаженъ!

*

За чтожъ меня терзаешь
Холодностью своей,
Когда такъ твердо знаешь,
Что ты мнѣ всѣхъ милѣй?
Что власть твою вмѣняю
Во власть самихъ Боговъ,
Любовь твою считаю
Всѣхъ выше ихъ даровъ?

*

Смягчи суровость рока
И скорбь мою пойми;
Или не будь жестока,
Иль жизнь мою возьми!
Тобой — ни кѣмъ иною,
Могу я находить,
Что сь нѣжною душою
Пріятно въ свѣтѣ жить.

XIX.

Нѣтъ! весь трудъ мой безполезной,
Поздо мнѣ себя тѣмъ льстить,
Чтобъ Раиды видъ любезной
Могъ изъ сердца истребить.
Нѣтъ, Раида несравненна
Ни съ какою красотой;
Будетъ сердцу драгоцѣнна,
Пока солнца свѣтъ со мной!

*

Безъ Раиды жизнь мученье,
Каждой часъ какъ будто годъ;
Къ ней всѣхъ чувствъ моихъ стремленье,
Въ ней предметъ моихъ заботъ:
Она разумъ восхищаетъ,
Она душу веселитъ;
Сердце розно съ ней — вздыхаетъ,
А при ней — всегда болитъ.

*

Ея взоры всѣхъ быстрѣе
Нашли скрытой къ нему путь;
Ея голосъ всѣхъ скорѣе
Во мнѣ душу могъ тронуть.
Тяжело, я это знаю,
Въ мѣру чувствъ моихъ любить;
Но еще люпѣй счищаю, —
Безъ Раиды въ свѣтѣ жить.

XX.

На что желалъ съ тобой спознаться,
Коль зналъ, что будешь ты мила?
На что, коль должно разлучаться,
Искалъ тамъ быть, гдѣ ты была?
О щастье всякаго лестнѣе
Съ друзьями сердца вмѣстѣ быть!
О мука всякой несноснѣе
Въ разлукахъ частыхъ съ ними жить!

*

Когда не будешь ты со мною,
Кому скажу мою печаль?
Одинъ тогда, лишь самъ съ собою,
Скажу, что мнѣ Раиды жаль;
Что жизнь моя тошна, постыла,
Когда не вижуся я съ ней:
Коль нѣтъ въ глазахъ того, что мило,
То нѣтъ для сердца красныхъ дней.

*

Куда я дѣнусь безъ Раиды?
Чѣмъ мысль унылу разгоню?
Изчезнутъ всѣ веселья виды,
Которыми себѣ маню;
Изчезнетъ все на это время,
Пока не будетъ здѣсь ее,
И скуки черной люто бремя
Стѣснитъ все чувствіе мое.

*

Но, ахъ! когда ты возвратишься,
И вновь увижу я тебя?
Лишь ты глазамъ моимъ явишься,
Опять почувствую себя,
Опять мое воображенье,
Съ душой и сердцемъ за одно,
Вмѣститъ безсмертныхъ восхищенье
И оживетъ тобой оно.

XXI.

Чѣмъ я мысль ни занимаю,
А Зюлима всѣхъ милѣй!
Съ ней вседневно я вкушаю
Щастье самыхъ тихихъ дней.
Вспомнюль прежнее то время,
Какъ страстьми волнуемъ былъ, —
Я лишь чувствовалъ золъ бремя,
Но такъ сладко не любилъ.

*

За мечтами я гонялся
И чего-то все искалъ;
Находя, не восхищался,
А теряя, вновь желалъ.
Но теперь въ пріятной части
Я мученья не терплю;
Безъ волненья пылкой страсти
Со всей нѣжностью люблю.

*

Естьли мнѣ когда случится
Отъ Зюлимы чѣмъ нибудь,
Хоть бездѣлкой, огорчиться,
Стоитъ только ей взглянуть; —
Все повѣрю, все забуду,
Чѣмъ старалась досадить.
Сколько въ свѣтѣ жить ни буду,
Мнѣ другой такъ не любить.

XXII.

Пой, соловушка свободной,
Пой на вѣточкѣ своей,
Пока ястребъ, чортъ негодной,
Не склевалъ тебя на ней,
Пока вѣтры бурны съ поля
Не надули на тебя,
Или въ клѣточкѣ неволя
Не дала узнать себя.

*

Пой, соловушка мой милой,
Сладку пѣсенку свою;
Ты не знаешь той унылой,
Что я всякой часъ пою.
Дней нещастливыхъ на свѣтѣ
Для тебя въ лѣсочкѣ нѣтъ;
Всѣ дни ясны въ цѣломъ лѣтѣ,
Пока зелень есть и цвѣтъ.

*

Пой, соловушка, ярчѣе,
Чтобъ дрожалъ весь лѣсъ, какъ листъ,
Звучи горлышкомъ громчѣе,
Раздавай за рощу свистъ;
Тебѣ все дала природа:
Ты уютенъ, молодъ, милъ,
Ты краса всего народа!
Запрещалъ — такъ и плѣнилъ.

*

А я бѣдной не умѣю
Такъ понравиться, какъ ты,
Голосишка не имѣю,
Ни крыла, ни красоты. —
Станемъ участью мѣняться!
Или, птичка, вѣчно знать
Тебѣ пѣть и наслаждаться,
Мнѣ любить и тосковать.

XXIII.

Я живалъ, живу, жить буду
Друга милаго любя,
Всю вселенную забуду,
Не забуду лишь тебя.

Ты милѣе солнца красна,
Ты дороже жизни мнѣ;
Образъ твой въ душѣ всечасно,
Имъ я брежу и во снѣ.

Ни разлука, ни препятства
Чувствъ моихъ не измѣнятъ;
Всей подсолнечной богатства
Мнѣ тебя не замѣнятъ.
Я владычества не знаю
Выше прелестей твоихъ;
Имъ разсудокъ покоряю,
Рай душевной вижу въ нихъ.
Не ревную пышной долѣ
Знаменитыхъ нашихъ бояръ;
Въ нищетѣ, въ бѣдѣ, въ неволѣ,
Естьли милъ тебѣ, — я Царь. —
Ты мое смягчаешь бѣдство,
Сколь бы ни былъ рокъ суровъ;
Взглянешь — небо зрю отверсто,
Молвишь — внемлю гласъ Боговъ.
Восхищай меня собою,
Пока длится жизнь моя,
Пока смерть ужасной тьмою
Не покрыла и меня.
Но и тамъ, гдѣ жизнью вѣчной
Долженъ духъ безсмертной жить,
Въ тебѣ буду, другъ сердечной,
Всѣхъ отрадъ вину любить.

XXIV.

Печаль, души моей подруга!
Питай ее всегда собой;
Кажи вездѣ тѣнь мила друга
Въ живыхъ чертахъ передо мной!
Кажи того, кого любила,
Какъ любятъ ясны небеса,
Въ комъ чувства всѣ животворила
Души и разума краса!
Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ его, всечасно
Въ мѣстахъ, гдѣ я живу одна,
Замучилъ трепетъ сердце страстно
И язва люпая дана.
Въ собраньяхъ общихъ я не вижу
Малѣйшей радости своей,
Забавы міра ненавижу,
Въ пустыни кроюсь отъ людей.
Въ жилищѣ мрачномъ раздается
Повсюду вздохъ унылой мой,
Съ утра до поздней ночи льется
Слеза горячая рѣкой.
И сонъ тоски не уменьшаетъ,
Забыть того мнѣ не даетъ,
Кто весь мой разумъ наполняетъ
И кажду каплю крови жжетъ.
Печаль мнѣ спутница въ дороги,
Вездѣ ея зрю черной слѣдъ;
Меня вѣнчали съ нею Боги
Въ ужасномъ храмѣ люпыхъ бѣдъ.

Она и въ гробъ меня проводитъ,
Раздѣлитъ мракъ его со мной;
Нещастной щастіе находитъ
Подъ крышкой только гробовой.

XXV.

Спой — *Вздохни*, Александрина! —
Дай мнѣ жизни райской часъ!
Будь единственна причина
Всѣхъ отрадъ еще хошь разъ!

*

Спой, напомни мнѣ стократно
Тѣ моихъ восторговъ дни,
Въ кои слышалъ, сколь пріятно
Пѣла пѣсенку: — *Вздохни!*

*

Голосъ нѣжной раздавался
Въ повсемѣстной тишинѣ;
Весь хоръ Ангеловъ казался
Быть на нашей сторонѣ.

*

И въ гармоніи небесной,
Среди многихъ звучныхъ лиръ,
Отголосокъ твой прелестной
Разпознаетъ цѣлой міръ. —

*

Ктожъ дерзнетъ съ тобой равняться,
Кто споетъ *Вздохни* какъ ты? —
Лишь въ тебѣ могли вмѣщаться
Столь безцѣнны красоты!

*

Съ симъ сокровищемъ Природы
Жизнь блаженну протяни;
Въ чувствахъ мира и свободы
Не вздыхай, — а пой: *Вздохни!* —

XXVI.

Коль сéрдца нѣжнаго довольно,
Чтобы любви достойнымъ быть,
Ельфрида! — ты должна невольно
Меня всю жизнь свою любить,
Должна за то, что я съ тобою
Готовъ дѣлить на свѣтѣ все,
Готовъ навѣкъ съ твоей судьбою
Связать все щастіе мое. —

*

Не вѣрь лукавому внушенью
Толпы обманчивыхъ льстецовъ;
Чтобъ дать видъ правды обольщенью,
Языкъ богатъ въ наборѣ словъ.
Я самъ на свѣтѣ прожилъ много,
Страстей тревоги испыталъ,
Страстями былъ наказанъ строго —
Любви прямой не измѣнялъ. —

*

Чета сердецъ и откровенность
Взаимныхъ чувствъ между людей
Такая въ жизни драгоцѣнность,
Какой подъ солнцемъ нѣтъ милѣй!
Любовникъ сто побѣдъ изчислитъ;
Но что въ нихъ толку? — Пустоцвѣтъ!
Уроковъ опыта не смыслитъ; —
Добыча есть — да щастья нѣтъ. —

*

Ельфрида, другъ мой! — восхищаться
Не вѣчно можетъ человѣкъ;
Онъ любитъ жить и наслаждаться,
Его такъ кратокъ, труденъ вѣкъ. —
Восторгъ минутной утолится,
Какъ легкой вѣтеръ пролетитъ;
Любовь до самой смерти длится,
Она и прахъ животворитъ.

*

Любовь и за предѣлы жизни
Надежды якорь утвердя,
Въ небесной Ангельской отчизнѣ
Свои отрады возродя,
Зари ждетъ вѣчности прекрасной,
И милой встрѣтя тамъ предметъ,
Не призракъ дѣлитъ съ нимъ опасной,
Но чистой огнь и тихой свѣтъ.

XXVII.

Друзья! пришло дней мирныхъ время,
Нигдѣ не пахнетъ ужь войной,
Сложилъ и я доспѣховъ бремя,
Въ Москву явился на покой.
Разбивъ толпы враговъ ужасны,
Хочу красавицъ обожать,
Въ романсахъ нѣжныхъ чувства страстны
На скромной лирѣ напѣвать.

*

Пора геройству утолиться,
Коню и саблѣ отдохнуть; —
Пора въ свободѣ волочиться,
И съ милой взапуски вздохнуть,

На грудь, израненну для славы,
Ея грудь нѣжную прижать,
Дѣлить съ ней цѣлой день забавы,
Всю ночь красы ея лобзать.

*

Крестовъ и ленть надѣну кучу,
Мундиръ шнуровкой затяну,
На балахъ вальсами замучу,
Въ восторгахъ сладостныхъ усну;
Меня будить не станетъ ночью
На батареяхъ барабанъ;
Одной любви чудесной мочью
Въ диванѣ буду я Султанъ.

*

Изъ устъ моей полу-богини
Услышу щастья приговоръ;
Къ очаровательной судьбинѣ
Мнѣ путь ея проложитъ взоръ.
Престану быть слугой Беллоны
И пушекъ нюхать горькой дымъ;
Одни Венерины законы
Пребудутъ правиломъ моимъ.

*

Видалъ я рыцарей отважныхъ,
Проливщихъ кровь свою за честь,
На костыляхъ неваншажныхъ
Бродящихъ въ домъ чужой попѣсть; —
Взглянулъ на нихъ, и — содрогнулся.
По щастью брани духъ изчезъ,
Я живъ и цѣлъ, — и улыбнулся;
Не буду крови лить и слезъ.

*

Давайте снова жить друзьями
За круговеньками семей;
Москва, богатая пирами,
Еще становится щедрѣй:
Вездѣ театры, скачки, балы,
Безъэтикетная любовь,
И тороватыя покалы
У нашей братьи грѣютъ кровь.

*

Хвала дѣятельной природѣ!
Чего намъ родина не дастъ!
Не страшенъ намъ капризъ погоды,
Гдѣ съ поцѣлуемъ ждетъ *тостъ*.
Даря и то мнѣ и другое
Богамъ подобна красота,
Яви, что время золотое
Не баснословная мечта!

XXVIII.

Рыцарь! вложи въ ножны свой мечъ
И позавидуй нашей долѣ!
Пора престать ужъ крови течь,
Пора рѣзвиться съ нами въ полѣ.
Увы, пастушки, радъ бы я
Быть вамъ товарищъ въ хороводѣ;
Но ужъ дней ясныхъ для меня
Богъ не даетъ нигдѣ въ природѣ.

*

Я былъ въ красавицу влюбленъ;
Ей въ мірѣ не было подобной:
Вдругъ полкъ въ походъ мой наряженъ,
И сердцемъ овладѣлъ духъ злобной.

Я билъ врага, я грады жегъ,
Я видѣлъ смерть, и не пугался;
Лишь только перенесть не могъ
Того, что съ миленькой разстался.

*

Слава Царю — миръ кончилъ брань,
Воинъ на родину явился,
И я медали славы въ дань
Поднесть красавицѣ гордился;
Но рука сильная Творца
За чью нибудь знать жизнь мнѣ мстила,
И вмѣсто брачнаго вѣнца
Путь мнѣ въ могилу проложила.

*

Моя подруга безъ меня
Тоски терпя недуги люты,
Чувству любви не измѣня,
Жить не хотѣла ни минуты;
Щастье изчезло съ ней мое,
И я, прахъ милой лобызая,
Кричу въ слезахъ, забывши все:
Спѣши минута роковая!

*

Спѣши скорѣй сразить того,
Кто благъ не зритъ ужъ больше въ жизни,
Кому не надо ничего
Ни въ чужихъ людяхъ ни въ отчизни!
Пастушки! мнѣ васъ не видать!
Солнце взойдетъ, меня не будетъ;
Въ одну съ ней землю лягу спать;
Въ одномъ Раю насъ Богъ разбудитъ.

XXIX.

Пока Фатьма меня любила,
Чего мнѣ было пожелать;
Сама судьба меня хранила,
Мѣшая грусти духъ смущать.
Я нѣжной молодости въ цвѣтѣ
Благополученъ вправду былъ;
Ни чѣмъ не дорожилъ на свѣтѣ,
Ее единственно любилъ.

*

Пока Фатьма не измѣнила,
Мнѣ непонятенъ былъ обманъ,
Душа въ восторгахъ замирала,
Амуръ былъ богъ мой — не тиранъ;
Его отрады скоротечны
Возобновлялись каждой часъ
И наслажденія сердечны
Богамъ уподобляли насъ.

*

Пока Фатьма не научилась
Искусству всѣхъ плѣнять собой,
Въ простой невинности рѣзвилась
По цѣлымъ днямъ съ однимъ со мной,
Я самъ, блистательной неволѣ
Свободу сельску предпочтя,
Подъ яснымъ небомъ въ чистомъ полѣ
Любилъ играть съ ней какъ дитя.

*

Не стало жизни той блаженной,
Откуда скука вдругъ взялась,
Фатьма мнѣ сдѣлалась невѣрной
И нитка щастья порвалась;
Съ тѣхъ поръ я сталъ тоскливъ, — скучаю,
Языкъ не вымолвитъ словца,
И что проснусь, то ожидаю
Нетерпѣливо дню конца.

*

Съ тѣхъ поръ живу я безъ пріюту,
Въ довольствѣ вижу нищету,
Дѣля съ лѣсами горесть люту,
Питаю сладкую мечту.
О, естьли образъ совершенства,
Фатьма, способна измѣнить,
То гдѣ же льзя искать блаженства,
Кого осталося любить?

ГУДОКЪ

ИВАНА ГОРЮНА.

I.

De l'inconſtance adieu приманки !
Femme je prends полно дурить :
Jolis tendrons сердца тиранки ,
Plus n'est permis мнѣ васъ любить ,
Autre fois dès que полночь било ,
Aux petits jeux давай , давай ;
Autre fois мало ли что было ,
Mais aujourdhui прости , прощай !

*

Всѣ говорятъ c'est un parjure ,
Чтобъ любить многихъ à la fois ;
Всѣ говорятъ , mais la nature
Шепчетъ мнѣ ; нѣтъ — et je le crois ;
Когда у насъ ſanté , jeunesse
A qui mieux , mieux давай , давай ;
А какъ пристигнетъ la vieillesse ,
Faut dire alors прости , прощай !

*

Des raiſonneurs сыскать не диво,
Qui jour et nuit станутъ кричать :
Qu'on ne ſauroit прожить щастливо ,
Si nos penchants не умѣрять
Raiſon le dit , но сердце нѣжно
N'a qu'un refrein давай , давай ;
On a beau dire c'eſt неизбѣжно ,
Sans quoi bonheur прости , прощай !

*

Но между насъ, ma bonne amie
Qu'un autre usage ſoit заведенъ;
Будь ты всегда la plus jolie,
Moi, je ſerai всегда влюбленъ;
Tant que notre âge насъ поджигаетъ.
A qui mieux, mieux давай, давай;
Vient un moment жаръ простываетъ,
Bongré malgré прости, прощай!

II.

Фекла! семъ-ка мы съ тобою
Станемъ жить, да поживать;
Станемъ мы безъ ссоръ и бою
Себѣ хлѣбецъ наживать.
Мы свой вѣкъ и безъ Амура
Промаячемъ кое-какъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

*

Я наукъ не понимаю,
Съ воспряками не вожусь,
Въ рѣчь разумну не вступаю
И въ собраньяхъ не гожусь.
Насъ пустила въ свѣтъ натура
Ни начто, какъ только такъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

*

Въ книгахъ я не обращаюсь,
Ариѳметики боюсь;

Съ Яшкой рыжимъ не якшаюсь (*),
Часто съ азбукой бранюсь.
На зубахъ у балагура
Пусть слывемъ мы такъ и сякъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

*

Вѣкъ охоты не имѣю
Ни въ карпишки, ни на балъ;
Днемъ сижу, хожу и прѣю,
Ночью дрыхну наповалъ:
Моей Феклы мнѣ натура
Вѣчно жить велѣла такъ.
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ.

*

Деньга деньгу въ сумку манитъ,
А за деньгой гроша жди;
Умъ доходу не притянитъ,
Сколько въ книгу ни гляди.
Видно хочетъ такъ натура,
Чтобъ умъ деньгамъ былъ батракъ;
Такъ пускай ты будешь дура,
Я радъ вѣчно быть дуракъ.

(*) Jean Jacques Rouſſeau.

III.

Я живу и веселюся,
Нѣтъ печали у меня;
Изъ мірскихъ суетъ не бьюся,
И не стражду полюбя.
Естьли что когда блажное
Въ умъ и въ сердце мнѣ взбредетъ,
Тужить — выдетъ лишь пустое;
Лягу спать, и все пройдетъ.
Пусть спарается, кто хочетъ,
Себя вздоромъ веселить;
Кто другой пускай хлопочетъ
Шпански башни городить.
Мало ль что высокомѣрье
Въ мысли суетны несетъ;
У меня свое повѣрье:
Лягу спать, и все пройдетъ.
Всѣ мы созданы Природой,
Чтобъ чего нибудь желать;
Кто гудкомъ, кто картъ колодой
Ищетъ время убивать.
Естьли разумъ меня смучитъ
И сердечушко зажметъ,
Нравъ мой скукѣ надокучитъ,
Лягу спать, и все пройдетъ. . . —

IV.

Мнѣ бы жить въ Москвѣ хотѣлось,
Играть въ карты, танцовать,
Милымъ быть ещебъ умѣлось,
Сталъ бы жить, да поживать;
Но лихъ часто такъ бываетъ,
Что не въ мѣру рокъ суровъ.
Кто жилъ больше, тотъ и знаетъ:
Хоть не радъ, да будь готовъ.

*

Иной любитъ за пирушкой
Цѣлой вечеръ просидѣть,
Вины крѣпкія пить кружкой,
А напившись, пѣсни пѣть.
Поглядишь другой порою,
Тотъ же янчикъ, не таковъ;
Гложетъ хлѣбъ сухой съ водою.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

*

Иной любитъ въ маскерадѣ
Щегольком себя казать,
Весь въ духахъ, въ большомъ нарядѣ,
Любитъ городъ обскакать;
Тотъ же хватикъ сплошь вздыхаетъ,
Сидя дома безъ чулковъ;
Фракъ жилетомъ выкупаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

*

Другой къ банку прилѣпяся,
Ставитъ кучи день и ночь.
На фортуну разсердяся,
Самъ себя загнуть не прочь;
Анъ домой какъ заберется,
Ни полѣна нѣту дровъ;
Дуетъ въ ногти, въ уголъ жмется.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

*

Знатной баринъ цугомъ дуетъ
И дивитъ собой народъ;
А народъ, то зря, толкуетъ:
Этотъ всѣхъ знатнѣй Господъ!
А другой хоть и смѣкаетъ,
Что вся штука семь сколовъ;
Но съ поклонцомъ забѣгаетъ.
Хоть не радъ, да будь готовъ.

V.

Я любви уже не слуга,
Съ ней хочу на вѣкъ проститься;
До меня была строга,
Не чѣмъ вовсе похвалилися.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Съ нею будь всегда готовъ
Горько плакать и терзаться;
А съ виномъ я безъ чиновъ
Буду всякой день смѣяться.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою!
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Въ любви всякой часъ бѣда
И всего остерегайся;
А въ винѣ къ ней нѣтъ слѣда,
Только чаще напивайся.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Все мнѣ будетъ по нутру,
Какъ съ бутылкой подружася,
Буду пьянъ и по утру,
Буду пьянъ и спать ложася.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Естьли грусть придетъ ко мнѣ,
Иль о чемъ вздыхать я буду,
Погрузивъ тоску въ винѣ,
Самаго себя забуду.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Городскимъ смѣюсь молвамъ, —
Къ щастью ближнихъ всѣ ревнуютъ;
Былъ бы радъ и веселъ самъ,
Что хотятъ пускай толкуютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Пускай пьяницой зовутъ
И въ бесѣды не пускаютъ;

Тѣ всѣ долгой вѣкъ живутъ,
Кои женщинъ убѣгаютъ.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

У него тажъ пара глазъ;
Но когда онъ нагрузится,
Что ты видишь въ одинъ разъ,
То въ глазахъ его троится.
Перестану я любить,
Найду путь иной къ покою:
Съ рюмкой веселѣе жить,
Чѣмъ съ коварной красотою.

*

Лишь бы мнѣ судьба дала,
Чѣмъ быть пьяну повсечасно,
И вся жизнь моя такъ шла,
Чтобъ въ любви не нынь напрасно, —
Женской полъ прости, прощай;
Мнѣ съ тобой ужь не встрѣчаться;
Всѣхъ забавъ для меня край:
Пить и въ вѣкъ не просыпаться.

VI.

Я безъ Дунюшки не слажу
Ни въ гудокъ, ни поплясать;
Что ни дѣлаю, ни лажу,
Нѣтъ ума ничто начать.

Дуня, Дуня дорогая!
Ахъ! почто тебя здѣсь нѣтъ?
Вся душа во мнѣ другая,
Когда ты со мной, мой свѣтъ!

Когда взглянешь ты пріятно,
Я совсѣмъ тогда не тотъ;
Все мнѣ мило, все понятно,
И на сердцѣ нѣтъ забот.

А какъ Дуня за очами,
Не глядѣлъ бы на людей,
Бабъ скучаю я толпами;
Изъ нихъ Дуни нѣтъ милѣй!

Кинь сторонушку чужую,
Дуня, воротись домой!
Что ты хочешь, я дарую,
И всю жизнь готовъ быть твой.

Безъ тебя на что имѣнье?
Безъ тебя не нуженъ кладъ:
Житъ съ тобою утѣшенье;
Твой всего дороже взглядъ.

VII.

Шелъ, пошелъ нашъ Воевода
Вдоль по Клязмѣ погулять;
Вдругъ ненастная погода —
Пришлось дома тосковать;
Подъ окошкомъ его скачетъ
Мужикъ съ бабою самдругъ,
Не горюетъ онъ, не плачетъ,
Дуетъ кллчу во весь духъ.

*

Ахъ вы горе - Воеводы!
Нѣтъ удачи вамъ въ гульбѣ;
Много чести безъ свободы,
Чертъ ли въ эдакой судьбѣ.
У васъ каменны палаты
Ужь куда какъ высоки,
Вы и знатны и богаты,
Лишь отъ щастья далеки.

*

Какъ медвѣдь лѣсной въ берлогѣ,
Къ вамъ и приступу, чай, нѣтъ;
И невольнику въ острогѣ
Поглядѣть даютъ на свѣтъ, —
А у васъ тоска, кручина
Изсушила сердце все.
Посмотри - ка ты, дѣтина,
На мое житье, бытье.

*

Какъ вспашу я десятину
И домой вернусь къ себѣ,
Браги выпью на полтину,
Подъ бочекъ прижмусь къ женѣ, —
Я съ Фетиньею ласкаюсь,
Какъ съ голубкой голубокъ,
Нацѣлуюсь, наиграюсь, —
Лягу вздрыхнуть на часокъ.

*

Въ праздникъ выду въ хороводы,
Красныхъ дѣвокъ цѣлой строй;
Не боюсь я непогоды,
На дворѣ и въ дождь и въ зной. —
Дѣти живы, жена бродитъ,
Вотъ и все мое добро;
Ко мнѣ скука не заходитъ;
Я не льщусь на серебро.

*

Такъ-то житъ у насъ учися,
Воевода господинъ!
Въ поднебесну не гнѣздися;
Тамъ вѣдь Богъ живетъ одинъ:
До Него — не доберешься,
До Царя — куда достать;
А какъ въ полѣ обживешься,
Такъ и полно тосковать.

VIII.

За чѣмъ мы въ жизни суетимся,
По чести, трудно отгадать;
Едва минутой насладимся,
Канъ должно цѣлой день страдать. —
Въ мечтахъ все кажется безцѣнно,
На дѣлѣ — видишь все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Щастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ! —

*

Природа все вознаграждаетъ, —
Она раскошна и щедра,
И въ самой старости являетъ
Лучи блистательна утра;
Страстями сердце увлеченно,
Въ восторгахъ ловитъ все обманъ.
Позвольте молвить откровенно:
Щастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ! —

*

Иному разумъ помутила
Огромной славы суета;
Другому душу истомила
Суровымъ взглядомъ красота;
Гдѣ чаемъ благо совершенно,
Тамъ видъ его беретъ обманъ;
Позвольте молвить откровенно:
Щастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ.

*

Оставимъ сильнымъ все на свѣтѣ,
И отъ лихихъ уйдемъ людей! —
Поставимъ мы себѣ въ предметѣ
Простое щастье, безъ затѣй;
Оно дано намъ непремѣнно —
И я пою, наливъ стаканъ;
Позвольте молвить откровенно:
Щастливъ лишь тотъ, кто сытъ и пьянъ. —

IX.

Плюнь Фетинья на молву,
Выдь со мною погулять;
Сядемъ вмѣстѣ на траву
Въ поцѣлуи поиграть.

Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ любы, любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

*

Я тебя, мой милой другъ,
Больше всѣхъ въ селѣ люблю;
Съ тобой праздничной досугъ,
Съ тобой будни раздѣлю.

Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

*

За сохою ли хожу,
Борону ли полосу,
Вездѣ въ мысляхъ я гляжу
На твою, мой свѣтъ, красу.

Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

*

Мнѣ не надо за тобой
Сарафановъ дорогихъ;
Ты въ паневѣ мнѣ простой
Краше всѣхъ сестеръ своихъ.
Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

*

Куча денегъ пустота,
Сердцу тошно безъ любви;
Чушь задѣнетъ красота,
Закипитъ огонь въ крови.
Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

*

Здайся на мои слова
И не босъ меня любить;
Все на свѣтѣ прынъ трава!
Станемъ душа въ душу жить.
Былобъ сыто, да тепло,
Дѣло бы на умъ не шло;
А тамъ, любы любушки,
Станемъ дѣлать дрёмушки.

Конецъ третіей Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Нѣчто для весельчаковъ. - - - -	5
Авось. - - - - - - - -	22
Везетъ. - - - - - - - -	30
Живетъ. - - - - - - -	37
Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ. - -	45
Семира Болеславна. - - - - -	50
Дубина. - - - - - - -	60
Баркасъ. - - - - - - -	64
Исповѣдь грѣховодника. - - - -	67
Старость не радость. - - - -	71

Мои субботы.

Слава. - - - - - - - -	75
Къ Амуру. - - - - - - -	78
На шутку жены моей. - - - -	80
Кн. Шал. - - - - - - -	82
Къ нему же. - - - - - -	84
Любовь. - - - - - - -	86
Пристрастіе. - - - - - -	89
Мой кабинетъ. - - - - - -	92
Ропотъ на дорогу. - - - - -	94
Возвращеніе домой. - - - - -	97
Гдѣ лучше, какъ дома. - - - -	99
Мой театръ. - - - - - -	102
Вольное подражаніе Француз. сочиненію Гна. St. Evremond. - - - - -	107

Оглавленіе.

Смѣсь.

		Стран.
1.	Елисаветъ градъ.	111
2.	Развалины Серпуховской крѣпости.	112
3.	На имянины К . . Е . . П . . Щ . .	113
4.	На 1й отъѣздъ въ Кіевъ К.. Н.. Нарышкиной.	114
5.	На 2й отъѣздъ ея же.	115
6.	Желанія ей же.	116
7.	Эпиталама Е . . . П . . . у . . .	118
8.	Сонюшкѣ.	120
9.	Ей же.	122
10.	П. И. Мятлевой, въ Кіевѣ.	124
11.	Графинѣ Брол.	125
12.	Переводъ спиховъ Визапура Е . . С . . О . .	127
13.	На имянины милой.	—
—	На дѣтской балъ Стефани.	128
14.	На долину Мишинскую, въ Бѣлевѣ, А.. П.. Ю..	130
15.	На картину ей же.	132
16.	На хижину красавицы.	134
17.	В . . . И . . . Кошелевой.	136
18.	Женѣ въ деревнѣ.	138
19.	Темиръ Т . . А . . Л . .	139
20.	Перовскому.	140
21.	На день рожденія П . . П . . Н . .	141
22.	Барону А . . . С . . . С . . .	142
23.	М. П. Телегину, изъ Венева.	144
24.	Отвѣтъ на привѣтствіе В . . С . . П . .	146
25.	Зовъ на обѣдъ, ему же.	147
26.	Моему пасынку А . . . А . . . П . . .	148
27.	Пріятелю изъ коляски.	150
28.	На пожалованіе меня въ Т . . С . .	151
29.	На праздникъ въ Мишинѣ В . . А . . К . .	152
30.	На праздникъ въ Дубнахъ А . . А . . Б . .	154
31.	Вечеринка въ саду.	157
32.	Балъ въ Кременчугѣ.	159
33.	На дѣтской домашній концертъ.	160
34.	Заговѣнье.	162
35.	Вопросъ.	164

Оглавленіе.

		Стран.
36.	Письмецо.	166
37.	Досада.	168
38.	Восторгъ.	170
39.	Ручей.	173
40.	Оправданіе.	175
41.	Примѣчаніе.	177
42.	Минутная тоска отъ разлуки.	179
43.	Дрема въ коляскѣ.	180
44.	Хвала вину.	181
45.	Часы.	184
46.	Эпитафія теленку.	186
47.	Привѣтствіе малолѣтнаго отцу его, въ день его имянинъ.	188

Четверостишія.

1.	Надпись къ вензелю Екатерины II.	191
2.	На имянины Кн. В. Ю. Д.	—
3.	Люб. Иван. Безо.	—
4.	На село ея Патакино.	192
5.	На Васильевское.	—
6.	Лунѣ.	—
7.	Экспромтъ.	193
8.	Къ портрету Кн. Е. С. Д.	—
9.	Къ моему портрету.	—
10.	На планъ города Березова.	—
11.	А. А. П.	194
12.	Красавицѣ.	—
13.	На бракосочетаніе.	—
14.	Эпитафія Н. В. К.	—
15.	Матеріалисту.	195
16.	Безъимянной въ Альбомъ.	—
17.	Е. С. О. на балѣ.	—
18.	На Журналиста.	196
19.	Въ Альбомъ.	—
20.	Шутка.	—

Оглавленіе.

Пѣсни на разные голоса.

		Стран.
I.	Все съ тобой меня прельщаетъ. -	199
II.	Сколько разъ, жестокой, клялся. -	200
III.	Ахъ! напрасно мнѣ пѣняешь. - -	201
IV.	Пусть славѣ въ жертву жизнь приноситъ.	202
V.	По тебѣ я воздыхаю. - - -	203
VI.	О время дорогое. - - - -	—
VII.	Меня рѣки разлучаютъ. - - -	204
VIII.	Люблю съ тобою говорить. - -	206
IX.	Ахъ! какъ скучно жить въ разлукѣ.	207
X.	Я видѣлъ Дворъ, поля и грады. -	209
XI.	Все со временемъ проходитъ. - -	—
XII.	Безъ запѣй, въ простомъ обрядѣ. -	211
XIII.	Безъ любви на свѣтѣ можно. - -	212
XIV.	Пусть буду я судьбою. - - -	213
XV.	Безъ тебя, моя Глафира. - - -	215
XVI.	Прости, я обнимаю. - - -	216
XVII.	Нѣтъ! 3 не льзя жить мнѣ безъ нее.	217
XVIII.	Любовь намъ не въ отраду. - -	218
XIX.	Нѣтъ! весь трудъ мой безполезной. -	220
XX.	На что желалъ съ тобой спознаться.	221
XXI.	Чѣмъ я мысль ни занимаю. - -	222
XXII.	Пой, соловушка свободной. - -	223
XXIII.	Я живалъ, живу, жить буду.	224
XXIV.	Печаль, души моей подруга. - -	226
XXV.	Спой — Вздохни, Александрина.	227
XXVI.	Коль сердца нѣжнаго довольно. -	228
XXVII.	Друзья! пришло дней мирныхъ время.	229
XXVIII.	Рыцарь! вложи въ ножны свой мечь.	231
XXIX.	Пока Фатьма меня любила. - -	233

Гудокъ Ивана Горюна.

I.	De l'inconstance adieu приманки. -	237
II.	Фекла! семъ-ка мы съ тобою. - -	238
III.	Я живу и веселюся. - - - -	340
IV.	Мнѣ бы жить въ Москвѣ хотѣлось. -	241
V.	Я любви ужъ не слуга. - - -	243
VI.	Я безъ Дунюшки не слажу. - -	246
VII.	Шелъ, пошелъ нашъ Воевода. - -	247
VIII.	За чѣмъ мы въ жизни суетимся. -	249
IX.	Плюнь, Фетинья, на молву. - -	251